



IV Международная научная конференция

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ



Санкт-Петербург

УДК 93
ББК 63
И90

Главный редактор: *И. Г. Ахметов*

Редакционная коллегия сборника:

М. Н. Ахметова, Ю. В. Иванова, А. В. Каленский, В. А. Куташов, К. С. Лактионов, Н. М. Сараева, Т. К. Абдрасилов, О. А. Авдеюк, О. Т. Айдаров, Т. И. Алиева, В. В. Ахметова, В. С. Брезгин, О. Е. Данилов, А. В. Дёмин, К. В. Дядюн, К. В. Желнова, Т. П. Жуйкова, Х. О. Жураев, М. А. Игнатова, К. К. Калдыбай, А. А. Кенесов, В. В. Коварда, М. Г. Комогорцев, А. В. Котляров, В. М. Кузьмина, С. А. Кучерявенко, Е. В. Лескова, И. А. Макеева, Т. В. Матроскина, Е. В. Матвиенко, М. С. Матусевич, У. А. Мусаева, М. О. Насимов, Б. Ж. Паридинова, Г. Б. Прончев, А. М. Семахин, А. Э. Сенцов, Н. С. Сенюшкин, Е. И. Титова, И. Г. Ткаченко, С. Ф. Фозилов, А. С. Яхина, С. Н. Ячинова

Руководитель редакционного отдела: *Г. А. Кайнова*

Ответственные редакторы: *Е. И. Осянина, Л. Н. Вейса*

Международный редакционный совет:

З. Г. Айрян (Армения), П. Л. Арошидзе (Грузия), З. В. Атаев (Россия), К. М. Ахмеденов (Казахстан), Б. Б. Бидова (Россия), В. В. Борисов (Украина), Г. Ц. Велковска (Болгария), Т. Гайич (Сербия), А. Данатаров (Туркменистан), А. М. Данилов (Россия), А. А. Демидов (Россия), З. Р. Досманбетова (Казахстан), А. М. Ешиев (Кыргызстан), С. П. Жолдошев (Кыргызстан), Н. С. Игисинов (Казахстан), К. Б. Кадыров (Узбекистан), И. Б. Кайгородов (Бразилия), А. В. Каленский (Россия), О. А. Козырева (Россия), Е. П. Колпак (Россия), К. И. Курпаяниди (Узбекистан), В. А. Куташов (Россия), Лю Цзюань (Китай), Л. В. Малес (Украина), М. А. Нагервадзе (Грузия), Ф. А. Нурмамедли (Азербайджан), Н. Я. Прокопьев (Россия), М. А. Прокофьева (Казахстан), Р. Ю. Рахматуллин (Россия), М. Б. Ребезов (Россия), Ю. Г. Сорока (Украина), Г. Н. Узаков (Узбекистан), Н. Х. Хоналиев (Таджикистан), А. Хоссейни (Иран), А. К. Шарипов (Казахстан)

И90 **История и археология** : материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2017 г.). — Санкт-Петербург : Издательский дом «Свое издательство», 2017. — iv, 64 с.

ISBN 978-5-4386-1198-1

В сборнике представлены материалы IV Международной научной конференции «История и археология».

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов исторических специальностей, а также для широкого круга читателей.

УДК 93
ББК 63

ISBN 978-5-4386-1198-1

© Оформление.
ООО «Издательство Молодой ученый», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

Гусев К.Д.

Конструирование исторического образа в монументальном искусстве: на материале памятников П.А. Столыпину 1

Matyoqubova M., Abdullayeva H.

The history of political administrative governance of Khiva khanate from the period of Mukhammad Rahimkhan I to Mukhammad Rahimkhan II (Anushaxon period) 4

Matyoqubova M., Khudjayeva G.

Information about the reservoirs of drinking water and their construction history in Anushaxon period. 6

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Коскова А.С.

Итальянские королевские военно-морские силы на Черноморском театре войны: 1942–1943 гг. 8

ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН

Артеменко Н.И.

Возрождение культа японского императора во второй половине XX – начале XXI в.: этапы, особенности, дискуссии. 13

Бабенко О.В.

Публика императорских оперных театров Российской империи конца XIX – начала XX вв. 16

Бабенко О.В.

1917 год в воспоминаниях С.В. Рахманинова и Ф.И. Шаляпина 22

Матьякубова М.М., Худжаева Г.

Рукописи и эпиграфические сведения при изучении истории Хивинского ханства: особенности и правила написания 26

ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ, СТОРОН И ЯВЛЕНИЙ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**Визавитин О.И.**

Павел I и реформа военного законодательства 28

Долгова Л.В.

Возникновение жанра ток-шоу на российском телевидении 30

Короткова М.Н., Трошин И.С.

Отношение медицинского персонала к применению магических ритуалов, заговоров и примет в профессиональной деятельности 31

Лёзин А.И. Предпосылки вторжения войск США во Вьетнам.....	34
Макеева Е.Д. Природоохранная политика СССР в 1960–1980-х гг.: успехи, провалы и противоречия	37
Сурженко Е.Я., Москвин А.Ю., Москвина М.А. Исторические методы корректировки чертежей в современной реконструкции одежды.....	41
Федорова Т.В., Степанов А.В. Основание Русской Православной Миссией духовных школ в Японии во второй половине XIX – начале XX в.....	45
Черенцова К.В. Производство материальной части артиллерии на механическом заводе «Красный Арсенал» – заводе №7 в 1920-х годах	48

ЭТНОГРАФИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Диванкулиева Б.Х. Туркменская этнография в 20-е годы XX века.....	54
---	----

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Федченко О.Д. Происхождение названий древних городов Брянской области.....	56
--	----

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

Конструирование исторического образа в монументальном искусстве: на материале памятников П.А. Столыпину

Гусев Константин Дмитриевич, студент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье рассматривается методика конструирования исторического образа через создание монументальных произведений. На материале памятников, посвященных П.А. Столыпину, оценивается практика генерации образных конструкций, а также опыт их ретрансляции в общественное сознание. Выявляются главные акторы конструирования, дается оценка их конкретного вклада в формулирование логического содержания образного творчества. Характеризуется и градируется роль непосредственного творца и официальной идеологии в этом процессе.

Ключевые слова: монументы, конструирование образа, общественное сознание, творец, идеология, П.А. Столыпин

Памятники и бюсты, будто метафизические сгустки памяти, воплощают исторические образы в материальной реальности. Особенности конкретного произведения позволяют выявить черты, актуальные в положительном и негативном смысле для их конструкторов. «Отшлифованные» в необходимых «идейных пропорциях», эти образы появляются на улицах и площадях городов, транслируются в общественное сознание и влияют на него. Его конструкторами, как правило, являются два актора. Во-первых, это непосредственный создатель, скульптор. Во-вторых, это заказчик — государство, стремящееся сформировать комфортную историческую матрицу для себя и своих граждан. Скульптура, полноценно распространившаяся относительно поздно в России (XVIII век), развивалась в тесной сцепке с существовавшей идеологией. Данный вид искусства оказался весьма удобен для государства, генерировавшего идейное поле, в рамках которого была возможна свобода творчества. Выход за границы поля влек либо коррекцию творения, либо поиск нового творца, в зависимости от степени нарушения этого негласного закона. Конечно, были исключения, встречавшиеся в период ослабления и кризиса государственной власти. Отметим, что в процессе конструирования историческая объективность играет второстепенную роль. Предпочитается идеализация удобных черт при умалчивании неудобных. Образ в прямом и переносном смысле становится «бронзовым», непротиворечивым и, конечно, искусственным. В такой редакции он благополучно воспринимается обществом, при этом вызывает совершенно противоположную, негативную реакцию у части оппозиционно настроенных людей, вне зависимости от их отношения к непосредственно конкретной личности. Смена государственной власти вызывает тотальное разрушение идейной и физической ипостасей конструкции,

что выражается в сносе памятников и разоблачении героев прежнего режима.

Анализ памятников П.А. Столыпину, появившихся в Российской империи после трагической гибели реформатора, а также многочисленных монументов, возникших в постсоветский период, высвечивает те черты образа, в актуализации которых нуждалось и нуждается государство. Обращение к личности Столыпина особо актуально, поскольку оценки его деятельности и в среде историков, и в общественном сознании крайне полярны [1, с. 4].

1 сентября 1911 г. в киевском Городском театре П.А. Столыпин был смертельно ранен. Вскоре после трагедии городская дума решила установить памятник в честь Столыпина. Средства собирались путем пожертвований, при этом 20 тысяч рублей внес лично Николай II, заинтересованный в конструировании комплиментарного образа собственного царствования через прославление фигуры реформатора. 6 сентября 1913 г., ко второй годовщине смерти Столыпина, напротив здания киевской Городской думы был открыт памятник реформатору [2]. На пьедестале из светлого серого гранита возвышалась бронзовая статуя Столыпина в форменном сюртуке. Спокойный, но целеустремленный взгляд, прижатые, будто ограниченные в движении руки, твердо стоящая левая нога. Правая же стремится сделать шаг, но останавливается на полпути, своеобразный символ незавершенности реформ. Композицию гармонично дополняли аллегорические фигуры Мощи (русский витязь) и Скорби (русская женщина), расположенные по бокам от пьедестала. Центральная надпись гласила «Петру Аркадьевичу — русские люди». Творцом скульптуры был итальянец Этторе Ксименес (1855—1926), блестяще исполнивший нужный образ «столпа» империи. В свете событий революции 1917 г. неудивительна судьба

монумента. 3 марта 1917 г. было сформировано ядро Украинской Центральной Рады, а на 19 марта назначили проведение «Праздника Свободы». В рамках его подготовки 17 марта манифестанты произвели импровизированный «суд» над Столыпиным. С помощью специальной конструкции, ремней и лебедок бронзовую фигуру подвесили (попытались «казнить»), а затем сбросили на землю [3]. К слову, памятник не разбился, был отвезен на завод «Арсенал» и впоследствии переплавлен. Так ликвидировали один из первых монументов на территории Российской империи, что создало прецедент для последующей исторической традиции Украинского государства.

Как получилось, что жители города, инициировавшие создание памятника, так быстро и показательно отказались от него? Отметим, что на тот момент Украина не говорила о независимости, ограничиваясь идеей автономии в составе Российского государства. Однако пала монархия, отрекся Николай II, главный конструктор образа Столыпина. Демонтаж памятника стал разрывом не с конкретной исторической фигурой Столыпина, а с созданным образом, тесно переплетенным и ассоциированным в общественном сознании с царской властью. Примечательно, что могилу реформатора никто грабить не отправился.

В том же марте 1917 г. в Симбирске сбросили бронзовый бюст бывшего премьер-министра. В 1910 г. он побывал здесь и пообещал решить проблемы с железной дорогой, что было исполнено, но уже после киевских событий. Торжественное открытие бюста состоялось в 1913 г. в присутствии вдовы, брата и детей Столыпина [4]. Отметим, что его создание происходило на средства, выделенные Симбирским земским собранием. Скорый демонтаж показал, что даже на местах был жив законсервированный образ Столыпина — верного слуги царя, а не благодетеля. У жителей Симбирска было больше поводов для благодарности Столыпину, нежели чем у киевлян. Но конечная судьба монументов оказалась идентичной. 1917 год трансформировал прочную связку «Царь и Столыпин» в формулу «Нет царя, значит, не будет Столыпина».

Закрепившийся в общественном сознании образ сыграл с исторической персоной Столыпина злую шутку в годы Советской власти. По-прежнему ассоциированный с царской персоной, его реформаторская деятельность оценивалась сугубо негативно. Излет Перестройки изменил отношение к образу Столыпина на прямо противоположное, «позитивистское». Была несколько переформатирована его конструкция. Место царя в связке занял реформатор М. С. Горбачев, «второй Столыпин». Историк В. П. Данилов пишет: «Начавшийся в 1988 году культ Столыпина достиг в 1990–1991 годы масштабов массовой идеологической кампании, апогеем которой можно считать появление в одной из центральных газет 12 мая 1991 года панегирика «Столыпин и Горбачёв: две реформы «сверху» [5]. Но произошедшие в 1991 г. перемены не позволили закрепить новую конструкцию в общественном сознании, да и памятники установлены

еще не были. «Реабилитация» Николая II и всего имперского периода в 1990-е гг. означала и пересмотр традиционных взглядов на фигуру П. А. Столыпина. Появились многочисленные научные исследования, предоставлявшие более многогранный взгляд на реформы и личность их инициатора. Тем не менее изменения касались именно научной среды и до сферы общественного сознания практически не доходили. Хотя были и исключения из правил. В 1996 г. село Балтайского района Саратовской области вернуло историческое название Столыпино и получило бюст знаменитого представителя рода, имение отца которого находилось здесь [6].

Конструирование нового массового образа Столыпина началось, пожалуй, в 2002 г., когда отмечалось 140-летие со дня его рождения. 17 апреля перед зданием Саратовской областной думы был открыт памятник Столыпину работы известного скульптора В. Клыкова. Помимо статуи бывшего саратовского губернатора, композицию составляли фигуры крестьянина, священника, кузнеца и воина. Они «символизируют традиционность русской культуры и её возможность гармонично развиваться в любых исторических условиях» [7]. Мощная фигура в ките с наградами уверенно стоит и смотрит вперед, в будущее. Четырехметровый пьедестал с надписью «Нам нужна Великая Россия» не подавляет остальные элементы композиции. Памятник получился удачным, что способствовало популяризации нового образа на местном уровне. Оговорим, что в Саратовской области восприятие Столыпина крайне идеализировано. В городах устанавливаются бюсты [8], мемориальные таблички и даже называются школы [9]. Область нашла своего исторического героя и активно транслирует его образ, начиная со школьной скамьи.

Развивавшийся «снизу», в среде ученых и общественных деятелей, новый образ П. А. Столыпина был подхвачен государством и введен в «пантеон героев». Что же содержательно представляет собой новая конструкция? Во-первых, ассоциативная связь между Столыпиным и Николаем II хоть и осталась, но не играет былой роли. Премьер-министр выступает фигурой большего масштаба, нежели император [10, с.5]. Во-вторых, деятельность Столыпина представляется как эволюционная альтернатива революционной Советской власти. В-третьих, Столыпин становится выдающейся государственной личностью, примером для подражания сегодняшних политиков [11]. Издается большое количество качественной научной литературы, в том числе и источникового характера [12]. Его фразы тиражируются в СМИ. Недавно созданные монументальные произведения могут отразить, насколько глубоко отпечатался новый образ Столыпина в общественном сознании.

Начиная с 2011 г. в России было проведено множество мероприятий, посвященных памяти П. А. Столыпина. Монументы были установлены в Москве, Краснодаре, Ульяновске, Белгородской и Саратовской областях [13]. Внешний вид произведений, слепо копирующий внешность

реформатора, не вызывает сильных эмоций у зрителя. Разница такая же, как между фотографией и картиной одного произведения. Вроде бы все точно, но ничего не понятно. Нет интегрирующей идеи. Почему так получается? Напомним, что есть 2 конструктора образа — творец и государство.

Скульпторы, во многом, стали заложниками советской традиции. Брать количеством, а не качеством, казалось, было принципом скульптурной «Ленинианы». Абсолютное большинство памятников Ленину не имели художественной ценности. Они были предназначены выполнять идеологическую функцию. Внешне невзрачные, они тем не менее, успешно транслировали советские идеи, которые могли логически различаться, в зависимости от исторического периода существования советской власти. Государство задавало программу идей, которая транслировалась в общественное сознание через монументальные образы. В условиях отсутствия идеологии это поле оказалось размытым. Сегодня творцы, во многом, не понимают, что от них требуется, и работают «вхолостую».

Так, памятники устанавливают, но образ не распространяется в массах. Несмотря на огромные усилия, П. А. Столыпин не вошел в «пантеон героев» российского народа. Сегодня ярко наблюдается более реальная поддержка образа Николая II, ассоциированного с православием и мученичеством, чья популярность сравнима с «рейтингом» В. И. Ленина [14]. Идеино не подкрепленный, новый образ Столыпина по-прежнему будет оставаться искусственным и непрочным в общественном сознании.

Подведем итоги. Монументальные произведения являются физическим воплощением образных конструкций.

Специфика позднего появления и развития монументального искусства в России определила два ключевых актора образного конструирования — непосредственного творца и государство. Последнее задает идейное поле, в границах которого возможна свобода творчества. При «пересечении границ» следует либо коррекция творения, либо замена творца. При ослаблении государственной власти, санкции могут не последовать, что окажется опасным для нее самой.

После трагической смерти П. А. Столыпина царской властью был создан образ крупного государственного деятеля, в общественном сознании тесно ассоциированный с фигурой Николая II. За образом «столпа общества» стояла идея Российской империи и ее величия. Разрушение строя и отречение императора автоматически означало падение конструкции. Поэтому памятники Столыпину были показательно ликвидированы уже в марте 1917 г.

Активное конструирование нового образа П. А. Столыпина в первые два десятилетия XXI в. привело к внешнему созданию фигуры большого масштаба, чьи реформы могли бы стать альтернативой революции и Советской власти. Возведение многочисленных памятников, тем не менее не привело к закреплению в общественном сознании нового положительного образа. Имеющиеся идейные элементы конструкции не удалось синтезировать при отсутствии центральной и интегрирующей идеи, которую обычно задает государство. Сгенерированное им «идейное поле» оказалось слишком размытым и непонятным для творцов. Поэтому новая конструкция образа Столыпина остается логически не наполненной, искусственной и поверхностной для восприятия российским обществом.

Литература:

1. Громов С. Петр Столыпин // 100 великих имен. Наша история. 2011.
2. Памятник Столыпину в Киеве [Электронный ресурс]. URL: <http://varjag-2007.dreamwidth.org/1234302.html> (дата обращения: 21.06.2017).
3. 100 лет «памятникупаду»: первым снесли Столыпина [Электронный ресурс]. URL: <http://kr.ua/life/570162-100-let-pamiatnyukopadu-pervym-snesly-stolyupyna> (дата обращения: 21.06.2017).
4. Ульяновск обязан Столыпину [Электронный ресурс]. URL: <https://ulpressa.ru/2008/10/03/article64495/> (дата обращения: 21.06.2017).
5. Данилов В. П. Из истории перестройки: переживания шестидесятника-крестьяноведа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosbalt.ru/ukraina/2012/01/30/939521.html> (дата обращения: 4.06.2017).
6. Козловский И. Столыпину [Электронный ресурс]. URL: <http://saratovregion.ucoz.ru/region/baltayskiy/stolypino.htm#landmarks> (дата обращения: 3.06.2017).
7. Памятник Столыпину в Саратове [Электронный ресурс]. URL: <http://histrf.ru/lichnosti/pamyatnie-mesta/place/item-214> (дата обращения: 5.06.2017).
8. У здания школы № 9 установили бюст Петра Столыпина [Электронный ресурс]. URL: <http://balashover.ru/news/24470.html> (дата обращения: 7.06.2017).
9. МБОУ СОШ № 33 им. П. А. Столыпина [Электронный ресурс]. URL: <http://www.yaklass.ru/SchoolProfile/9f8d7b1f-a120-4f91-93a4-8d6e2b4ec01c> (дата обращения: 7.06.2017).
10. П. А. Столыпин глазами современников. М., 2008.
11. Сидоровнин Г. П. П. А. Столыпин. Жизнь за отечество. М., 2002.
12. Столыпин П. А. Программа реформ. Документы и материалы: В 2 т. М., 2003.

13. В Москве открыли памятник Петру Столыпину [Электронный ресурс]. URL: https://www.1tv.ru/news/2012-12-27/82502-v_moskve_otkryli_pamyatnik_petru_stolypinu (дата обращения: 8.06.2017).
14. Больше 50 % россиян поддерживает Сталина [Электронный ресурс]. URL: http://www.bbc.com/russian/russia/2015/01/150120_russia_stalin_poll (дата обращения: 5.06.2017).

The history of political administrative governance of Khiva khanate from the period of Mukhammad Rahimkhan I to Mukhammad Rahimkhan II (Anushaxon period)

Matyoqubova M., associate professor;
Abdullayeva Hafiza, master's student
Urgench state University

Матьякубова Муборак Мадримовна, кандидат исторических наук, доцент;
Абдуллаева Хафиза Батировна, магистрант
Ургенчский государственный университет имени Аль-Хорезми (Узбекистан)

18th century is considered as governance period of three empires in the history of Central Asia, in which Khiva is described as Khwarezm state which believed to have almost the same history of political governance system as its neighbor states Bukhara khanate (emirate) and Kokand khanate.

In Khiva inaq's considered themselves as independent, after obtaining the right to transpose the throne from generation to generation. Avaz inaq's son Eltuzar (1804–1806) takes away the throne from Abulgazi V who was descendent of Genghis, puppet in the hands of inaq's, had no power in khanate and announced himself as khan in the year of 1804.

Russian orientalist P. P. Ivanov writes the following about the origin of Khongirad dynasty: “the founder of this dynasty Muhammadamin inaq belonged Khongirad clan of Uzbeks [1. P. 9].

A lot of information can be found about relations of Khiva khans with Karakalpak and neighboring tribes in the 18th and 19th centuries in the works of Munis and Agahi. According to Munis (1803–1804) Eltuzar under the command of himself attacked karakalpaks who were living near Oyaqish, in the beginning of river Tangriyar and in the desert area of Yarti [2, p. 74].

After coming to the power, Eltuzar led war campaigns against Bukhara emirate that was constantly involved in the works of Khiva khanate. In 1806 war between two khanates ends up with defeat of Khiva and tragedy of Eltuzar, (he drowned in the water). After that, throne was taken by one of the well-known members of dynasty Eltuzar's brother Muhammad Rahim I (1806–1825).

After the death of Muhammad Rahimkhan his son, Allaquli-khan (1825–1842) came to the throne. There were a lot of mutual conflicts during that period. Allakuli-khan inherited from his father rich exchequer and the country, which had an influence on nearby neighbor states. He attacked neighbor countries several times in order to protect his thesaurus. He attacked Bukhara 7 times and plundered several villages even

though there was a treaty between them. Historical data about Russia-Khiva and Khiva-England relations during the reign of Allaquli-khan can be found in the works of Agahi.

In 1840–1841 as Khiva khan held thousands of Russian hostages Russia also kept traders from the Khiva and refused to let them return to their homeland. If Russian hostages had not been freed, Khwarezm's caravan also wouldn't have returned. It was said that Khwarezm's caravan would be released after release of Russian hostages [3. P. 350].

Its well known that British colonists campaign “Ost India” sent their spies to Central Asia. Abbot came to Khiva in 1843. He promised to send troops for help to fight against Russians and offered to establish alliance against Russia. Essential information about this can be found in the works of historians such as Agahi and Bayoni. Agahi wrote the following in his work “Riyož ud-davla” about the visit of Abbot to Khiva: “...in the year of 1839–1840 British ambassador Abbot paid a visit from India” [3. P. 352].

If we take a look at the data regarding this in works of Bayani, Abbot told the following to Khiva khan Allaquli-khan: “Russians... will take over your lands after fifty years. If you wish, you could give us your regions and nobody will touch them. The words that say Khwarezm land belongs to Britain will ensure your safety. We will not cause any harm to you. If you write a letter, we will accept the offer [4. P. 301].” However these attempts didn't give any results. Khan of Khiva Allaquli-khan strictly rejected his offers by saying:» Russia has not invaded us yet, we do not know what will happen to us after 50 years. We will not give our country just because what might happen after 50 years. Let them do whatever they want after us [4. P. 301–302].”

One of the good things that Allaquli-khan has done is that he built Dichan qala fortress in 1842 in order to ensure safety and peace in the khanate. Agahi stated the following about building the fortress: “in the year of 1842 high and wide fortress was build” [3. p. 153].

Russian historians [5. p. 10] of 19th century explained the establishment of the fortress as the protection from the colonization attempts that could be seen in the constant attacks on Turkmen tribes since this fortress surrounded the old fortress from outside, old fortress remained inside and in local dialect it was called “Ichan qala”(inner fortress). And the city between two fortress walls was called “Dichan qala” (outer fortress) [5. P. 162].

Khan of Khiva Allaqli-khan who ruled the country for 18 years died in 1842 falling ill during his war campaign against the city of Chardzhou. He left 7 sons after himself. He was buried near memorial of Pakhlavon Makhmud that was prepared when he was alive.

After him the throne of Khiva was taken by Rahimquli (1842–1846). Under the reign of Rahimquli there were also war campaigns against neighbor states. More specifically, in 1843–1844 Bukhara was attacked. After spoiled relations with emir Nasrullo special forces were prepared in order to raid the lands of Bukhara. They constantly plundered the lands of Bukhara for a specific period of time [3. P. 397].

The data about diplomatic relations with Kokand khanate can be found in the historical works that were written in Khwarezm in 19th century. For instance, in “1843 on Wednesday, 14th day of Dhu al-Qidah, Rahimquli sent Bobobek to Kokand with ambassador of Kokand Qarabash dadkhah [6. P. 404].”

In 1844, on Friday, 19th day of Jumada al-awwal, messengers who were sent to Kokand, namely Bababek and Yakhshimuradbek, returned to Khiva with the messenger Qarabash dadkhah and gifts from the ruler of that region Sheralikhan” [8. P. 405]. Relations between the Emirate of Bukhara and the Khanate of Khiva are also mentioned in

works of Agahi [8. P. 414]. Concerning Russia-Khiva relations of that period, conditions put by Russians rejected by Allah Quli Khan were accepted by Rahim Quli Khan. According to the terms of agreement, the Khanate of Khiva was supposed to closely cooperate in Russia’s trade deals, protect Russian merchants and tax them equally as the natives, and agree to have a Russian representative in Khanate permanently. These terms were accepted and approved by Rahim Quli Khan on February 27th, 1842 [7. P. 113].

After Rahim Quli Khan had died in 1845, Mukhammad Amin (Madamin Khan in Khorezmian dialect) came to power. After he was killed in battle against Turkmens, army, which escaped from Sarakhs, put forward Abdullah (1855, 5 months) as a new khan. However, after about 6 months, he was killed by Turkmens in battle against yamuds and Qutlugh Murad (Kutlimurad in Khorezmian dialect, 1855, 7 months) ascended to the throne of the Khanate of Khiva.

After Qutlugh Murad was killed, between 1856 and 1865 Sayyid Muhammad came to power and after his death in 1865, his son Muhammad Rahim II Feruz reigned. Muhammad Rahim Khan II was one of the khans who ruled the Khanate of Khiva for a long period of time (47 years and 15 days). Feruz, whose real given name was Babajan Tura, was born in Navruz of 1845 in the household of Khorezm khan Sayyid Muhammad. After his father’s death, at the age of 19 Babajan Tura ascended to the throne of Khiva Khanate. While studying the history of this age, it is befitting to split the period of Muhammad Rahim II Feruz’s rule into two stages. The first stage was between 1864 and 1873 when Muhammad Rahim II Feruz ruled as an independent khan. The second period after Russia’s conquer starting from August 12, 1873 to August 15, 1910 consists of 37 years of subjection to colonialism.

References:

1. Ivanov P.P. Archives of Khiva khans of 19th century. — L., 1940. — p. 9.
2. Munis., Agahi. Firdavs ul-iqbol. — p. 74.
3. Agahi. Riyaz ud-davla // Manuscript. UzSA. — № 5364/II., p. 350.
4. Bayani. Shajarai Khwarezmshaxi. — № 9596. p. 301.
5. Kostenko L. Khiva city in 1873. // TS. From military ... — № 3. — 1873. — p. 10.,
6. Danielovski G. I. Description of Khiva khanate. // 1851. — p. 112–114.
7. Veselovski N. I. An outline of historical and geographical information about Khiva khanate. — № 5364/III., — 404.
8. Agahi. The works. V vol. — p. 113.
9. Agahi. Zubdat ut-tavoxir // Manuscript. UzSA. — № 5364/III., p. 405.

Information about the reservoirs of drinking water and their construction history in Anushaxon period

Matyoqubova M., associate professor;
Khudjayeva Gulora, master's student
Urgench state University

Матьякубова Муборак Мадримовна, кандидат исторических наук, доцент;
Худжаева Гулора, магистрант
Ургенчский государственный университет имени Аль-Хорезми (Узбекистан)

Khiva is one of the countries that ruled in Middle Asia from XVI century till the beginning of XX centuries and according to the data in sources, new dynasty of Uzbek people-Shayboniys domination began as soon as Elbarskhan came to the throne. This event occurred in 1511 or in 1512 [1. C. 184]. You can be acquainted with this historical event with the help of resources and the scientific research results of the researcher of Khorezm history Yakhyo Gulomov. Some information occurs in Bartold's work and "Khorezm Khanate was founded in the year 1511" [2. C. 596] is stated in it. Academic Bartold stated about Khorezmshah dynasty that Uzbek aristocracy mounted the throne some princes from Genghis Khan's descendants for short period of time [3. C. 547]. The history of establishment of this country was also given in one of the historians Mukhammad Yusuf Bayoni's work "Shajarai Khorezmshohiy" and Elbarsxon called it as the state of Khorezmshakhs by restoring the old name of Khorezm and put the crown [4. C. 33] — said in the work.

The country which was led by Uzbek dynasty who started by Elbarsxon involved Khorezm in the lower reaches of the Amu-Darya that had high culture, Balxon mountains in its west and south-west part, locations of Turkmen people in Mangishlok consisted of districts including Dehiston and Uzbay surroundings and at last the north part of Kopetdog. On geographical point of view Khorezm waconsisted of two parts that were separated from each other with great sand deserts: region irrigated by Amu-Darya that was called Suvboy (region of rivers), lands of Kopetdog in Turkmenistan was named as Togboy (region of mountains) [5. C. 10]. However, Khorezm was not a strong state that was joined under Uzbek rulers. The government was under control of whole Khan's relatives and their members were called as "Sultans". One high-ranking representative was not able to dominate the Khan's throne and make the other Sultans obey him. That is why confrontation among princes was strong and the control the government separately as well as conflicts hindered the country from its development. In particular, all possession of citizens was taken and it was spent to feed the palace and guards, which made the rich Khorezm feel disappointed. After the death of Elbarsxon, Khans were often replaced. During Khiva Shayboniys Abulgozi and after that it lasted till Anushaxon period. When it was the period of two Khans the process slowed down [5. C. 10].

Historically, Kot population moved to the left bank due to the reduction of water and a new castle was built for them.

Yarmish stream was dug to bring water to this place and reached its end to Oqkul. A large canal was dug instead of Vadok that was one of old streams of Amu-Darya. Abovementioned water stream that passed between New Urgench and New Kot was reached to Manoq. Arna was named as "Pifayz" and later it was called as Shahobod [1. C. 187].

Anushaxon with his attacks done to Bukhara Khanate and inner districts of Khorason frightened Bukhara, Turkmenistan and Iranian people. He occupied Mashhad city and the throne of Iran kings and then called himself as Shah (Anushah) [7. C. 95]. He changed Abulgozixon's politics against Turkmens and it was important to the implementation of the policy of the war as military power. Therefore, we may see that his relatives lived around Khorezm oasis again in Anushoh period. Anushoh got married to Tuxtaxonim who was Turkmen girl from Dargon region. Two large canal s such as Shohobod and Yormish were built in South Khorezm in Anushoh reign (1663—1686).

Munis speaks about Abulgozi's construction of New Urgench, but does not speak about arna at all. Obviously, Shohobod and Yormish canal s did not exist at that time; consequently, it was not mentioned about works done on water supply of the city before its construction. Nevertheless, a small, independent canal was built in accordance with his order and it was reached to the point that Khan planned [1. C. 188].

According to Munis's statement, the construction of Yormish canal was caused by drying up the city of Kat on the right beach during Anushahon's reign. That is why considering the necessity of the population of the city, he gave an order to dig a canal called Yormish and to build Qiyot castle there. The people who lived in old Kat moved to new Qiyot. This event occurred before the construction of canal (1681y). Anushoh tried to strengthen Beshqal'a by collecting the population who lived in ancient cities of Khorezm, to develop and to provide its security. Yormish canal is 15 km from Urgench passed from Amu-Darya in the east and it flows side-by-side with Daryoliq. The length of the canal was 96 km, average width was 17, 5 km, and the depth of beginning part was 2 m [1. C. 188].

The fact that these canals had been Vadok and Buva before the existence of Shohobod and Yormish dug by Anushoh can be seen in the works of X-century Arabian geographers. Based on aforementioned data, the location and width of Vadok canal is to be suitable for Shohobod, second one is for Yormish canal s. Apparently, Anushoh observed the old stream and around dry stream of Daryoliq, those two canals were built.

“Shohobod” as he later called Madra canal and Goziobod shows not new construction but the reconstruction of the old one-academic Yakhyo Gulomov says.

Anushoh built a castle with the same name with Shohobod canal. The construction of two new canals was new policy against Turkmen people; he aimed at assigning empty lands to Turkmen people, returning them to around of South Khorezm again and in this way getting them interested in military services. Anushod solved this problem by building Shohobos and Yormish canals. However, main land belonging to the canal was given to Uzbeks, promoted them in high ranks of government while Turkmen people were settled in lower parts of Goziobod, Shohobod and Yormish, though. If we mention about the origin of the name of the canal Goziobod, Goziobod is met firstly in the label of Arangxon whose son of Anushoh as a canal. Obviously, it was renamed between the years 1643–1687. The name Goziobod is related to the word “gozi” (“fighter”) is denied.

Although we do not meet the canal with the name of Abulgozi in his reign, Abulgozi (1645–1663) who occupied Khiva and South Khorezm reconstructed Madra canal (X century) or Nosiriy canal. For that, on the natural border of Kulum Xoji a small stream was dug from Polvonyop to Goziobod 3 km away from the east of Durgadik village, the lower part of canal was arranged and Goziobod castle was built there. As a result of great interventions of Abulgozi and Anushoh in the field of irrigation the lands around Daryoliq was

supplied with water. We may see that Arangxon also continued their policy through the canals dug during Arangxon’s reign.

Nowadays, the appearance of Shovot canal has completely changed. Shovot is considered to be the main canal of Toshaska system among Republics in Khorezm region and Toshhovuz region of Turkmenistan. Toshaska canal was built 34 km away. Its length is 150 km (in Uzbekistan 78 km, in Turkmenistan 72 km), 37000 hectares of land in Khanka, Urgench, Shovot districts of Khorezm region and 75000 hectares of land in Tashhovuz region are irrigated. The canal had its own water machine to produce till 1940 on the left bank of Amu-Darya. The first President of Uzbekistan Republic paid highly attention to the issues on enhancing the land – improvement of the centre of Region and surrounding areas, reclamation of canals and their surroundings in the decree accepted in December 6, 2012 on “the implementation of the main plan of the city, beautifying the city and improvement drinking water supply of the population of Khorezm region” and Cabinet of Ministers decided to “make concrete the part of Shovot canal that passes through Urgench city, reduce the level of underground water of the city, organize planting picturesque trees around city” in its meeting statement. The canal flows through Urgench city. There are nearly 30 cultural attractions for leisure, commercial, public service buildings around the city. Now, gardens created on the basis of modern landscape in more than 7 kilometers long, wide paths, green-armored squares around the Canal attract people’s attention.

References:

1. Гуломов Я. Хоразмнинг суғорилиш тарихи. Тошкент, 1959. — Б. 184.
2. Бартольд В. В. Очерк истории туркменского народа. — М. Наука. 1963. — Б. 596.
3. Бартольд В. В. Хорезмшах // Соч. — М. 1964. Т. 2. Ч. 2. — 547 с.
4. Баёний. Шажарайи Хоразмшоҳий. — Б. 33.
5. Худойберганов К. Хива хонлари тарихидан. Урганч 2008. — Б. 10.
6. Мунис ва Огаҳий. Фирдавс ул иқбол. 92-бет
7. В. В. Бартольд. Қ истории орошения Туркестана, 95-бет.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Итальянские королевские военно-морские силы на Черноморском театре войны: 1942–1943 гг.

Коскова Анна Сергеевна, ученый секретарь
Центр исследований «Южная Европа» (г. Симферополь)

Как известно, боевые действия в ходе операции «Барбаросса» начались 22 июня 1941 года. Они стали самым широким маневром всех времен, а театр данных военных действий — Восточный фронт — оказался самым масштабным в мировой истории. [14, с. 151]

Неожиданно для самих себя, и для инициаторов военной кампании (А. Гитлер планировал закончить боевые действия до прибытия итальянской армии на Восточный фронт), в ход ее операций вмешалось Королевство Италия. Помощь немцам в виде отправки экспедиционного корпуса на Русский фронт была личной инициативой и долгом Бенито Муссолини. Несмотря на откровенную неготовность итальянской армии, фашистский лидер, ослепленный успехами Гитлера в Европе, принял данное решение, исходя из необходимости участия Италии в «победоносной», по его мнению, войне и беспокоясь за престиж и послевоенный передел мира. [17, с. 61]

Б. Муссолини и правящая элита, руководствуясь своими «алчными вожделениями» [11, с. 10], так торопились опоздать к «разделу пирога», что забыли о необходимости тщательной боевой подготовки и оснащённости своей армии. По многочисленным воспоминаниям участников войны на Русском фронте [19] и, в частности, согласно мемуарам Джованни Мессе, командира КСИРа (Экспедиционного итальянского корпуса в России), итальянская армия испытывала нужду буквально во всем: чувствовалась нехватка надежного оружия, топлива, еды, теплой одежды. Были постоянные проблемы с тыловым снабжением. [8, с. 97] Учитывая показное чувство своего превосходства и даже презрение немецких союзников к итальянским участникам войны, можно себе представить моральное состояние последних. В сущности, руководство Италии в июле 1941 года подарило своим подданным бесславный и кровавый билет в один конец.

Боевые действия КСИРа (первоначально в его составе было отправлено 63 тыс. человек) на Восточном фронте проходили с августа 1941 года по июль 1942 года в Донбассе. Затем в июле 1942 года, когда немецкое командование удостоверилось в своих просчетах по срокам Русской кампании и в ограниченности своих сил, КСИР преобразуется в АРМИР (8-я итальянская армия в России), общая численность которой составила 229 тыс. человек.

В таком составе итальянцы воевали на Среднем и Верхнем Дону по февраль 1943 года, пока в Павлограде не было разгромлено последнее подвижное подразделение итальянской дивизии «Челере». [9, с. 126]

Совместно с КСИРом и АРМИРОм (в их состав входили: 7 пехотных и 3 альпийские дивизии) в ходе сражений на Восточном фронте были задействованы и Королевские Военно-морские силы Италии.

Инициирование привлечения КВМС Италии имеет дискуссионный характер в историографии. С одной стороны, нельзя списывать со счетов запись в дневнике немецкого генерала Франца Гальдера от 24 июня 1941 года: «Фюрер ни в коем случае не хочет допустить в Крым итальянцев». [4, с. 37] Таким образом, возможно, что Муссолини вновь отправил военные силы Италии по своей инициативе и с той же корыстной целью и непродуманными средствами ее достижения, как это случилось в июле 1941 г. Так, из-за раннего начала войны (Муссолини рассчитывал, что военные действия начнутся не ранее 1942 года), итальянский военно-морской флот был вынужден недостаточно подготовленным (в июне 1940 года в строю находились лишь 2 из 6 запланированных линкоров, а на верфях завершалось оснащение у 12 легких крейсеров, множества эсминцев, эскортных кораблей, подводных лодок и малых судов) вести сражения с Британским и Французским флотом в Средиземном море и Атлантическом океане. После чего, уже совсем потрепанный флот должен был предстать во всей боевой готовности и в рамках Русской кампании. [3] Такая идея действительно кажется абсурдным планом фашистского вождя, который рассчитывал на трехмесячную войну и победу над Россией, но даже не удосужился верно рассчитать запасы топлива, тем самым вынудив ограничить передвижение своих кораблей во время кампании.

С другой стороны, в большинстве источников [12, 13, 14] приводится информация о том, что в связи с неудачей плана «Барбаросса» и действий немецких войск в Крыму, в январе 1942 года Третий Рейх впервые за все время союзничества во время Второй Мировой войны сделал официальный запрос на военную помощь Итальянского Королевства. [14, с. 154]. Кроме того, немецкое командование не смогло изначально адекватно оценить «организованность, стойкость и выучку» советского Черноморского

флота, допустило ошибку в сроках и в количестве средств для успешного проведения боевой операции. [5, с. 71]

Видимо, в момент горького просветления немецкому руководству все-таки пришлось прибегнуть к нежелательной, но уже необходимой для него помощи итальянского союзника. Таким образом, 14 января 1942 года итальянский адмирал Риккарди подписывает с немецкой стороной соглашение, по которому «легкие итальянские силы» привлекаются к содействию немецким ВМС на Ладожском озере и Черном море. [12, с. 347]

В наши цели не входит рассмотрение вопроса участия КВМС Италии в военной кампании, развернутой на Ладожском озере, для этого требуется отдельное исследование. Стоит лишь упомянуть о том, что в зону Карельского перешейка были отправлены 12-я дивизия MAS и четыре торпедных катера типа MAS 526 под командованием капитана второго ранга Джузеппе Бьянкини. Для переправки судов из Средиземного в Балтийское море использовались, как в античные времена, наземные пути. За четыре месяца (с июля по октябрь 1942 г.) итальянцы выполнили 60 операций в озере и участвовали в 17 морских сражениях, потопив одну канонерскую лодку и одну транспортную баржу. По окончании судоходства в октябре, катера выбыли из кампании, так и не внося какого-либо существенного вклада, очевидно, в силу скромной мощи состава. [16, с. 32]

Основным бассейном, в который была переправлена большая часть военно-морских сил Италии стало Черное море, где КВМС должны были сформировать собой адекватный флотский контингент с целью воспрепятствовать свободной коммуникации советских судов с Крымским полуостровом, ликвидировать ещё оставшиеся очаги сопротивления советских войск и обеспечить немецким войскам свободный проход к финальной цели южной кампании — к Кавказу (выход на которой должны были осуществить, правда с суши, три альпийские дивизии АРМИРа, которым с февраля 1943 года уже будет не суждено выполнить поставленную задачу). [14, с. 151]

Уже в октябре — ноябре 1941 года Крым в течение нескольких недель был практически полностью оккупирован немецкими войсками. Однако, ещё не был взят Севастополь, важный со стратегической точки зрения для успешного проведения операции и установления Германией контроля на Юге СССР. Город держался благодаря своим крепким оборонительным сооружениям и возможности постоянного контакта и, соответственно, снабжения морскими путями. [14, с. 151]

Для нарушения коммуникаций между портами Черного моря в марте 1942 года были вызваны лучшие части итальянских военно-морских сил, чьи суда и команды уже были проверены в боях и прославились своими успехами в операциях у Суда, в Гибралтаре и Александрии [14, с. 153]: 4-я флотилия MAS под командованием капитана второго ранга Франческо Мимбелли. Флотилия состояла из трех подразделений: 18-й дивизион из десяти сверхмалых

торпедных катеров типа MAS, 1-й дивизион из шести сверхмалых подводных лодок типа СВ, 101-й дивизион (или 10-я флотилия MAS, известная благодаря своим неуловимым подводным диверсантам) из десяти взрывных катеров типа MTSM и МТМ). [16, с. 32]

Ради приобретения такой ценной помощи (хотя, отчасти эта ценность была напускной и раздутой пропагандой мощи итальянского флота, в состав которого входили отменные корабли, но управлять которыми приходилось представителям нации, по расхожему в науке мнению, не умеющей воевать [13, с. 218]) были преодолены серьёзные трудности, связанные с транспортировкой водных средств. Дело в том, что согласно международной конвенции от 20.07.1936 года [8, статья 19], турецкие проливы Босфор и Дарданеллы были закрыты для прохода военных кораблей воюющих стран, и единственным возможным путём для переправки судов из Средиземного в Чёрное море был сухопутный. [18] Хотя, существует точка зрения, согласно которой сухопутный путь был избран не в силу директивы концепции, а в силу того, что итальянский флот малой мощности мог попросту не дойти по такой дистанции до пункта своего назначения. [12, с. 353] Но, тут же всплывает и другая причина избранных средств транспортировки: у итальянской стороны (как мы уже указывали выше) были большие проблемы с запасами топлива даже для сверхмалых водных средств — приходилось экономить буквально на всем. Таким образом, конвенция Монте, возможно, спасла Итальянское королевство, скрыв невысокий уровень подготовки его военных сил, и не подорвало личный авторитет Муссолини в глазах немцев, по крайней мере, на этот раз.

Во всяком случае, транспортировка была спланирована тщательно, продуманно и достаточно изощрённо: 29 апреля 1942 года подводные лодки были отправлены железнодорожным путём из Специи до Констанцы, что заняло 7 суток; 6 торпедных катеров типа MAS — из Венеции в трейлерах и затем переправлены на буксирах по Дунаю до Констанцы (прибыли спустя 12 суток). Катера MAS и подводные лодки проследовали до порта Ялты, который был идеальной позицией для нарушения водных советских коммуникаций и перехвата судов, направляющихся в Севастополь. Оставшиеся катера типа МТМ и МТSM были объединены в автоколонну «Моккагатта» под командованием капитана третьего ранга Альдо Ленци. Автоколонна отправилась железной дорогой из Специи до Симферополя, а затем своим ходом вплоть до Фороса, который был выбран оперативной базой для специальных водных средств; на всю транспортировку потребовалось 18 суток. [16, с. 32]

По прибытии во второй половине мая итальянские военно-морские дивизии сразу же вовлекаются в различные операции. Именно в течение мая немецкой 11-й армии группы армий «Юг» под руководством генерала Эриха фон Манштейна удается разбить Крымский фронт вплоть до Азовского побережья (во многом, по вине многочисленных ошибок советского командования) и, тем самым, сосредоточить основные силы на осаде Севастополя. [10,

глава 4] Здесь и потребуется особая помощь итальянских союзников.

Достаточно трудно говорить о боевых операциях, в которых участвовали итальянские дивизии, о количестве атак, повреждений, нанесенных ими советским судам и наоборот, о численности итальянских потерь. Упорядочивание этих данных является одной из важнейших задач историков, трудящихся в этой области в настоящее время. Дело в том, что данные итальянской и отечественной историографии разнятся, не только в сравнении друг с другом, но и внутри себя, ввиду различных данных донесений участников войны, фальсификации некоторых документов, приукрашивании данных в политических интересах. Кроме того, можно зайти в тупик после попытки некоторых историков доказать, что итальянские КВМС вообще не принимали участия в боевых операциях на Черном море, а были скорее массовой галлюцинацией в сознании командования советского Черноморского флота, рядовых и вышестоящих [20]. Правда, зачем при этом приводить технические характеристики отправленных на помощь немцам итальянских водных средств, и откуда взялись данные в документах итальянской стороны — неизвестно. В связи с вышесказанным мы постараемся вывести некоторое среднее арифметическое и указать в большинстве своем совпадающие данные, но с большей опорой на данные итальянских исследователей, чего еще не предпринималось в отечественной науке.

Первый блок операций (7 июня — начало июля 1942 г), в которых принимают участие итальянские КВМС, связан с третьим (и последним) штурмом Севастополя. На 10-ю флотилию была возложена задача по содействию водной блокаде, «патрулированию на подступах к Севастополю и на путях морских перевозок» [2, с. 81] Всего к началу июля 10-й флотилией было выполнено 56 операций, катерами типа MAS — 65, 24 — дивизионом подводных лодок. [16, с. 33]

Так, 13 июня катерам MAS удалось потопить судна водоизмещением 5 тыс. т и причинить серьезные повреждения судну в 10 тыс. т. 15 и 18 июня подводные лодки Супермарины СВ 3 и СВ 2 потопили советские подводные лодки, соответственно, Щ-213 или Щ-214 (в отечественной и итальянской историографиях приводятся разные данные ввиду неточных и различных данных в документах) и Щ-306. 18 июня катера MAS атаковали пулеметами советские самоходные баржи и потопили на рискованно близкой дистанции одну из них; в ходе этого сражения отличился своей отвагой и впоследствии скончался от полученных ранений командир MAS 571 лейтенант Этторе Бизаньо, за что был награжден золотой военной медалью посмертно [17, С. 147–148]. 26 июня у мыса Ай-Тодор подводная лодка СВ 3 капитана-лейтенанта Джованни Соррентино потопила советскую подводную лодку С-32, а советская подводная лодка Щ-203 была потоплена торпедами итальянской СВ 4. [1]

При взятии укреплений в Севастополе и Балаклаве в конце июня — начале июля 1942 года отличился капитан

второго ранга Сальваторе Тодаро, под командованием которого, итальянские военно-морские части атаковали многочисленные надводные и подводные советские суда, эвакуировавшие советских политкомиссаров и высший офицерский состав. [18]

Когда были взяты Балаклава и Севастополь (первая декада июля 1942 года), итальянские катера MAS первыми вошли в порт для демонстрации фундаментального (хотя и немного преувеличенного) вклада Супермарины в оккупацию города. [14, с. 159] Во всех итальянских источниках чувствуется национальная гордость за свой ВМФ.

После взятия Севастополя завершается первый блок боевых операций, активность КВМС временно снижается. В июле приходит пополнение торпедных катеров MAS (прибывают MAS 566, 567, 568, 569), которое в последний раз произойдет еще в сентябре 1942 года (MAS 547, 557). [14, с. 159]

В первые дни августа 10-я флотилия, выполнив свои задачи, вначале передислоцируется в Феодосию, а затем — в Мариуполь, подводные лодки отправляются на дежурство к Босфору, а дивизия катеров MAS еще продолжает участвовать в боевых действиях и сдвигается на Восток для сопровождения немецких частей при их передвижении к Азовскому морю. Новые оперативные базы теперь располагаются в Феодосии и на острове Иван-Баба. [16, с. 33]

Одно из наиболее ярких сражений для КВМС Италии на этом этапе произошло в ночь со 2 на 3 августа 1942 года на Юго-Востоке от Керчи (между Феодосией и о. Иван-Баба) итальянские катера MAS 573, 568 и 569 атаковали советские крейсер «Молотов» и эсминец «Харьков», которые, в свою очередь выполняли миссию по воспрепятствованию дальнейшему продвижению на Восток немецких судов. MAS 568 из-за лунного света и неудобного положения не заметил противника и подошел слишком близко, попав под обстрел. Командующий катером младший лейтенант Эмилио Леньяни не растерялся и приказал выпустить две торпеды, которые попали точно в цель, нанеся серьезные повреждения корме судна и вывели из строя крейсер до июля 1943 года. Эсминец попытался вступить в бой, но итальянцы стали отходить и, проявив боевую находчивость, во избежание преследования сбросили десять малых глубинных бомб с мгновенным взрывателем, так, чтобы взрыв произошел на минимальной глубине. Тем самым путь «Харькову» был прегражден. [14, с. 160]

Такое сражение является типичным примером атаки итальянских торпедных катеров: их боевая деятельность в основном сводилась к молниеносным ударам, в темное время суток по советским кораблям или конвоям, предварительно выслезенным немецкой авиацией днем. После такого удара катера незамедлительно удалялись в свои базы. Отмечается, что русским военным было «труднее найти вражеские катера, чем их уничтожить». [5, с. 74] В подобных маневрах можно усмотреть тактику слабого по мощности флота, экономящего свои усилия и боеприпасы, опасяющегося врага и прячущегося от него.

Начиная с осени 1942 года военные действия в этой области текли вяло: сказывались потери в составе и нехватка топлива. Феодосия и Иван-Баба оказались слишком открытыми для советских бомбардировок, кроме того 9 сентября 1942 года советскими бомбардировщиками была атакована итальянская база в Ялте: были потоплены катера MAS 571 и 573, повреждены MAS 567, 569, 572. После провала немецкой стороны в Сталинградской битве действия военно-морских сил вообще сошли на нет, дальнейшее продвижение на Кавказ становилось маловероятным. В итоге, в мае 1943 года оставшиеся части итальянского ВМФ покидают Черное море, сдав свои водные средства немцам. С июня по август 1943 года итальянские подводные лодки еще выполнили 21 миссию, из которых только одна увенчалась успехом: подводная лодка СВ под командованием лейтенанта Армандо Сибилле потопила русскую подводную лодку неопознанного класса. После лета 1943 года подводные лодки перемещаются в Констанцу, где в августе 1944 года они были захвачены советскими войсками. [18]

В целом, можно говорить о том, что черноморская кампания принесла, мягко говоря, больше славы и успеха КВМС Италии, чем экспедиционный корпус КСИР и АРМИР, трагически завершившие свое участие на Восточном фронте, потеряв 84830 убитых и пропавших без вести, 29690 раненых и обмороженных. [9, С. 126–127] Для сравнения, колонна «Моккагатта» вернулась с заданий в марте 1943 года в Италию, «не потеряв ни одной машины и ни одного катера» [2, с. 86]. Если описание условий пребывания участников итальянской армии в России похоже на картины из Ада [21], то, например, в воспоминаниях В. Боргезе, командира 10-й флотилии,

скорее предстают картины из Рая: «очаровательный городок, расположенный на прекрасном южном побережье Крыма [...] здесь наша группа раскинула палатки под сенью ореховых деревьев» — так он описывает Форос. [2, с. 82] Таким образом, Черноморский театр войны может показаться неким подобием военного курорта.

Конечно, итальянские КВМС несли свои тяготы: тяжесть в транспортировке, труднодоступная местность для проведения некоторых операций, проблемы со снабжением. Учитывая это, итальянские исследователи [15] считают действия итальянских флотилий отлично организованными и достойными национальной гордости. По нашему мнению, условия, особенно климатические, и краткосрочность боев спасли итальянские части ВМФ от позорной гибели, которая могла бы свершиться по причине халатности и жадности собственных руководителей.

Чувствуя себя по большей части «вассалами» [6, с. 134] на службе нацистской армии, итальянские военные приходили традиционно воевать с армией врага, а не истреблять мирное население и совершать бессмысленные зверства, подобно немецким захватчикам. Третьему Рейху не повезло с союзниками, а Советской России отчасти повезло с врагами: связи Италии и России и их народов коренятся глубоко в истории и основаны на взаимопонимании и сочувствии, которые невозможно отменить по приказу.

Представители итальянской и отечественной исторической науки обязаны пользоваться связями подобного рода и как можно плотнее сотрудничать во имя поиска и нахождения исторической истины в событиях, затрагивающих историю обеих наций, несмотря ни на какие политические препоны.

Литература:

1. Боженко П. В. Судьбы подводных дуэлянтов. — В: Субмарины на войне: подвод. сб. // Московский клуб истории флота. М.: Техника — молодёжи; Льв., 1996. № 1. Режим доступа к журн. URL: <http://avtonomka.org/literatura/1365-sudby-podvodnykh-duelyantov.html> (дата обращения: 15.02.2017).
2. Боргезе В. Десятая Флотилия МАС. / Пер. с итал. С. В. Славина и Ю. А. Карулина. М.: Изд-во иностр. лит., 1957. 287 с.
3. Брагадин М. А. Итальянский флот во Второй Мировой войне / Пер. с англ. А. Больных. М.: АСТ, 2000. Режим доступа к кн. URL: <http://militera.lib.ru/h/bragadin/index.html> (дата обращения: 25.02.2017).
4. Гальдер Ф. Военный дневник: ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск: от начала Восточной кампании до наступления на Сталинград (22.06.1941–24.09.1942) / Пер. с нем. И. Глаголева, под ред. и с предисл. к. ист. н. Е. Н. Кулькова. М.: Олма-Пресс Звездный мир, 2004. 648 с.
5. Исаков И. С. Военно-Морской Флот СССР в Отечественной войне. М. — Л.: Военмориздат, 1944. 144 с.
6. Комолова Н. П. Новейшая история Италии: пособие для учителей. М.: «Просвещение», 1970. 319 с.
7. Мессе Дж. Война на Русском фронте. Итальянский экспедиционный корпус в России (К. С. И. Р.). М.: Книжный Мир, 2009. 288 с.
8. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами, вып. IX, стр. 61–78. Изд. НКВД. 1938 г. Режим доступа URL: http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/995_228/page2 (дата обращения: 01.03.2017)
9. Скотони Дж. Последний бой 8-й итальянской армии на советско-германском фронте: Павлоград 12–17 февраля 1943 г. // Известия ВГПУ. № 1 (270). 2016. С. 126–132.
10. Стариков Н., Беляев Д. Россия. Крым. История. СПб: Питер, 2015. Режим доступа к кн. URL: http://www.e-reading.mobi/chapter.php/1031353/5/Starikov_-_Rossiya._Krym._Istoriya..html (дата обращения: 01.03.2017)

11. Филатов Г. С. Восточный поход Муссолини. М.: Междунар. отношения, 1968. 183 с.
12. Широкоград А. Б. Битва за Черное море. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. 554 с.
13. Широкоград А. Б. Италия. Враг поневоле. М.: «Вече», 2010. 352 с.
14. Battaglia A. I mezzi navali italiani nel mar Nero// La campagna di Russia. Roma: Edizioni Nuova Cultura, 2013. P. 151–166.
15. Carro D. La X Flottiglia MAS contro l'URSS// Mare&Storia. Gennaio/Febbraio. 2014. P. 30–33.
16. Palazzo A. Eroi d'Italia fra Ladoga e Mar nero: con disegni di Cesare Andreoni. Milano: M. Gastaldi, 1952. 158 p.
17. Rochat G. La campagna di Russia 1941–43: rassegna bibliografica. 1965. 31 p. Режим доступа к кн. URL: http://www.italia-resistenza.it/wp-content/uploads/ic/RAV0068570_1965_78–81_12.pdf (дата обращения: 10.02.2017)
18. Rosselli A. Le operazioni dei MAS e dei sommergibili tascabili italiani nel Mar Nero 1942–1943// Regia Marina Italiana. Режим доступа URL: http://www.regiamarina.net/detail_text.asp?nid=34&lid=2 (дата обращения: 25.02.2017)
19. Revelli N. La strada del davai. Milano: CDE, 1991. 601 p.; Corti E. I piu non ritornano. Milano: Garzanti, 1968. 285 p.
20. Широкоград А. Б. Адмирал Октябрьский против Муссолини. М.: «Вече», 2011. 352 с. (со стр. 355).
21. Vigo L. Non prebdere freddo: CSIR 1941–1942: racconto di un reduce. Pavia: G. Luculano, 2000. 156 p. и др.

ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН

Возрождение культа японского императора во второй половине XX — начале XXI в.: этапы, особенности, дискуссии

Артеменко Надежда Ивановна, студент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

15 августа 1945 г. император Японской империи Хирохито по радио объявил о капитуляции страны, а уже 2 сентября был подписан безоговорочный акт о капитуляции Японии, который тем самым завершил Вторую мировую войну. Для японцев поражение означало и суровое наказание за преступления военных лет, и крах всей идеологии японского превосходства. В такой момент единственным условием, выдвинутым японцами при подписании акта о капитуляции, была неприкосновенность императора, и сохранение в стране императорской династии [11, с. 55]. Так почему же в таких условиях это было столь важно для японцев — сохранить институт монархии?

Ответ на данный вопрос без преувеличения кроется во всей японской истории, из которой ясно видно: сколько была у Японии государственность, ровно столько же и был у нее император. И пусть он не всегда обладал всей полнотой власти, он оставался всегда тем политическим институтом, чей авторитет был необычайно велик. Ведь он зиждился на национальной религии. Сначала император был главным жрецом синто и исполнял обряды, обеспечивающие плодородие земли и процветание страны. Позднее, уже в VIII в. возникла концепция о происхождении императора от богини солнца Аматэрасу, а значит «император-посредник между людьми и богами» сменился на «император-подобный богам». Эта и другие идеи, подчеркивающие уникальность японской императорской династии, были оформлены в мифологических сводах «Кодзики» и «Нихон Сёки». Во время революции 1867–1868 гг. и реставрации монархического строя, мысль о божественности императорской власти, непрерывности японской династии была взята на вооружение. Со временем она укреплялась и привела к формированию государственного синто. Эта религия не только объявила императора главой этого культа, но и все больше способствовала распространению идеи об уникальности японской нации.

Не будет преувеличением сказать, что к началу войны на Тихом океане представления о «божественности» императора, его непогрешимости и безусловной правоте прочно вошли в сознание подавляющего большинства японского народа. В этом смысле особенно показательны данные опросов японских военнопленных, приводимые в исследовании американского автора Р. Бенедикта.

Опрашиваемые практически единодушно воздерживались от критических замечаний в адрес императора. И большинство их высказываний сводились к одному: «Япония без императора не Япония», «Нельзя представить себе Японию без императора», «Император — это символ японского народа, центр его религиозной жизни». Хотя некоторые военнопленные и если начинали осознавать ошибочность проводимой от имени императора политики, то они всячески отрицали его ответственность за эту войну, утверждая, что он был обманут военной верхушкой [2, с. 26]. Тем не менее, союзники все же решили не лишать Японию ее монарха. Примечателен тот факт, что император так и не был осужден ни Токийским, ни Хабаровским трибуналами, несмотря на то что, такие предложения поступали.

Но не стоит думать, что императорская система в Японии не претерпела изменений — они были и весьма серьезные.

Во-первых, государство по новой конституции 1947 г. переставало быть абсолютной монархией, а статус императора ограничивался «символом государства и единства нации». Таким образом, император лишился прерогатив, зафиксированных в конституции 1889 г., также утверждался нерелигиозный характер государственной власти.

В функции императора входит назначение премьер-министра по представлению парламента и главного судьи верховного суда по представлению кабинета министров, созыва парламента, роспуск палаты представителей, объявление всеобщих парламентских выборов. На императора возлагается обнародование поправок к конституции, законов, правительственных указов и договоров. Он подтверждает назначение и отставки государственных министров и других должностных лиц в соответствии с законом, а также полномочия и верительные грамоты послов и посланников. На него возложено также подтверждение всеобщих и частных амнистий, смягчений и отсрочек наказаний, восстановление в правах. Он жалует награды, подтверждает ратификационные грамоты и другие дипломатические документы, принимает иностранных послов, посланников и участвует в церемониалах. Все действия, относящиеся к государственным делам, император должен осуществлять по совету и с одобрения кабинета министров, который несет ответственность за них.

На практике роль императорской власти в политической жизни Японии не ограничивается рамками, определенными конституцией. Правящие круги, опираясь на пережитки прежних монархических настроений, стремятся возродить культ императора и распространяют в массах идею, что император в качестве «символа единства народа» стоит над классами и партиями.

Во-вторых, был развенчан миф о божественном происхождении императора. 1 января 1946 г. император Хирохито выступил с обращением к японскому народу, в котором он отрицал «ложную концепцию божественного характера императорской власти», что стало для большинства японцев, воспитанных в духе идей государственного синто, настоящим потрясением и крушением их представлений. Однако принципы уважения и любви к императору как к «символу государства и единства нации» продолжает поддерживаться и используется элитой при формировании национальных ценностей. В качестве новой национальной идентичности была создана идеология «семейного государства» [2, с. 313].

Процесс возрождения тэнноизма (от яп. тэнно — титул правителя, император) после вступления в силу Конституции 1947 г. можно разбить на три основных этапа. Первый этап можно условно обозначить рамками конца 1940-х — первой половины 1960-х гг.: в стране создавались условия для возрождения культа императора, но не «божественного» верховного правителя, а скромного, близкого к народу конституционного монарха. Второй этап — с середины 1960-х до конца 1980-х гг. — был направлен на ритуализацию общественной жизни и узаконение тех ее проявлений, которые могли служить культивированию поклонения императору. Новый период в развитии японской монархии уместно начать с 7 января 1989 г., когда после продолжительной болезни скончался император Хирохито, и на японский престол вступил его сын Акихито. Нынешний монарх представляет собой уже иную эпоху — эпоху демократической конституции и высокоразвитого индустриального общества. Новый император не раз демонстрировал готовность быть ближе к простым людям и стараться жить проще [11, с. 56].

В процессе возрождения культа императора в Японии необходимо выделить несколько его характерных особенностей. В первую очередь, это «очеловечивание» императора, которое произошло по выражению Ясуда Цунэо после поражения Японии во Второй мировой войне [9, с. 189]. Была создана теория «народного императора», суть которой заключалась в том, что император — символ объединения народа против иностранной оккупации. Это же подтверждает исследователь Г.Е. Светлов, который указывает на то, что император рассматривался как фактор сдерживания недовольства народных масс тяжелым экономическим положением, сложившимся в период оккупации, как оплот против нарастающего демократического движения [5, с. 187]. В широкие слои народа активно внедрялись представления об «отце нации», который вместе

со своим народом переживает выпавшие на его долю невзгоды. Так, например, записанные на пленку речи императора о тяжелом продовольственном положении передавались по радио, а с июня 1946 г. начались его поездки по стране. Все эти факты только подтверждают, что культ императора «эволюционировал» не вопреки американской оккупации, а благодаря. Сохранились свидетельства, что в апреле 1946 г. генерал Макартур, командующий оккупационными войсками, получил приказ «тайно содействовать» популяризации личности императора не как существа божественного, а как человека [3, с. 304–305]. В широкие слои народа активно внедрялись представления об «отце нации», который вместе со своим народом переживает выпавшие на его долю невзгоды. Все эти факты только подтверждают, что культ императора «эволюционировал» не вопреки американской оккупации, а благодаря.

Другой особенностью процесса возрождения культа императора стало сохранение представления о нем, как о главе синто. Уже после окончания оккупации возобновилась религиозная деятельность императора. Так 2 июня 1952 г. Хирохито посетил главное святилище богини Аматэрасу — Исэ дзингу, чтобы сообщить своей «божественной» прародительнице о подписании мирного договора. Этот визит и последующие достигли своей цели — укрепление религиозного авторитета императора [5, с. 194]. В 1974 г. был восстановлен обряд кэндзи додзи — перемещение меча и яшмовых подвесок, которые являются согласно мифологии синто, двумя из «трех священных регалий» императорской власти. Во время очередной поездки императора в Исэ дзингу двое слуг постоянно сопровождали его с мечом и яшмовыми подвесками в руках. Это должно было показать неизменность «божественного» характера императорской власти. Следующим шагом явилось заявления императора Хирохито в августе 1977 г., в котором он отрицал, что в 1946 г. сам опроверг «лживую концепцию» о своей «божественной» сущности [6, с. 201]. В 1979 г. консервативные силы добились закрепления в законодательном порядке системы летоисчисления по годам правления императора. Так постепенно восстанавливаются представления об «уникальном» характере японской государственности, увенчанной «божественным» императором.

Еще одной особенностью возрождения культа императора, стало восстановление многих довоенных праздников и появление новых. С начала 1960-х гг. правящая Либерально-демократическая партия вместе с Ассоциацией синтоистских святилищ при поддержке правых и консервативных организаций начала движение за восстановление в качестве государственного праздника кигэнсэцу. Это означало официальное признание синтоистского мифа, согласно которому японское государство основано в 660 г. до н. э. легендарным императором Дзимму и, по мнению Г.Е. Светлова, содействовало росту политического престижа императора [5, с. 200]. Пользуясь большинством в парламенте, ЛДП в 1966 г. провела закон, объявивший

11 февраля (день кигэнсэцу в довоенной Японии) национальным праздником — Днем основания государства.

Одновременно с этим праздником были введены еще два «новых» государственных праздника: «кэйроно хи» («день почитания старших» 15 сентября) и «тайику-но хи» («день физкультуры» — 10 октября), в проведении которых принимает участие император. С 1 января 1948 г. вновь вводится практика общения с народом, когда на Новый год и в свой день рождения император с императрицей и другими членами семейства приветствуют всех, являющихся с поздравлениями в императорский дворец в Токио [6, с. 123]. По мнению Т. Г. Сила-Новицкой, использование праздничных обрядов, часто воспроизводящих структуру синтоистских «мацури» как средство социально-психологического регулирования поведения масс, ориентируется на свойственный массовому сознанию большинства японцев иррациональный тип мышления, в котором глубокое подсознательное впечатление оставляют разного рода ритуалы. Также восстановление в виде общенациональных праздников многих обрядов государственного синтоизма преследовало цель развить ощущение общности у японцев в современном отчужденном обществе [6, с. 134].

Однако возрождение культа императора, которое произошло в послевоенной Японии, конечно же не могло не вызвать острых дискуссий о месте императора в обновленном государстве. Так, в 1950-х гг. в японском обществе развернулась дискуссия об ответственности императора за войну и её последствия. Амато Тэйю и Коидзуми Синдзо утверждали, что император — это «канон», он является «основой Японии и японского народа» и «его ни в коем случае нельзя вмешивать в политику» [9, с. 189]. Сторонники другого взгляда утверждали, что император несет ответственность за развязывание войны, и он должен добровольно отречься от престола в пользу принца. Это поможет Японии отказаться от статуса военной державы и возродиться в качестве «нового мирного самостоятельного государства» [9, с. 189]. Было и такое мнение, что император может искупить свою вину единением с народом, «императорская семья должна перестать замыкаться в кругу знати, и императоры должны вступать в брак только с простыми японцами» [9, с. 190].

Вопрос о возможности наследования японского престола женщиной вызвал также немало горячих споров. Созванная в 2005 г. премьер-министром Коидзуми Дзюньитиро «Конференция специалистов, посвященная Закону об Императорском доме», предложила изменить

порядок престолонаследия таким образом, чтобы право наследования передавалось по обеим линиям в порядке старшинства. Согласно опросам общественного мнения, восемь из десяти респондентов отвечали, что они не против того, чтобы женщина занимала императорский трон. Однако есть и такие люди, которые не приемлют иного способа наследования, кроме как мужчинам по мужской линии. Они говорят, что такой способ закреплен всей историей и традицией Японии и на нем зиждутся авторитет и достоинство императорского дома, а потому нашим современникам нельзя менять порядок этих вещей, исходя из сиюминутных соображений [7]. После рождения долгожданного единственного в третьем поколении потомка императора по мужской линии проблема наследования отступила.

Еще одной проблемой, связанной с императорской династией, стало заявление императора Акихито в июле 2016 г. о намерении отречься от престола. По его словам, состояние здоровья ему уже не позволяет выполнять в полной мере свои обязанности как «символа государства и единства нации». Согласно опросу общественного мнения, проведенного агентством «Кёдо цусин», 85,7% людей поддерживает прижизненное отречение от титула. Опрос проводился еще до того, как было опубликовано видеобращение, но сейчас, наверное, это число еще больше [8]. Однако эксперты, обсуждавшие отречение Акихито, в своих выводах оказались менее единогласны — лишь девять из шестнадцати склоняются к тому, чтобы позволить ему это сделать [10].

В заключении следует сказать, что возрождение, как и любое историческое и культурное явление, имеет свои особенности. Они в свою очередь обусловлены тем, как происходило формирование этого культа. Так, например, М. А. Лих считает, что сакральность власти, ее политическая пассивность, полное подчинение и преклонение перед ней являются причиной удивительной жизнеспособности японской императорской династии [4, с. 61]. И даже нынешняя ситуация, когда японский император, окруженный всяческим почетом, не имеет равным счетом никакого влияния на принятие политических решений, отнюдь не является исключением. Скорее, наоборот — в таком положении находилось и большинство его предков [4, с. 60]. Таким образом, культ императора в Японии становится как бы частью японской культуры и национальной идентичности. Для многих император является действительно символом, символом государства и народа, таким, каким он был всегда, на протяжении всей японской истории.

Литература:

1. Бенедикт. Р. Хризантема и меч: модели японской культуры / Пер. с англ. М. Н. Корнилов, Е. М. Лазарева, В. Г. Николаев. — М., СПб.: Центр гуманитарных исследований. — 2013.
2. Волкова Т. А. Особенности политического лидерства Японии // Социально-гуманитарные знания. — 2015. — № 5. — С. 311–317.
3. Гейн М. Японский дневник. — М.: Издательство иностранной литературы, 1952.
4. Лих М. А. Институт монархии в Японии, его особенности // Вестник МИЭП. — 2014. — № 2 (15). — С. 56–62.

5. Светлов Г. Е. Синто путь богов. — М., 1985.
6. Сила-Новицкая Т. Г. Культ императора в Японии: мифы, история, доктрины, политика. — М., 1990.
7. Такахаси Коитиро. Императорский дом Японии: какое будущее его ожидает? // Nippon.com — современный взгляд на Японию. URL: <http://www.nippon.com/ru/currents/d00129/> (дата обращения: 3.01.2017).
8. Тасэ Ясухиро. Позволим императору уйти? // Nippon.com — современный взгляд на Японию. URL: <http://www.nippon.com/ru/column/g00382/> (дата обращения: 3.01.2017).
9. Труш О. С., Ясуда Цунэо. Проблема традиции «император-символ» в Японии. / Реферативный журнал История. — 2007. — № 2. — С. 189–191.
10. Эксперты обсуждают отречение императора. // Nippon.com — современный взгляд на Японию. URL: <http://www.nippon.com/ru/genre/politics/110031/> (дата обращения: 3.01.2017).
11. Юдакова О. В. Эволюция института императора в Японии во второй половине XX — начале XXI вв. / Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. — 2011. — № 8. — С. 55–56.

Публика императорских оперных театров Российской империи конца XIX — начала XX вв.

Бабенко Оксана Васильевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник
Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (г. Москва)

Если хотите помочь театру, идите не в актрисы, а в зрители.
Таллула Банкхед

Слушай, как реагирует зал, и никогда не слушай, как реагируют отдельные зрители.
Ричард Роджерс

В жизни императорских оперных театров конца XIX — начала XX вв. публика играла огромную роль. Достаточно вспомнить о том, что актер выходит на сцену ради зрителя, который выражает свою любовь или нелюбовь к артистам и спектаклям, оказывая влияние на театр. Нет ничего удивительного в том, что наиболее популярные артисты получали неофициальный титул «любимцев публики».

В театре традиционно существует разграничение на сцену и зрительный зал, но это не означает, что публика в отличие от артистов во время спектаклей пассивна. Наоборот, можно наблюдать живую реакцию зрителей на происходящее на сцене (аплодисменты, выкрики с мест, смех и т. д.). В ходе представления зрительный зал становится единым организмом, испытывающим общие чувства. Доказано, что эмоциональный отклик зрителей воздействует на психофизическое состояние актеров, поэтому зритель является как бы соавтором спектакля. Если меняется реакция публики, меняется и сам спектакль. Поэтому каждый спектакль существует только в настоящий момент. Следующий спектакль по тому же произведению будет отличаться от предыдущего, так как на него придет другая публика с иной реакцией на ход спектакля. К тому же зрители не одинаково реагируют на спектакли. У них различные предпочтения в зависимости от уровня культуры, образования, художественного вкуса. В театральном зале могут одновременно присутствовать люди с разными вкусами. Кроме того, необходимо помнить о том,

что в дореволюционной России публика была четко распределена по театрам. Как справедливо отмечал известный писатель Владимир Гиляровский, «каждый московский театр имел свою публику» [2].

На общую направленность вкусов публики влияла политическая и социальная ситуация конца XIX — начала XX вв. В связи с остротой социально-политической обстановки театральная жизнь России того времени отличалась особой духовной содержательностью. Кризисные периоды истории всегда давали богатую пищу для культурного развития. Именно тогда расширяются возможности художественного выбора человека, меняется его отношение к реализму в пользу современных течений в искусстве. Зритель знакомится с новыми идеями, образом героя своего времени, обнаруживает пути нравственного самопознания и самосовершенствования. Большое распространение получают марксистские идеи. Популярность приобретают труды политического деятеля и философа Г. В. Плеханова, например, «Судьбы русской критики», где автор доказывает связь истории русского искусства с освободительным движением. Революционный террор вовсе не затормаживает театральную жизнь, не отвращает публику от истинного искусства. Наоборот, театр продолжает развиваться и привлекать зрителя в свои залы.

При анализе рассматриваемой проблемы следует исследовать прежде всего реакцию публики на спектакли и то новое, что она приносила в театральную жизнь. Мы

рассмотрим изучаемую проблематику на примере публики Большого и Мариинского театров — императорских оперных театров России — от последней трети XIX века до 1917 года. В нашу задачу не входит подробное изучение социального состава публики и его изменений, поскольку эта проблематика достаточно хорошо изучена, но мы коснемся этого вопроса на основе доступных нам источников. Мы исследуем также поведение зрителей в театре и вне театральных залов, их реакцию на спектакли.

С социологической точки зрения театральная публика России была изучена в изданиях «Публика музыки в России. Социологические свидетельства 1910—1930-х гг». [12] и «Публика театра в России. Социологические свидетельства 1890—1930-х гг». [13]. Как пишет профессор Ю. У. Фохт-Бабушкин (Государственный институт искусствознания), «театр в XIX веке выделялся своей массовостью, из-за чего в числе первых стал объектом социологических исследований» [13, с. 13]. Системное исследование проблемы взаимоотношений сцены и зрителя представлено в монографии профессора РАТИ, д-ра искусствоведения В. Н. Дмитриевского «Театр и зрители. Отечественный театр в системе отношений сцены и публики: От истоков до начала XX в». [5].

Следует отметить, что репертуар императорских оперных театров зависел от вкусов государей. В Большом театре в первой половине 1880-х гг. шли русская опера и балет. В Мариинском же пели итальянцы. В 1885—1886 гг. представления казенной итальянской оперы прекратились, и в Мариинском театре окончательно утвердилась русская опера. Это произошло благодаря императору Александру III, желавшему покровительствовать именно русской опере из любви ко всему национальному. Тем не менее, по воспоминаниям политика В. Д. Набокова, «русское «высшее» общество 80-х годов ездило только в итальянскую оперу и во французский театр. Русская опера совершенно его не интересовала» [9, с. 472]. Члены императорской фамилии тоже входили в состав театральной публики. Личная статистика цесаревича Александра Александровича за сезон 1875/1876 гг. была следующей: «посетил театр — 34 раза. Из них: итальянскую оперу — 9 раз, балет — 1, русскую оперу — 2, французский театр — 16, русский театр — 4, цирк — 2» [цит. по: 1, с. 25—26].

После вступления на престол Александр III по-прежнему старался найти время на посещение театров, «поменяв акценты с итальянской и французской музыки на русскую» [1, с. 26]. Став государем, он увеличил субсидии императорским театрам, вмешивался в составление репертуара, не пропускал ни одной премьеры. Как пишет историк О. И. Барковец, «почти еженедельно царская чета посещала театр или оперу» [1, с. 26]. В. Д. Набоков тоже отмечает любовь Александра III к русской опере, но пишет, что «пределы его музыкального вкуса были очень ограничены. По странной игре случая, он любил только Чайковского и... «Мефистофеля» Бойто, представлений которого он не пропустил» [9, с. 480]. Последнее подтверждается и словами

Ф. И. Шаляпина о том, что Александр III «любил ходить в оперу и особенно любил «Мефистофеля» Бойто. Ему нравилось, как в прологе в небесах у Саваофа переключаются трубы-тромбоны. Ему переключка тромбонов нравилась, потому что сам, кажется, был пристрастен к тромбонам, играя на них» [17, с. 162].

Николай II тоже любил посещать театры и лично утверждал их репертуар. Последнее обстоятельство не всегда положительно отражалось на композиторах и собственно репертуаре. Так, Николай II, не удовлетворенный сюжетом былины «Садко», вычеркнул из репертуара императорских театров одноименную оперу Н. А. Римского-Корсакова, сказав: «...Пусть вместо этой оперы дирекция подыщет что-нибудь повеселее» [цит. по: 4, с. 188]. Однако это не означает, что Николай II предвзято относился к опере. В его «Дневнике» есть свидетельства того, что ему нравились оперные спектакли, на которых он бывал. Так, под 8-м января 1904 г. он сделал следующую запись, касающуюся Мариинского театра: «Давали «*Gotterdammerung*» замечательно хорошо. Пели Литвинов и Ершов» [7, с. 133]. А под 23-м января мы читаем такую заметку: «Был весьма удачный спектакль в Эрмитаже. Давали пролог и 4-й акт «*Мефистофеля*», в кот. пели: Медея, Шаляпин и Собинов» [7, с. 136]. Иногда во время антрактов Николай II приглашал артистов к себе в ложу. Случалось быть званым к государю Ф. И. Шаляпину, о чем он вспоминает в своей книге «Маска и душа». Артист пишет: «Приходил директор театра и говорил:

— Шаляпин, пойдемте со мною. Вас желает видеть государь.

Представлялся я государю в гриме — царя Бориса, Олоферна, Мефистофеля.

Царь говорил комплименты:

— Вы хорошо пели.

Но мне всегда казалось, что я был приглашаем больше из любопытства посмотреть вблизи, как я загримирован, как у меня наклеен нос, как приклеена борода. Я это думал потому, что в ложе всегда бывали дамы, великие княгини и фрейлины. И когда я входил в ложу, они как-то облепляли меня взглядами» [17, с. 162—163].

Граф Д. А. Олсуфьев, написавший свои воспоминания в XX столетии, замечает, что «театры, а особенно опера в 70-х и 80-х годах имели гораздо большее значение, чем в XX веке, даже в царской России. В нынешнем веке политика и общественность затерли искусство. В 70-х годах царя у нас во всем блеске дивных голосов опера итальянская: Патти, Нильсон, Боссио, Кальвюеларий, Никольский, Лука и другие блистали в дивном по акустике (после обезображенном в консерваторию) Большом театре. Я помню, как в Петербурге (подобно как в Византии ристалищами) делились на две партии — паттистов и нильсонистов. Среди гвардейского офицерства (как и во Франции Второй Империи) царя оперетка с Мадам Жюдик во главе. Отец мой увлекался Жюдик; мать моя боготворила «*Лознгрину*» и «*Тангейзера*». Русская опера была в сравнительном

загоне, и расцвет ее наступил после, при Александре III и Николае II» [10, с. 277–278].

Как публика реагировала на истинный талант? Реакция, как правило, была бурной, а аплодисменты и возгласы, доставшиеся артисту, — честными. В. Н. Дмитриевский описывает первый выход молодого Ф. И. Шаляпина на сцену Большого театра 24 сентября 1899 г. Петербургская газета «Новости искусства» писала об этом следующее: «Едва Ф<едор> И<ванович>, исполнявший партию Мефистофеля в «Фаусте», появился из подземелья, театр застонал от восторженных рукоплесканий, которые длились несколько минут... Публика была так настроена, что певец мог бы несколько раз повторять каждую фразу, если бы не новое правило, допускающее повторять только один раз. Голос артиста звучал в Большом театре еще лучше, чем в Солодовниковском театре, и ни акустика Большого театра, ни сильный оркестр не мешали г. Шаляпину проявить свое обычное мастерство, чудную фразировку, всю красоту его исключительного голоса. Шесть лавровых венков с надписями «славному», «великому», «гениальному» артисту, «красе и гордости русской сцены», цветочную лиру и щит с венком из золотых и серебряных цветов с выгравированной подписью: «Любовь наша будет тебе щитом, мечом же будет великий твой талант. Шире дорогу певцу-художнику!» [цит. по: 6, с. 151–152].

Ф. И. Шаляпин вспоминал, как он, будучи совсем молодым артистом Мариинского театра, случайно оказался занятым в роли Мельника в последнем в сезоне спектакле «Русалка». Его игра была великолепной. Как пишет сам артист, «спектакль взвинул публику до того, что она превратила его в праздничный для меня бенефис. Не было конца аплодисментам и вызовам. Один известный критик впоследствии писал, что в этот вечер, может быть, впервые полностью открылось публике в чудесном произведении Даргомыжского, в трагической глубине его Мельника, каким талантом обладает артист, певший Мельника, и что русской сцене готовится нечто новое и большое. Естественно, что после этого нечаянного успеха взглянула на меня несколько более благосклонно и дирекция» [17, с. 62–63]. Здесь Шаляпин справедливо отметил ту огромную роль, какую в жизни артиста играют публика и критика. Впрочем, театральные критики и сами принадлежат к категории «публика».

Как пишет В. Н. Дмитриевский о московском зрителе, «москвичи горячо любили искусство, талантливого и заслуживающего благодарности артиста они щедро одаривали овациями, возгласами «браво!», «бис!», подчас даже забывая о собственной безопасности. Однажды, как рассказывал журнал «Театрал», на спектакле Большого театра из ложи третьего яруса вывалился в партер студент Московского университета некий В. Г. Михайловский и получил тяжелые увечья: возбужденный поклонник оперы взобрался на стул и, неистово аплодируя, потерял равновесие, за что и поплатился...» [6, с. 147].

Зрители не давали покоя любимым артистам и по окончании спектаклей. Друг Ф. И. Шаляпина художник К. А. Коровин вспоминает, как однажды после оперы «Жизнь за царя» в Большом театре певец предложил ему: «Пойдем через ход со сцены. Не люблю встречаться после спектакля с почитателями. Выйдешь на улицу — аплодисменты, студенты, курсистки...» [8, с. 98]. «И он был прав, — продолжает Коровин. Мы вышли на улицу со сцены проходом, где выходили рабочие и хористы. И все же, когда мы подходили к карете, несмотря на густой снег, слепивший глаза, толпа каких-то людей бросилась к нам. Кто-то крикнул:

— Шаляпина качать!

Двое, подбежав, схватили Шаляпина — один поперек, другой за ноги. Шаляпин увернулся, сгреб какого-то подбежавшего к нему парня и, подняв его кверху, бросил в толпу. Парень крякнул, ударившись о мостовую. Толпа растерялась. Шаляпин и я быстро сели в карету и уехали» [8, с. 98].

Певца одолевали поклонники и в ресторанах, поэтому в какой-то момент он совсем перестал в них бывать. «То мне предлагают выпить, — вспоминал Шаляпин, — то ехать еще куда-то ужинать, и когда я отказываюсь, то вижу злые глаза. «Господин Шаляпин, не желаете вступить со мной в знакомство? Презираете? Я тоже пою...» и прочее. Ну как ты будешь тут? Одолевают. Ведь он не то что любит меня. Нет. Он себя показывает. Он не прощает мне, что я пою, что я на сцене имею успех» [8, с. 99].

Публика беспокоила известных артистов и в частной жизни. К. А. Коровин вспоминает, как плыл с молодым Шаляпиным на пароходе по Волге: на певца смотрели все пассажиры, а одна из дам даже поспорила со своим мужем о том, Шаляпин ли с ними плывет или нет. Когда пароход причалил к пристани возле монастыря, «на берегу остановили молебн, произошло какое-то движение. На пристань вышли священник, дьякон с кадилом, столпились монахи. Все смотрели во все глаза на пароход. В толпе слышалось: «Шаляпин! Шаляпин! Где он?» [8, с. 123].

Еще один подобный случай произошел однажды с Шаляпиным в ресторане «Гурзуф», в который он поехал после спектакля в Большом театре вместе с Коровиным. Там друзья встретили выходящую навеселе компанию. Одна из женщин закричала: «Шаляпин! Вернемтесь, он нам споет» [8, с. 100]. Шаляпин быстро прошел в кабинет и попросил метрдотеля запереть дверь и никого не пускать. «Метрдотель посмотрел на дверь и увидел, что в ней нет замка. Шаляпин выпустил метрдотеля, хлопнул дверь и держал ручку. В дверь послышался стук, хотели отворить. Но Шаляпин уперся ногой в притолоку и не пускал.

— Жить же нельзя в этой стране!

Наконец послышался голос метрдотеля.

— Готово-с, отворите...

Все же с метрдотелем в кабинет ворвалась компания. Женщины, весело смеясь, подбежали к Шаляпину, протягивали к нему руки, кричали:

— Не сердитесь, не сердитесь! Несравненный, дивный, мы любим вас, Шаляпин. Обожаем.

Шаляпин рассмеялся. Женщины усадили его на диван, окружили. Обнимали и шептали ему что-то на ухо.

Мужчины, стоявшие в стороне, держали поднос с наливыми бокалами шампанского.

— Прошу прощения, — вставая, сказал Шаляпин, — вы поймите меня, я же не виноват. Я пою, я артист — и только. А мне не дают жить. Вы не думайте, что я не хочу видеть людей. Это не верно. Я люблю людей. Но я боюсь, боюсь оскорбления» [8, с. 101]. Встреча закончилась тем, что компания москвичей привезла Шаляпина домой лишь под утро.

Крайне неприятный случай произошел с Шаляпиным в Ярославле, где он находился проездом с Коровиным. Ожидая паром, они присели у ресторана снаружи, заказав белугу с хреном и икру зернистую. «Только мы стали есть белугу, — вспоминает Коровин, — как за соседний столик сели два чиновника, в фуражках с кокардами. Один молодой, другой постарше. Молодой посмотрел на Шаляпина и сказал что-то другому. Старший тоже посмотрел на Шаляпина.

«Узнали», — подумал я.

Чиновники встали и подошли к нам. Старший сказал:

— Здравствуйте, Федор Иванович. Позвольте вас приветствовать в нашем городе.

— Очень рад, — ответил Шаляпин. — Но я вас не знаю.

— Нас много, — ответил, улыбаясь, старший. — Мы чиновники у губернатора. Нас много, и губерний много. А вы один — великий артист. Позвольте вас приветствовать.

— Садитесь, — сказал Шаляпин» [8, с. 119–120].

Один из чиновников заказал бутылку шампанского. Когда ее подали, оба чиновника встали и подняли бокалы.

«- Мы ездили в Москву вас слушать, Федор Иванович, и каждый день вспоминаем о вашем спектакле с восторгом. Но, простите, Федор Иванович, мы слышали, что вы — друг Горького. Друг этого лжеца и клеветника России. Неужели это правда?

Шаляпин поблдевел.

— Мы, очевидно, с вами разные люди. Мне неприятно слышать про Алексея Максимовича, что он — лжец и клеветник. Вам, вероятно, не нравится та правда, которую он говорит.

Шаляпин отвернулся от чиновников, позвал человека и коротко сказал мне:

— Заплати» [8, с. 120].

К. А. Коровин расплатился по счету, и друзья ушли, не дотронувшись до шампанского.

В связи с вопросом о популярности оперных певцов возникает еще один вопрос: артисты каких тембров привлекали публику? Известный актер Малого театра Ю. М. Юрьев вспоминает по этому поводу следующее из времен молодости Ф. И. Шаляпина: «В опере так уж заведено издавна, — тенора и баритоны — вот центр внимания публики. И они являлись главной приманкой и неизменными

объектами неистовых оваций. Среди них, разумеется, свои кумиры.

В Мариинском театре тогда было два таких кумира — Фигнер и Яковлев. Про них установилась слава, что они не только первоклассные певцы, но и актеры» [18, с. 388–389].

В. Д. Набоков пишет, что «не застал того времени, когда, случалось, кричали «бис» во время драматических спектаклей. Но в опере повторения были привычным явлением. Некоторые, особенно популярные номера, непременно всегда бисировались: это была традиция, которую лишь с большим трудом удалось искоренить. Так, всегда повторяли такие даже громоздкие вещи, как увертюра «Руслана» [9, с. 481].

Как зрители реагировали на оперу? Реакция публики на оперные спектакли была разной. Так, Д. А. Олсуфьев пишет о премьеры оперы Мусоргского «Борис Годунов» в 1875 г. Тогда «это был полный провал оперы среди большой публики. Гениальный реализм и драматизм Мусоргского совсем не был понятен. И моя мать, поклонница Вагнера, и весь кружок нашей семьи и знакомых совершенно не признали этой музыки, и в частности и мне, маленькому, музыка оперы тогда совсем не понравилась. А теперь я ее высоко ценю» [10, с. 280]. Спустя несколько десятилетий эта опера была признана высшим образцом музыкальной драмы. Правда, Ф. И. Шаляпин не разделял изначальной всеобщей нелюбви к Мусоргскому. Он писал: «Уже давно понимали, что Мусоргский — гений. Недаром Римский-Корсаков с чисто религиозным усердием работал над «Борисом Годуновым», величайшим наследием Мусоргского» [17, с. 154]. Шаляпин дает также собственную характеристику музыки Мусоргского: «... Мусоргского обыкновенно определяют как великого реалиста в музыке. Так часто говорят о нем и его искренние поклонники. Я не настолько авторитетен в музыке, чтобы уверенно высказывать по этому поводу свое мнение. Но на мое простое чувство певца, воспринимающего музыку душою, это определение для Мусоргского узко и ни в какой мере не обнимает всего его величия. Есть такие творческие высоты, на которых все формальные эпитеты теряют смысл или приобретают только второстепенное значение. Мусоргский, конечно, реалист, но ведь сила его не в том, что его музыка реалистична, а в том, что его реализм — музыка (так написано в тексте. — О. Б.) в самом потрясающем смысле этого слова. За его реализмом, как за завесой, целый мир проникновений и чувств, которые в реалистический план никак не войдут» [17, с. 155–156].

Какое значение имел для оперы успех или провал у публики? Следует отметить, что для долгой жизни на сцене опера обязательно должна иметь ошеломляющий успех у публики со дня премьеры. Примером может служить опера «Мазепа» П. И. Чайковского. Ее премьеры состоялась 3 февраля 1884 г. в Москве (Большой театр) и 6 февраля — в Петербурге (Мариинский театр). Музыковед Н. В. Туманина справедливо отмечала, что

«сценическая судьба «Мазепы» была в целом удачной, несмотря на сравнительно негромкий успех петербургской премьеры» [15, с. 103]. Опера находилась в репертуаре императорских театров в течение двух сезонов, исполнялась ведущими солистами (Э. Павловской, Б. Корсовым, А. Крутиковой, Д. Усатовым). В советское время она ставилась на многих оперных сценах СССР. В то же время поставленная в 1890 г. опера П. И. Чайковского «Пиковая дама» имела большой успех у публики и такую же долгую жизнь, как опера «Мазепа».

Более того, реакция публики на ход спектакля могла не влиять на дирижеров и актеров. К. С. Станиславский вспоминал 101-е представление «Демона» в Большом театре 22 сентября 1886 г. Тогда «цвет московского общества наполнял театр» [14, с. 82]. Оркестром дирижировал Антон Рубинштейн. Первый акт закончился с огромным успехом, но во втором акте композитор начал нервничать. В момент появления Демона из-под пола Рубинштейн оставил весь спектакль. Оказалось, что рефлектор должен был освещать Демона не спереди, а сзади. «Наступила гробовая пауза. <...> Казалось, что прошел целый час времени. Толпа в зрительном зале, замершая было от смущения, начала понемногу оправляться, будировать и критиковать. В зале рос гул. Рубинштейн сидел в спокойной позе, — почти такой же, какую я видел в гостинице при первом знакомстве с ним. Когда гул толпы принял неподобающие размеры, он спокойно, лениво и строго обернулся назад, в ее сторону и постучал палочкой по пульту. <...> В зале зашикали, и водворилось молчание. Прошло еще немало времени, пока наконец сильный свет ударил в спину Демона, отчего его фигура стала почти силуэтом и приняла прозрачный вид. Спектакль продолжали.

«Как красиво!», — пронеслось по залу.

Овации в следующем антракте приняли более скромный характер, — не потому ли, что публика обиделась? Но это ровно никак не повлияло на Рубинштейна. Я видел его за кулисами совершенно спокойного, разговаривающего с кем-то», — пишет Станиславский [14, с. 82].

В связи с вышесказанным возникает еще одна проблема: должен ли артист доверять точке зрения зрителя? Ф. И. Шаляпин полагал, что актеру не следует безоговорочно ориентироваться на мнение публики. В книге «Маска и душа» он писал: «Полагаться на одну только реакцию публики я не рекомендовал бы. «Публика хорошо реагирует, значит, это хорошо» — очень опасное суждение. Легко обольститься полуправдой. Успех у публики, то есть видимая убедительность для нее образа, не должен быть артистом принят как безусловное доказательство подлинности образа и его полной гармоничности. Бывает, что публика ошибается. Есть, конечно, в публике знатоки, которые редко заблуждаются, но свежий народ, широкая публика судит о вещах правильно только по сравнению. Приходится слышать иногда в публике про актера: «как хорошо играет», а играет этот актер отвратительно. Публика поймет это только тогда, когда увидит лучшее, более правдивое

и подлинное. «Вот как это надо играть!» — сообразит она тогда...» [17, с. 114]. В то же время Шаляпин не умалял значение публики для артиста. Он утверждал следующее: «Зрительный зал и идущие из него на подмостки струи чувства шлифуют образ неустанно, постоянно. Играть же свободно и радостно можно только тогда, когда чувствуешь, что публика за тобою идет. А чтобы держать публику — одного таланта мало: нужен опыт, нужна практика, которые даются долгими годами работы» [17, с. 117].

В мемуарной литературе иногда встречаются факты о театре, которые можно назвать «мелочами», но без них картина нашего исследования была бы неполной. Так, например, князь В. М. Голицын обращается к вопросу о том, чем занимались зрители во время антрактов. «Во время антрактов публика [в Большом театре], преимущественно дамская ее половина, прохаживалась в фойе, а большинство мужчин отправлялось в кофейню, которая быстро наполнялась таким непроницаемым дымом от папирос, что дышать бывало трудно. Позади этой кофейни была небольшая комнатка, куда проникали одни избранные по знакомству с хозяином кофейни, завзятые театралы и балетоманы. Вокруг столика, на котором порою красовались бутылки шампанского, быстро опорожняемые, велась оживленная беседа, передавались театральные новости более всего из амурной области, завязывались дружбы, а то бывали и ссоры», — пишет Голицын [3, с. 69–70]. А В. А. Гиляровский вспоминает о проявлениях поведения публики в Большом театре во время спектаклей: «Иногда в арьерложе раздавался заглушенный выстрел; но публика не беспокоилась: все знали, что в верхней ложе жених из ножевой линии угощал невесту лимонадом» [2].

К. С. Станиславский пишет об отрицательных явлениях в зрительской среде. Он отмечает, в частности, что российские меломаны приезжали в оперный театр с большим опозданием, входили, усаживались и шумели «в то время, как великие певцы оттачивают серебряные ноты или заставляют замирать дыхание на пиано-пианиссимо» [14, с. 47]. Были и явления еще худшего порядка, когда клубмены, имевшие абонементы в итальянскую оперу, «ехали в театр лишь для того, чтобы послушать *ut diez* знаменитого тенора. Когда начинался акт, передние ряды были еще не полны, но за несколько времени до прославленной ноты подымался шум, говор и скрип мебели. Это съезд «знатоков» — клубменов. Нота взята, ее по несколько раз бисировали, и снова подымался шум — клубмены уезжали доигрывать партию в карты» [14, с. 47–48].

Каким был социальный состав публики рубежного времени? Как пишет известный историк русской культуры И. Ф. Петровская, в 1890–1910-х гг. театр переживает период демократизации, а «наиболее отзывчивая публика — это не пресыщенный «средний интеллигент», а более демократическая — «полуинтеллигенция», учащиеся и «пролетариат», под которым разумелись не только рабочие, но вообще материально не обеспеченные круги» [11, с. 10]. В то время работа театров была

рассчитана на буржуазию, дворянство, интеллигенцию. На рубеже XIX—XX вв. одна часть столичного дворянства утрачивает свою сословную принадлежность и смыкается с буржуазией, а другая переходит в ряды интеллигенции. Поэтому И. Ф. Петровская утверждает, что, «по общему признанию, основную публику во всех театрах, кроме «народных», составляли буржуазия и интеллигенция. Театральные рецензенты писали, как правило, от имени интеллигенции и для нее» [11, с. 11].

В. А. Гиляровский вспоминал про публику Большого театра. Он писал в своей книге «Театральная публика» следующее: «В Большом театре на премьерах партер был занят барами, еще помнившими крепостное право, жалевшими прежнюю пору, брюзжащими на все настоящее и всем недовольными.

Зато верхи были шумливы и веселы. Истинные любители оперы, неудавшиеся певцы, студенты, ученики разных музыкально-вокальных школ, только что начавших появляться тогда в Москве, попадающие обыкновенно в театр по контрамаркам и по протекции капельдинеров.

И шумит, и гудит, и не троньте его,
Яко наг, яко благ, яко нет ничего...

В верхних ложах публика «наплывная». Верхняя ложа стоила пять рублей, и десяток приказчиков и конторщиков набивали ее «по полтине с носа» битком, стоя плотной стеной сзади сидящих дам, жующих яблоки и сосущих леденцы.

— И чего актеры поют, а не говорят, слов не разберешь! — жаловались посетители таких лож.

— Одна песня, а слов нет!

Ложи бенуара и бельэтажа сплошь занимались купечеством: публика Островского» [2].

В. Н. Дмитриевский пишет, что, согласно журналу «Театр и искусство», в «интеллигентских кругах» все посещали театр. Он признавался инструментом сильного воздействия на общественное сознание: «Театр не пустая игра, его действительное призвание служить бессмертным идеалам красоты и правды... Театр единственное место, где русский чувствует себя гражданином, где он сливается с подобными себе и упражняется в образовании общественного мнения... Положение в государстве театра служит четким показателем степени культурности страны, ее прогрессивного роста или ее распада» [цит. по: 6, с. 16]. Говоря о Большом театре, Дмитриевский утверждает, что он «редко бывал неполным. Цены на билеты разные, от дорогих — в партер и ложи до вполне умеренных — на галерею. Потому публика собиралась в зале весьма пестрая: и привилегированная, аристократическая, чиновничья, и литературно-художественная, журналистская, и студенческая, гимназическая, и барская, купеческая, и мещанская, и разномастная прислуга» [6, с. 146—147].

В начале XX века меняется публика, и сам термин «публика» употребляется уже не так часто, как раньше. Массовая аудитория начала демонстрировать признанным мастерам сцены, что они уже не могут управлять общественным

настроением. Как пишет В. Н. Дмитриевский, «в критических откликах и комментариях все чаще термины «публика», «зритель» заменяются определениями «толпа», «потребитель». «Народническое» умиление наивностью и неприязнительностью «серой публики» сменяется плохо скрываемыми «наставниками» разочарованием, раздражением, за которыми просматриваются и обида, и горечь непонятости, и одновременно трезвое осознание того, что публика, как повзрослевший подросток, становится неуправляемой, игнорирует художественные авторитеты, требует «сделать ей весело и красиво». «Почтенная публика» превратилась в «неблагодарную» [6, с. 149—150].

В революционный, 1917-й год, театры не закрывались, но постепенно менялся социальный состав публики, а театральные залы начали использоваться не по назначению. Известный общественно-музыкальный деятель Н. Ф. Финдейзен, вспоминая о просмотре оперы «Руслан и Людмила» Глинки, писал в своем «Дневнике» под 28 ноября 1917 г. следующее: «...вчера во время одного из посл<едних> антрактов (IV д. дали с форменным антрактом в 20 минут перед маршем Черномора!) кем-то в партере, из I ряда, была сказана зажигательная речь против большевиков и в защиту бастующих чиновников и учре<ди>телей и в пользу их был произведен сбор. Публика аплодировала. В театре точно не было ни одного большевика. Потом раздавались и раскладывались в партере прокламации Горуправы с предложением отпраздновать 28 ноября — день Учр<едительного> собр<а>ния — шествиями, иллюминациями etc». [16, с. 212].

А вот что пишет об изменениях в социальном составе публики Ф. И. Шаляпин: «Обычная наша театральная публика, состоявшая из богатых, зажиточных и интеллигентных людей, постепенно исчезла. Залы наполнялись новой публикой. Перемена эта произошла не сразу, но скоро солдаты, рабочие и простонародье уже господствовали в составе театральных зал» [17, с. 208]. Однако певец не связывает это со стремлением простого народа приобщиться к культуре. «Но напрасно думают и утверждают, что до седьмого пота будто бы добивался русский народ театральных радостей, которых его раньше лишали, — утверждает Шаляпин, — и что революция открыла для народа двери театра, в которые он раньше безнадежно стучался. Правда то, что народ в театр не шел и не бежал по собственной охоте, а был подталкиваем либо партийными, либо военными ячейками» [17, с. 208].

Таким образом, публика играла существенную роль в жизни императорских оперных театров конца XIX — начала XX вв., но не всегда оказывала судьбоносное влияние на репертуарные спектакли. Тем не менее она вдохновляла артистов на естественную и блестящую игру. Ее социальный состав менялся под воздействием политических событий начала XX века и революционного времени. Изменения привели в театры простой народ, который вовсе не интересовался высоким искусством, а попадал в театральные залы по принуждению со стороны партийных и прочих

органов новой власти. Впрочем, некоторые наблюдатели отмечали невежественность и дореволюционной публики. Зрители далеко не всегда отличались достойным поведением в театре, что говорит не в их пользу. Мнение публики могло не отражать качество постановок и игры актеров. К тому же публика беспокоила известных артистов за пределами театральных залов, что доставляло им вполне

очевидные неудобства. Поэтому роль зрителей в жизни актеров была неоднозначной. Более того, в 1910-е годы массовая аудитория оторвалась от творческой интеллигенции, что было обусловлено приближением революционной ситуации. Политические лидеры затмили художественных лидеров. Театры стали использоваться как трибуны для политических выступлений.

Литература:

1. Барковец, О. И. Император Александр III. Партитура власти // Силуэты театрального прошлого: И. А. Всеволожской и его время / О. И. Барковец, В. М. Гаевский, В. П. Погожев; сост. А. В. Ипполитов. — М.: Кучково поле, 2016. — С. 7–31.
2. Гиляровский, В. Театральная публика. — URL: <http://iknigi.net/avtor-vladimir-gilyarovskiy/27052-teatralnaya-publika-vladimir-gilyarovskiy/read/page-1.html> (дата обращения: 11.05.2017 г.).
3. Голицын, В. М. Театр и зрители // Ушедшая Москва. Воспоминания современников о Москве второй половины XIX века. — М.: «Московский рабочий», 1964. — С. 68–75.
4. Гордеева, Е. М. Композиторы «Могучей кучки». — 4-е изд. — М.: Музыка, 1986. — 288 с.
5. Дмитриевский, В. Н. Театр и зрители. Отечественный театр в системе отношений сцены и публики: От истоков до начала XX в. — СПб.: «Дмитрий Буланин», 2007. — 328 с.
6. Дмитриевский, В. Н. Шаляпин / В. Н. Дмитриевский. — М.: Молодая гвардия, 2014. — 543 с.
7. Дневник императора Николая II. 1890–1906 гг. / Ред. А. С. Бурдыкин. — 306 с.
8. Коровин, К. А. Шаляпин. Встречи и совместная жизнь. — СПб.: Издательская группа «Лениздат», «Команда А», 2013. — 192 с.
9. Набоков, В. Д. До и после Временного правительства: Избранные произведения / сост. и предисл. Т. Пономаревой; прим. Т. Пономаревой, Г. Глушанок, В. Старка. — СПб.: SYMPOSIUM, 2015. — 624 с.
10. Олсуфьев, Д. А. Вечный ковер жизни. Семейная хроника / Публикация М. Г. Талалая. — М.: Индрик, 2016. — 448 с.
11. Петровская, И. Ф. Театр и зритель российских столиц. 1895–1917. — Л.: Искусство, 1990. — 271 с.
12. Публика музыки в России. Социологические свидетельства 1910–1930-х годов. — СПб.: Алетейя, 2015. — 168 с.
13. Публика театра в России. Социологические свидетельства 1890–1930-х годов / Сост., вступ. ст., примеч. Ю. У. Фохт-Бабушкина. — СПб.: Алетейя, 2010. — 762 с.
14. Станиславский, К. С. Моя жизнь в искусстве. — М.: «Искусство», 1972. — 536 с.
15. Туманина, Н. В. П. И. Чайковский: Великий мастер. 1878–1893 гг. / Отв. ред. Б. М. Ярустовский. — М.: ЛЕНАНД, 2016. — 504 с.
16. Финдейзен, Н. Ф. Дневники. 1915–1920 / Вступ. статья, расшифровка рукописи, исслед., коммент., подгот. к публ. М. Л. Космовской. — СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2016. — 576 с.
17. Шаляпин, Ф. И. Маска и душа / Ф. И. Шаляпин. — М.: АСТ, 2014. — 320 с.
18. Юрьев, Ю. М. Записки. — Л. — М.: «Искусство», 1948. — 720 с.

1917 год в воспоминаниях С. В. Рахманинова и Ф. И. Шаляпина

Бабенко Оксана Васильевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник
Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук

2017 год — год столетия Февральской и Октябрьской революций в России, которые часто объединяются в понятие «русская революция». Именно поэтому в настоящее время революционным событиям уделяется повышенное внимание в научной литературе и СМИ. Роль революций 1917 г. и их последствия для XX столетия неоспоримы: они сыграли огромную роль в российской и мировой истории.

Более того, проблематика «русской революции» на протяжении века способствовала появлению наибольшего количества исторических работ. Выработка новых подходов к этой теме началась в 1990-е годы и продолжается в настоящее время. Как справедливо заметил в н. с. ИНИОН РАН, к. и. н. В. М. Шевырин, «в новейших исследованиях идет мощная волна переосмысления революций 1917 г...». [2, с. 4].

В то же время тема взаимоотношений революционеров и интеллигенции еще не получила достаточного освещения в отечественной и зарубежной историографии. Следует отметить, что творческие люди в революционное время не могли оставаться вне политики, не могли не реагировать на происходившие в стране события. Так, например, композитор Сергей Васильевич Рахманинов (1873–1943) в своих воспоминаниях, записанных и прокомментированных Оскаром фон Риземаном, не смог обойти 1917-й год. Что касается Февральской революции 1917 г., то композитор объективно оценил ее. В революции 1905 г. Рахманинов видел радостное событие и полагал, что она «предоставляла возможность осуществить социальные преобразования государства, остро нуждавшегося в реформах» [1, с. 193]. А февральские события 1917 г., что следует из его воспоминаний, вызвали у него глубокое разочарование. Он одним из первых «понял неизбежность приближающейся гибели, а пассивность, вялость и слабость Временного правительства приводили его в отчаяние. Композитора одолевали мрачные предчувствия, касавшиеся не столько его самого, сколько любимой родины, которая шаг за шагом все глубже погружалась в пучину несчастий. Казалось, что из этой ситуации, становившейся все более непереносимой, нет выхода» [1, с. 194]. Вот что говорит Рахманинов о своем отношении к захвату власти большевиками: «Я не принадлежал к тем, кто слеп к действительности и снисходителен к смутным утопическим иллюзиям. Как только я ближе столкнулся с теми людьми, которые взяли в свои руки судьбу нашего народа и всей нашей страны, я с ужасающей ясностью увидел, что это начало конца — конца, который наполнит действительность ужасами. Анархия, царившая вокруг, безжалостное выкорчевывание всех основ искусства, бессмысленное уничтожение всех возможностей его восстановления не оставляли надежды на нормальную жизнь в России» [1, с. 195]. Эти слова противоречат утверждению исследователя С. Р. Федякина, который пишет, что Рахманинов, «как и многие артисты, художники, литераторы, ... не мог не поддаться первому впечатлению: красные флаги, красные банты. Царь отрекся от престола. Народ воспрянул. Казалось, свобода пришла и для России наступает новое время» [4, с. 327]. Сестра супруги Рахманинова и его двоюродная сестра С. А. Сатина тоже отмечала первое радостное впечатление композитора от перемен. Вот что она писала в своей «Записке о С. В. Рахманинове»: «Февральская революция 1917 года, встреченная общим ликованием в России, была радостным событием и для Рахманинова. Вскоре, однако, чувство радости сменилось тревогой, которая все нарастала в связи с развертывающимися событиями. Бездействие и бессилие Временного правительства приводили Рахманинова в отчаяние. Тяжелые предчувствия и мрачное настроение все лето не покидали его» [3]. Из этого можно сделать вывод о том, что Оскар фон Риземан слегка приукрасил первое впечатление композитора от февральских событий.

Известный русский бас Федор Иванович Шаляпин (1873–1938) тоже отреагировал на революционные события 1917 года, отметив, как и Рахманинов, их негативные последствия. Как пишет певец, «произошло то, что все «медали» обернулись в русской действительности своей оборотной стороной. «Свобода» превратилась в тиранию, «братство» — в гражданскую войну, а «равенство» привело к принижению всякого, кто смеет поднять голову выше уровня болота. Строительство приняло форму сплошного разрушения, и «любовь к будущему человечеству» вылилась в ненависть и пытку для современников» [5, с. 253].

Ф. И. Шаляпин в своей книге «Маска и душа» приводит собственные наблюдения за происходящим в стране в 1917 году: «События стали развертываться со страшной быстротой. В столице не хватало продовольствия, образовались хвосты, в которых люди заражали друг друга возмущением. Заволновались солдаты в казармах. Какой-то солдат застрелил в строю офицера. Вышел из повиновения весь полк. Не стало императорской армии. Выпал один кирпич, и все здание рухнуло. Не очень крепко, значит, оно держалось» [5, с. 193]. Здесь же Шаляпин фиксирует и то, что происходило возле его дома в Петербурге: «Из окна моего дома я увидел огромнейшие клубы дыма. Это горел подожженный толпой Окружной суд. Началась революция. Народ, представители армии, флотские люди потянулись к Государственной думе, где приобшались к революции. С царем разговаривал фронт. Столицы зашумели в невообразимом нервном напряжении» [5, с. 193].

Певец пишет и о том, как революционная ситуация отразилась на театральной жизни: «Скоро политика, образцы которой мы видели на Невском проспекте, ворвалась в Петербургские театры. Во время спектаклей в театрах начали появляться какие-то люди — между ними бывал и Троцкий — и прерывали действия на сцене речами к публике. Они говорили, что пора кончать радостные зрелища, что пора прекратить праздные забавы. Народ на фронте, а столицы поют и пляшут» [5, с. 196].

Театральная жизнь, как и жизнь в стране вообще, погрузилась в смуту. «Началось брожение и в императорских театрах, — продолжает Шаляпин. — Старая дирекция во главе с Теляковским была Временным правительством сменена. Бедный Теляковский был арестован и уведен в Государственную думу» [5, с. 196]. В то же время Шаляпин признает необходимость перемен в театре: «При всей моей симпатии и при всем моем уважении к прекрасному человеку, каким был В. А. Теляковский, я не могу отрицать, что в смене дирекции была, может быть, известная логика, да и сам Теляковский разделял это мнение. Императорские театры были переименованы в государственные, должны были сделаться национальными. Дирекция, проникнутая дворцовым духом, была неуместна в новых условиях» [5, с. 196–197].

Ф. И. Шаляпин проводит также параллели между политической ситуацией в стране и положением в театрах. Он пишет, что «двоевластие, бывшее тогда модным во всем

государстве, восторжествовало и в государственных театрах. Была новая дирекция и художественный совет, как бы «Временное правительство», и наряду с ним утвердился за кулисами как бы «Совет рабочих депутатов» — из хористов, музыкантов и рабочих, вообще из театрального пролетариата» [5, с. 197].

Все эти явления имели место на фоне всеобщего хаоса. «А революция «углублялась», — продолжает певец. — Все смелее подымали голову большевики. Я жил на Каменноостровском проспекте, и мой путь из дому в театр Народного дома лежал близко от главного штаба большевиков, который помещался во дворце знаменитой танцовщицы Мариинского балета М. Ф. Кшесинской. Большевики захватили самовластно дворец и превратили его обширный балкон в революционный форум. Проходя мимо дворца, я останавливался на некоторое время наблюдать сцены и послушать ораторов, которые беспрерывно сменяли друг друга» [5, с. 201].

Шаляпин, по его же признанию, осознавал, что Временное правительство доживает свои последние дни. И это, как он сам пишет, понимали даже в кругах, близких к Временному правительству. В связи с этим певец вспоминает петербургский обед с друзьями-политиками, который многое ему прояснил. «Обед был устроен депутатом М. С. Аджемовым, видным деятелем кадетской партии и другом Временного правительства, в честь наших общих друзей В. А. Маклакова и М. А. Стаховича. Оба они только что были назначены Временным правительством на важные дипломатические посты: Маклаков — послом в Париж, Стахович — послом в Мадрид. На следующий день они покидали родину, и дружеская встреча за прощальным обедом носила очень сердечный характер. Остроумный Аджемов как хозяин дома давал тон веселой беседе. <...> Но сквозь веселье, смех и юмор прорывалась внутренняя печаль. Очень уж грустны были наши шутки: говорили о том, как по частям и скопом Временное правительство будет скоро посажено в тюрьмы Лениным и Троцким, приближение которых уже чувствовалось в воздухе» [5, с. 202]. Запомнились Шаляпину и прощальные слова Маклакова, относившиеся к последствиям революции: «Не будет ни одного человека, совершенно ни одного, кто бы избегнул в будущем страданий» [5, с. 202]. Артист знал, что Маклаков уезжает из России тайно, как контрабандист. «Правительство опасалось, что если об отъезде «империалиста» Маклакова на пост посла в Париже узнает революционная чернь, то она его так же задержит на вокзале и не позволит ему уехать, как до этого задержала на Финляндском вокзале бывшего министра иностранных дел С. Д. Сазонова, назначенного российским послом в Лондон...» [5, с. 203].

Говоря о периоде после свержения Временного правительства, Шаляпин пишет прежде всего о фигуре В. И. Ленина. Певец признается в своей невежественности и аполитичности: «О людях, ставших с ночи на утро властителями России я имел весьма слабое понятие.

В частности, я не знал, что такое Ленин. Мне вообще кажется, что исторические «фигуры» складываются либо тогда, когда их везут на эшафот, либо тогда, когда они посылают на эшафот других людей» [5, с. 205]. Ленин был тогда для Шаляпина мало заметен, он больше знал о Троцком. «Насчет Ленина же, — пишет певец, — я был совершенно невежественным и потому встречать его на Финляндский вокзал я не поехал, хотя его встречал Горький, который в то время относился к к большевикам, кажется, враждебно» [5, с. 205]. За приездом Ленина последовало неприятное для артиста событие — у него конфисковали автомобиль. «Я рассудил, что мой автомобиль нужен «народу», и весьма легко утешился», — констатирует артист [5, с. 205].

В первые дни после революции, как справедливо замечает Шаляпин, «столица еще не отдавала себе ясного отчета в том, чем на практике будет для России большевистский режим. И вот первое страшное потрясение. В госпитале зверским образом матросами убиты «враги народа» — больные Кокошкин и Шингарев, арестованные министры Временного правительства, лучшие представители либеральной интеллигенции» [5, с. 205].

Интересны наблюдения Шаляпина за позицией М. Горького в отношении революции. Как отмечается в воспоминаниях артиста, изначально Горький был на стороне социал-демократов и их революционных планов. Однако ход и результаты революции глубоко разочаровали писателя. Шаляпин пишет по этому поводу следующее: «Горький не скрывал своих чувств и открыто порицал большевистскую демагогию. Помню его речь в Михайловском театре. Революция, говорил он, не дебош, а благородная сила, сосредоточенная в руках трудящегося народа. Это торжество труда, стимула, двигающего мир. Как эти благородные соображения разнились от тех речей, которые раздавались в том же Михайловском театре, на площадях и улицах, от кровожадных призывов к погромам! Я очень скоро почувствовал, как разочарованно смотрел Горький на развивающиеся события и на выдвигающихся новых деятелей революции» [5, с. 206–207]. Интересно, что Шаляпин, будучи другом писателя, не стремился приукрасить его отношение к революции, его взгляды. Возможно, это объясняется тем, что мнение Шаляпина и Горького в отношении событий 1917 года совпало.

Певец пишет и о театрах в революционное время. В 1917 году театры не закрывались, но постепенно менялся социальный состав публики, а театральные залы начали использоваться не по назначению. Вот что пишет об изменениях в социальном составе публики Ф. И. Шаляпин: «Обычная наша театральная публика, состоявшая из богатых, зажиточных и интеллигентных людей, постепенно исчезла. Залы наполнялись новой публикой. Перемена эта произошла не сразу, но скоро солдаты, рабочие и просто-народе уже господствовали в составе театральных зал» [5, с. 208]. Однако певец не связывает это со стремлением простого народа приобщиться к культуре. «Но напрасно

думают и утверждают, что до седьмого пота будто бы добивался русский народ театральных радостей, которых его раньше лишали, — утверждает Шаляпин, — и что революция открыла для народа двери театра, в которые он раньше безнадежно стучался. Правда то, что народ в театр не шел и не бежал по собственной охоте, а был подталкиваем либо партийными, либо военными ячейками» [5, с. 208].

Артист рассказывает и о своем материальном положении в 1917 г. «Материально страдая, — пишет Шаляпин, — я все-таки кое-как перебивался и жил. Если я о чем-нибудь беспокоился, так это о моих малолетних детях, которым зачастую не хватало того-другого, а то даже просто молока. Какие-то бывшие парикмахеры, ставшие впоследствии революционерами и завладевшие продовольственными организациями, стали довольно неприлично кричать на нашу милую старую служанку и друга нашего дома Пелагею, называя меня буржуем, капиталистом и вообще всеми теми прилагательными, которые полагались людям в галстуках. Конечно, это была частность, выходка невежественного и грубого партийца. Но таких невежественных и грубых партийцев оказывалось, к несчастью, очень много и на каждом шагу. И не только среди мелкой сошки, но и среди настоящих правителей» [5, с. 214]. Шаляпин вспоминает, как петербургский губернатор Москвин самовольно запретил его концерт, хотя выступления певца не были признаны противозаконными и обычно разрешались в то трудное для страны время. Половину аванса за концерт Шаляпин уже успел израсходовать и решил выяснить причины отмены концерта. Во время телефонного разговора Москвин беседовал грубо и издевательски. На вопрос о том, почему был запрещен концерт он ответил:

«— А потому, чтобы вы не воображали много о себе. Вы думаете, что вы Шаляпин, так вам все позволено?» [5, с. 215].

Певцу удалось дипломатично уладить возникшую проблему, но он справедливо заметил, что товарищи Москвины «составляли самую суть режима и отравляли российским людям и без того печальное существование» [5, с. 215].

Ф. И. Шаляпин запечатлел в своих воспоминаниях еще один характерный для революционного времени случай. Как-то артист купил у знакомой балерины 15 бутылок вина.

Ночью к нему постучались молодые солдаты с ружьями и штыками, ведомые штатскими людьми. Они учинили обыск в доме артиста, и, не найдя запрещенной литературы, забрали вино, игральные карты и револьвер, на который у певца было разрешение. В другой раз какой-то комиссар невежливо обошелся с супругой Шаляпина и хотел приехать к ним в гости в 3 часа ночи. Артисту надоели такие «визиты», он хлопотал об их прекращении. Вино и револьвер ему удалось вернуть. Однако Совет солдатских и матросских депутатов Ялты снял со счета певца 200 000 рублей, которые были для него потеряны. «Это не в моем ведении», — сказал Ф. И. Шаляпину председатель Петроградского совета Г. Е. Зиновьев [5, с. 219].

Каковы были последствия революций для С. В. Рахманинова и Ф. И. Шаляпина? Семье Рахманинова после Октябрьской революции удалось выехать в Европу, а затем Америку. «Помимо денежного состояния, поместья и квартиры Рахманинов оставил большевикам куда более ценное имущество: все рукописи, опубликованные и неопубликованные» [1, с. 197]. Шаляпин тоже оказался в эмиграции, но позднее — в 1922 г. Артист не желал покидать родину, но бесцеремонная и жестокая политика большевистских властей вынудила его это сделать. Наряду с Рахманиновым и Шаляпиным из страны эмигрировали многие деятели науки и искусства, в том числе авиаинженер И. И. Сикорский, химики П. И. Вальден и И. Р. Пригожин, композитор И. Ф. Стравинский, артист А. Н. Вертинский, писатели И. А. Бунин, А. И. Куприн и Д. С. Мережковский, художники В. В. Кандинский и М. З. Шагал.

Таким образом, в 1910-е годы творческая интеллигенция остро восприняла революционную ситуацию, попыталась дать ей свою оценку, которая оказалась негативной. При этом композитора С. В. Рахманинова и артиста Ф. И. Шаляпина нельзя обвинить в предвзятости суждений, субъективности, так как они были очевидцами революционных событий и даже пострадали от бездумных действий большевиков и их сторонников. Художественная жизнь в революционное время не остановилась, но подверглась серьезным переменам: в нее начали вмешиваться новые власти. Революции 1917 г. вынудили С. В. Рахманинова и Ф. И. Шаляпина, как и многих других творческих людей, покинуть Россию.

Литература:

1. Рахманинов, С. В. Воспоминания, записанные Оскаром фон Риземаном / Пер. с англ., послесл. и коммент. В. Н. Чемберджи. — М.: Изд-во АСТ, 2016. — 320 с.
2. 1917 год. Россия революционная: Сборник обзоров и рефератов / РАН. ИНИОН. Центр социальных науч. — информ. исслед. Отдел истории. — М., 2009. — 188 с.
3. Сатина, С. А. Записка о С. В. Рахманинове. — URL: <http://senar.ru/memoirs/Satina/> (дата обращения: 12.06.2017 г.).
4. Федякин, С. Р. Рахманинов / Сергей Федякин. — М.: Молодая гвардия, 2014. — 478 с.
5. Шаляпин, Ф. И. Маска и душа / Ф. И. Шаляпин. — М.: АСТ, 2014. — 320 с.

Рукописи и эпиграфические сведения при изучении истории Хивинского ханства: особенности и правила написания

Матьякубова Муборак Мадримовна, кандидат исторических наук, доцент;
Худжаева Гулора, магистрант
Ургенчский государственный университет имени Аль-Хорезми (Узбекистан)

Письменность составляет основу книгопечатания и каллиграфии. Известно, что сначала человек писал на скалах, досках. Письменность прошла три основных этапа — использование фигур и форм, письмо и типография [1. С. 19].

Развитие изобразительного искусства в Средней Азии непосредственно связано с усовершенствованием письменности [2. С. 38].

Необходимо отметить, что рукописи создавались на арабской графике. Существовало более десяти видов арабского письма. В Средней Азии были распространены типы талик, насталик и насх [3. С. 64]. Как указывает Ибн Мукула, на основе арабского почерка куфи возникло несколько видов почерков. Из них семь почерков широко применялись в Средней Азии: куфи, сульс, тавке, рика, райхани, насх, талик, насталик [1. С. 26].

Буквы арабского алфавита нередко выполняли роль украшений для исторических памятников, зданий. Кроме того, они употреблялись и при обозначении количества. Процесс передачи числового значения назывался абджадом, т. е. есть каждое слово в арабском алфавите имеет определенное цифровое значение, когда каждое число может быть выражено буквами, и наоборот [5. С. 5]. Основные события в жизни и истории определенного общества, войны, восстановления, год рождения известных лиц, год сооружения исторических памятников, время создания, переписывания определенного произведения исчислялось счетом абджад.

Для определения числа, указываемого автором текста сперва необходимо найти особо отмеченное или подчеркнутое им слово. Далее из таблицы счета абджад находим цифры, выражаемые каждой буквой в составе слова, затем складываем их и получаем передаваемое автором число.

Для безошибочного установления времени создания оригинала или копии определенного рукописного источника мы должны быть осведомлены счетом абджад [5. С. 5].

Печатная форма арабского письма была подобна почерку насх. В ней некоторые буквы, слова писались с новой строки. В некоторых текстах в связи с неуместным употреблением точки искажается смысл предложения. Для восстановления содержания текста необходимо правильно вставлять пропущенные точки, которые играют немаловажную роль в тексте. Это требует от читателя находчивости и эрудированности.

В своих исследованиях историк Камилджан Худайберганов утверждает, что изучение даты смерти правителей Хивинского ханства создает возможность составления родословного дерева ханов. Почерки, орнаменты, а также стиль изложения могли заключать в себе ценные сведения об общественно-экономическом положении

своего периода. Например, украшение надгробия камня Анушихана и Абулгазихана сложными орнаментами, драгоценными камнями, свидетельствует об экономической мощи ханства и о господствовавшей мирной обстановке, а могильный камень Арангхана говорит о беспокойной обстановке, т. к. можно убедиться в том, что при изготовлении камня мастера работали торопливо, поспешно. Во всех исторических документах утверждается, что медресе Ходжамберди, расположенное вблизи восточных ворот Ичанкалы, было построено в 1688 году, а на портале у входа в медресе уточняется и год строительства, и имя покровителя [6. С. 50].

Анализ древних надгробных камней показывает, что они имеют определяющее значение во внесении точности в некоторые двойко трактуемые события или даты. При их изготовлении у ремесленника требовалось высокое мастерство. Одним из прославленных в ханстве мастеров по изготовлению надгробных камней был Худайберган мухркан.

В результате сопоставления текстов, дошедших до наших дней мраморных досок, архитектурных памятников, созданных мастером Худайберган мухркан, можно убедиться в том, что он был искусным, несравненным творцом своего времени.

Историк Камилджан Худайберганов, наряду с анализом сохранившихся надгробных камней, изучил рукописные варианты произведений Мунис, Агахи, Баяни и Табиби, а также произведения, написанные хорезмским типом почерка насталик — «Фирдавс ул-икбал», «Рияз уд-давла», «Зубдат ул-таварих», «Джаме ул-вакеати султани», «Шажараи Хорезмшахи», «Тарихи Хорезм», «Равзат ус-сафо», «Тарихи джахангушаи Надыри» и другие.

Почерки куфи и шикаста применялись в основном в архитектуре: на порталах зданий, при создании надгробных текстов. Это также контролировалось соответствующими специалистами [7. С. 67–68].

При изучении книжного и каллиграфического искусства Хивинского ханства на примере сохранившихся книг в ханской библиотеке, можно убедиться в том, что рукописные книги в основном писались почерком насталик. Встречаются тексты, написанные почерком насх, добавление элементов, свойственных почерку шикаста [5. С. 41]. Необходимо отметить, что представители хивинской школы каллиграфов и литературной среды умело пользовались разными почерками при написании книг. Здесь следует упомянуть имена таких известных каллиграфов, как Камиль Хорезми и его сын Мухаммадрасул Мирза.

При переписывании книг хивинские каллиграфы в основном старались писать почерком насталик, т. к. он удобен

при написании текста в любой форме. Обычными формами текстов были форма рыбы, змеи, солнца или в кумгана (кувшин с ручкой и носиком), чашки, чилима (род кальяна). Иногда внедрялись и другие формы. Подобные украшения можно встретить в народной книге «Захрияжон достони» (эпос «Захрияджан»)[8. С. 92].

При изучении кодикологии рукописей подлинник имеет важное значение. Как было утверждено выше, копия подлинника, созданная самим автором отличается отсутствием ошибок, в отличие от копии, созданной каллиграфом, не являющимся автором произведения. Тип и количество ошибок, допущенных в процессе переписывания работы, зависит от эрудированности и находчивости каллиграфа [4. С. 7]. Кроме того допускалось много ошибок, если количество

длинных предложений было больше, что непосредственно связано с механической памятью каллиграфа. Исходя из этого, особая ценность придавалась копиям, созданным самим автором произведения [5. С. 9]. Часто встречаемыми ошибками являлись допущение повторяющихся выражений, включение диалектных слов и т. п.

Расцветом творчества каллиграфов, создающих копии произведений являлся период правления Мухаммад Рахимхана II (Феруз). Именно по его инициативе создавалось большое количество копий произведений Алишера Навои, т. к. начиная с этого периода стал возрастать интерес к его произведениям. В процессе переписывания одновременно участвовало свыше пяти десяти хорезмских каллиграфов [9. С. 1991].

Литература:

1. Бабаханов А. Ўзбек матбааси тарихидан. — Ташкент: Адабиёт ва санъат, 1979. — С. 19.
2. Наркулов Н., Низамиддинов И. Миниатюра тарихидан лавҳалар. — Ташкент: Адабиёт ва санъат, 1970. — С. 38.
3. Хақимджан Масъудали. Хатти муъаллимий (возникновение и типы арабского письма). — Ташкент: Мехнат, 1991. — С. 64.
4. Джуманиязов Р. Эски ўзбек ёзуви. — Ташкент: Ўқитувчи, 1989. — С. 5.
5. Эркинов А. С. Матншуносликка кириш. — С. 14.
6. Худайберганов К. Хива хонлари тарихидан. — Ургенч, 2008. — С. 50.
7. Эрназаров Ф. XIX асрнинг охири XX аср бошларида Хива хонлиги... Диссерт. на соиск. уч. степ. к. и.н. — С. 67–68.
8. Хива минг гумбаз шаҳри. — Ташкент: Шарк, 1997. — С. 92.
9. Хақимов М. Алишер Навоий асарларини кўчирган хаттотлар. — Ташкент: Фан, 1991.

ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ, СТОРОН И ЯВЛЕНИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Павел I и реформа военного законодательства

Визавитин Олег Игоревич, студент
Московский технологический университет

Историки при оценке данного исторического периода и принимаемых в данный исторический промежуток решений неоднозначно оценивают личность Павла I, однако данная работа не содержит психологических исследований. Рассматривая некую совокупность принятых решений были проанализированы новые на тот момент уставы, для пехоты кавалерии и моряков принятые в ноябре 1796 года и отменяющие старые Екатерининские), переформирование войск включая и отдельные многочисленные указы по различным частным случаям, решения по которым были не предусмотрены инструкцией решение по картографической службе.

Ключевые слова: Павел I, солдат, устав, армия, реформа

Pavel I and the reform of the military legislation

Vizavitin Oleg Igorevich, student
Moscow Technological University

Historians at assessment of this historical period and the decisions made in this historical interval ambiguously estimate Pavel I's identity, however this work does not contain psychological researches. Considering a certain set of the made decisions, charters, for infantry were analysed new, at that time, a cavalry and the seamen (accepted in November, 1796 and canceling old Ekaterina's), rearrangement of troops, including also separate numerous decrees on various special cases, decisions on which were not provided by the instruction, the decision on cartographical service.

Keywords: Pavel I, soldier, charter, army, reform

Принятые при Павле I уставы стали не очень удачной попыткой регламентации, были несовершенны и содержали большое количество ошибок, противоречий и несуразностей. Роль инструкторов при обучении командиров по новым правилам несения военной службы в соответствии с принятыми уставами призваны были выполнять гатчинские офицеры. Последовавшее затем ужесточение наказаний привело к дезертирству, самоубийствам массовым побегам. Для усиления контроля за армейским судопроизводством Павел I учредил 9 января 1797 года должность генерала-аудитора.

Уставы продержались в неизменном виде до 1808 года, а в промежуток до 1816 года вносились примечания, правки добавления, создавались новые уставы, отражающие современные реалии изменений вооружения организации, тактики и так далее. Некоторые положения этих уставов отменялись высочайшими приказами, однако сами уставы переиздавались снова и снова в неизменном виде. Учение, в большинстве своём, сводилось к муштре и отработке ружейных приёмов. В плане реального боевого обучения

Русской пехоты Павел I отбросил её далеко назад и затормозил развитие на несколько десятилетий.

Уставы устанавливали личную ответственность офицеров за жизнь и здоровье подчинённых солдат, и сократили полномочия и привилегии офицерского состава. Теперь офицеры не могли использовать солдат для работ в собственных имениях, и обязаны были предоставлять им 28-дневный отпуск каждый год. Тысячи солдат, находившихся в личном услужении у своих начальников, были высочайшим приказом от 22 ноября 1796 года возвращены в полки. Солдаты получили право жаловаться на злоупотребление и произвол со стороны офицеров.

Срок службы солдат был ограничен до 25 лет те же, кто отслужил положенное или не мог продолжать службу из-за состояния здоровья, получал пенсию с содержанием в инвалидных ротах или подвижных гарнизонах.

Прогрессивным был указ от 23 декабря 1800 года по которому планировался перевод прошедших 25-летний срок службы солдат в разряд свободных хлебопашцев с наделением 10 десятинами земли в Саратовской губернии.

Что касается морского устава, то в нём было снижено упоминание наказаний, отменено килевание (протаскивание под килем), а также добавлены некоторые новые и убраны некоторые старые должности например, убрана должность корабельного палача.

Из явно положительных моментов военной реформы можно обозначить своевременную выплату жалований и снижение произвола в отношении подчинённых.

Были сформированы четыре армии на основных стратегических направлениях. Созданы военные округа, вместо дивизий появились инспекции. Инспектора, под страхом лишения чинов отвечали за состояние во всех отношениях полков, находившихся в их инспекции, но при этом прав и власти не имели никаких. Многие гатчинцы были выдвинуты Павлом I именно на должности инспекторов.

Кроме того в каждый полк были назначены шефы из числа генералов, не получивших назначения инспекторов. Обязанности у шефов были те же что и у прежних командиров полков, но с урезанными правами. Полки назывались по фамилиям шефов что создавало путаницу при перестановках. Та же система наименования по шефам с 1798 года была перенесена на роты и эскадроны.

Таким образом были созданы условия для дезорганизации на местах и крайней централизации всего управления. Павел I создал систему, при которой он сам принимал множество конкретных решений, реагируя на присылаемые доклады. Помогать ему в этом должна была военно-походная канцелярия его Императорского Величества образованная в 1797 году.

Также были сформированы новые армейские подразделения: в 1797 году было создано подразделение связи (фельдъегерский корпус и военно-инженерное подразделение пионерный полк).

Армейские штабы Павел I реструктурировал, безжалостно отрубив все лишние в них отростки, размножившиеся в последние годы правления Екатерины II. Множество штабных начальников были рассеяны по боевым полкам но, кроме удаления из штабов множеств лишних людей, были и отрицательные меры: уничтожение дежурств, которые представляли собой подобие штаба при старших начальниках канцелярий в полках, что крайне неблагоприятно отразилось на управлении войсками особенно в военное время. В 1798 году указами от 3 февраля и 17 апреля были исключены с военной службы все офицеры которые не были членами дворянства, из числа выслужившихся унтер-офицеров. Было приказано не дворян не представлять даже к младшему офицерскому чину.

Желая как можно скорее утвердить в Русской армии необходимый порядок, Павел I резко упростил процедуру издания распоряжений по войскам. Свои приказы,

отдаваемые при пароле на вахтпарадах государь повелел считать именными указами. Они доводились до сведения армии сразу же после издания, тогда как при Екатерине II все распоряжения по войскам проходили через военную коллегию, и их объявление в армии задерживалось на месяцы, а то и годы.

Все производства в чины, назначения на должности и перемещения Павел взял на себя, и уже одним этим ограничил произвол начальства. Вместе с тем, император установил правило, по которому каждые две недели ему представлялись отчёты о состоянии войск с именными списками офицеров и с отметками о взысканиях.

8 августа 1797 года было основано собственное его величества депо карт, ответственное за сохранность имевшихся карт и издание новых.

Это был архив и одновременно, орган по издательству картографической продукции топографической съёмке местности в интересах армии и государства, имевший контрольные функции по созданию карт на всей территории Российской империи. В 1812 году произошла реорганизация и создание военно-топографического депо из Депо карт и топографической службы свиты Е. И. В. по квартирмейстерской части. Положение свиты по квартирмейстерской части было крайне неопределённое: никаких постановлений относительно обязанностей, круга деятельности комплектования, прохождения службы не было издано во всё время царствования Павла I. Пополнялась свита офицерами из строя а иногда даже людьми из других родов службы, а так как офицеры свиты занимались больше черчением и съёмками и к службе же собственно генерального штаба вовсе не подготавливались, то их и решили объединить.

Таким образом можно говорить о том что реформа военного законодательства привела к жёсткому централизму и дезорганизации управления вследствие увеличения количества начальников на местах со снижением прав при тех же обязанностях и докладно-инструкционной системой управления. В этом есть и положительные, и отрицательные моменты которые в условиях военного времени могли превратиться в один отрицательный и значительно снизить боеготовность армии.

При этом нельзя однозначно говорить о том, что новые уставы были только вредны или наоборот но множество отдельных указов при неизменной форме уставов действительно добавляли путаницы.

Военное законодательство на тот период служило нуждам текущего момента и зависело от конкретных решений Павла I, которые, во многом, можно было обозначить как отход от любых екатерининских порядков и введений, норм, правил, инструкций и прочего.

Литература:

1. Лебедев П. С. Преобразование Русской армии в царствование Павла Петровича, 1796—1801 // РС, 1877. КН, 2, С. 277—280.

2. Законодательства император Павла I / составитель, автор предисловия и биографического очерка В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2008. С. 18–34.
3. Notes et souvenir de M. Thiers 1848. Paris, 1902. L. 275.
4. Греч Н. И. Записки о моей жизни. СПб., 1886. С. 31–65.
5. Чулков Г. И. Императоры: Психологические портреты. М., 1993. С. 43–58.
6. Горожанкина Д. В. Историко — правовой анализ систематизации уголовно-процессуального законодательства российской империи первой половины XIX века: автореф. дис... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007.

Возникновение жанра ток-шоу на российском телевидении

Долгова Любовь Владимировна, студент
Санкт-Петербургский государственный университет

На сегодняшний день жанр ток-шоу в экранной журналистике пользуется широкой популярностью у аудитории за счет того, что этот вид экранной продукции максимально приближен к бытовым проблемам, а зрители прямо в студии имеют право обсуждать заданную тему. С помощью приобретения телевидением интерактивного характера все эти особенности воплотились в жизнь. Теперь не только зритель в студии, но и любой человек, находящийся за экраном телевизора у себя дома на диване может быть задействован в дискуссии, выразить свои за и против, в то время как телеведущий манипулирует изменением этих чувств и построением какой-либо точки зрения.

Считается, что ток-шоу появились в 60-х годах XX века на американском телевидении, а создателем этого жанра называют Фила Донахью. Однажды журналиста попросили заменить заболевшего ведущего одной из популярных программ: «Это была программа вполне традиционная: ведущий задавал вопросы гостю, а студийная аудитория, словно в театре, наблюдала, иногда выражая восторг или осуждение. Как мне потом рассказывал Фил, через пять минут после начала программы (а тогда всё шло прямо в эфире, по сути дела, не записывалось ничего) он совершенно не знал, о чем дальше спрашивать гостя. В совершеннейшем отчаянии он кинулся к аудитории со словами: «Может, кто-то из вас хочет задать вопрос?» И — о чудо! — вопросы посыпались как из рога изобилия, вопросы острые, интересные. Так Филом Донахью был изобретён — пусть случайно — жанр talk show (ток-шоу) ...» [1]. Уже в конце 1980-х благодаря Филу Донахью жанр ток-шоу был настолько популярен, что практически на всех телеканалах США появились свои ток-шоу. И в ситуации негласного соревнования ток-шоу все меньше уделяли внимание социальным и политическим вопросам и все больше приобретали личный, скандальный характер.

Российские телезрители познакомились с ток-шоу Донахью в 1986 году. Его имя связано с телемостами, соединившими в прямом эфире людей из Америки и СССР. Партнером Фила Донахью по телемостам стал Владимир Познер. Считается, что именно В. Познер со своими телемостами стал первым, кто привел в Россию ток-шоу.

Тем не менее исследователь А. С. Вартанов писал: «Еще не было в нашем лексиконе броского англоязычного термина «ток-шоу», а обозначаемое им явление — телепрограммы, в которых в студии присутствовали зрители, горячо обсуждающие предложенную проблему, уже существовали» [2]. Можно полагать, что жанр ток-шоу зародился в России в 1980-е годы. И изначально ток-шоу в России было трибуной для обсуждения действительно актуальных вопросов современности («12 этаж» Э. Сагалаева, «Взгляд» с Листьевым, «Музыкальный ринг» Максимовой). Но с течением времени ток-шоу лишились общественной значимости. Ток-шоу превратились в рекламные площадки. Этот процесс наметился уже в 90-х годах. В то время возникла проблема экспансии иностранных жанров на российских каналах. На экране появились адаптированные с запада ток-шоу, реалити-шоу, телеигры, телевикторины и т. д. Исследователь Э. Могилевская условно делит историю ток-шоу в России на два этапа: с середины 1980-х по 1991 год, когда жанр имел национальную самобытность и был трибуной для обсуждения актуальных вопросов современности; и с 1991 года по сегодняшний день. Второй этап автор выделяет как период экспансии зарубежных жанров на отечественный экран, когда развлекательность становится элементом коммерческого успеха [3].

Элементы ток-шоу могут встречаться в информационных, а также и в информационно-аналитических программах. Классификация жанров ток-шоу может быть весьма разнообразной, если учесть многообразие критериев. Исходя из вариаций ток-шоу на телеэкране, мы выделим следующие подкатегории ток-шоу: общественно-политические («Поединок» с Владимиром Соловьевым), специализированные («Малахов+»), скандальные («Пусть говорят»). Ярким примером скандального ток-шоу, вызвавшим некогда широкий общественный резонанс, можно считать программу «Окна» (2002–2005).

Чтобы понять специфику ток-шоу «Окна», нужно понять, в какую эпоху оно существовало. Двухтысячные года последовали после лихих девяностых, в моду входит все западное. Если в СССР на экранах «не было секса»,

то в двухтысячные сексуальность, личная жизнь не только звезд, но и обычных людей выпячиваются на передний план. Зритель жаждет шоу, телеканалы дают это шоу. В 2002 году концепция телеканала ТНТ «ТНТ помогает!» исчерпала себя [4]. Существовала перспектива перепрофилированию ТНТ в спортивный канал. Эту идею удалось частично реализовать — в сетку вещания была добавлена программа «ТНТ-Спорт». Осенью 2002 года аудитория ТНТ резко увеличилась с 2,7% до 5,4%. Произошло это благодаря запуску на канале ток-шоу «Окна», которые ранее выходили на СТС и другим передачам, запущенными при участии новой команды менеджеров с Романом Петренко, бывшим гендиректором СТС.

Идея и стиль программы «Окна» скопированы у «Шоу Джерри Спрингера», выходящее в эфир с 1991 года. Это типичный пример скандального и постановочного ток-шоу. Все ситуации прописаны сценаристами, а гости в студии — актеры. Проанализировав выпуски данного ток-шоу можно выделить основные темы выпусков «Окон»: секс (сюжеты с этой темой весьма разнообразны и затрагивают такие проблемы, как проституция, стриптиз, гомосексуализм, секс по телефону, педофилия, секс за деньги, ранее начало половой жизни и т. д.), семейные конфликты, деньги

(в подобных сюжетах основное внимание зрителей сводилось к решению финансовых вопросов).

В студии программы постоянно происходили драки, а ненормативная лексика была нормой для этого ток-шоу. Ток-шоу «Окна» всячески старались поднять и удержать рейтинги. Но через три года вещания и практически 700 выпусков рейтинги программы стали падать: ни драки, ни ведущий-мачо не смогли их поднять. А у сценаристов, видимо, стали кончаться темы для сочинения. Интересно, что сценаристы иногда отходили от традиционных тем с обычными семейными конфликтами. Так, в одном из выпусков драка в студии произошла из-за бриллиантов, которые нашли в унитазе. Да, на что только не пойдешь ради рейтингов.

Ток-шоу — это достаточно молодой жанр на отечественном телевидении. Элементы этого жанра в качестве инструмента для заинтересованности и привлечения аудитории часто добавляют и в информационные и информационно-аналитические программы. Отдельно следует рассматривать политические ток-шоу, большинство из которых часто превращает студии в рекламные площадки, особенно накануне выборов. Сейчас многие ток-шоу относятся к числу самых рейтинговых передач, а их авторы заинтересованы в поддержании и сохранении аудитории.

Литература:

1. Познер В. В., Прощание с иллюзиями, М., «Астрель», 2012. С. 363.
2. Вартаков А. С. Актуальные проблемы телевизионного творчества: на телевизионных подмостках. М., 2003. С. 19–20.
3. Могилевская Э., Ток-шоу как жанр ТВ: происхождение, разновидности, приемы манипулирования, 2006.
4. Кузина М., «Переключая каналы», газета «Известия», 2003 г.

Отношение медицинского персонала к применению магических ритуалов, заговоров и примет в профессиональной деятельности

Короткова Мария Николаевна, кандидат политических наук, доцент;

Трошин Игорь Сергеевич, студент

Пермский государственный медицинский университет имени академика Е.А. Вагнера

В статье представлены результаты анкетирования, которое проводилось в 39 медицинских учреждениях Пермского края, республиках Удмуртия и Башкортостан с целью выяснить отношение медицинского персонала к применению магических ритуалов, заговоров и примет в профессиональной деятельности.

Ключевые слова: социологический опрос, суеверия, первобытные формы верований, магические ритуалы, заговоры, приметы, плацебо, медицинский персонал, профессиональная деятельность, медицинская практика, российская система здравоохранения

Многие преподаватели вузов, в том числе автор статьи, при изучении дисциплины «история медицины» неизбежно сталкиваются с определенной проблемой. Она появляется при рассмотрении тем, связанных с ролью разнообразных форм верований в лечении больного, при обсуждении которых у студентов всегда возникает закономерный вопрос: «А как обстоят дела сейчас?

В современной российской медицине?» К сожалению, ответить на него очень сложно, по причине почти полного отсутствия соответствующей научной литературы.

В силу вышеизложенного весной 2017 года кафедра «истории Отечества, истории медицины, социологии и политологии» Пермского государственного медицинского университета имени академика Е. А. Вагнера

выступила организатором анонимного анкетирования, которое было проведено в 39 медицинских учреждениях Пермского края, республиках Удмуртия и Башкортостан (ГБУЗ ПК Большесосновская ЦРБ, ГБУЗ ПК «ГКБ № 21», ГБУЗ ПК «МСЧ № 11 им. С. Н. Гринберга», ГБУЗ ПК «Ординская ЦРБ», ГБУЗ ПК «ГКБ № 1», ГБУЗ ПК «ГКБ № 2 им. Ф. Х. Граля», ГАУЗ ПК «ГКБ № 4», ГБУЗ ПК «ГКБ № 7», ГБУЗ ПК «Александровская ЦГБ», ГАУЗ ПК «Губахинская ЦГБ», ГАУЗ ПК «Губахинская СБ», ГБУЗ ПК «ГДКП № 1», ГБУЗ ПК «Добрянская ЦРБ», ГБУЗ ПК «Карагайская ЦРБ», ГБУЗ ПК «КПБ 10», ГБУЗ ПК «КГБ», ГБУЗ ПК «БКПО», ГБУЗ Пермского края «Кукуштанская участковая больница», ГБУЗ ПК «Кунгурская ГБ», ООО «Поликлиника «Медлайф», ГБУЗ ПК «МСЧ № 7», ГБУЗ ПК «КМСЧ № 1», МСЧ № 133

ФГБУЗ ПКЦ ФМБА России, ГБУЗ ПК «МСЧ № 9», ООО «Городская поликлиника», Стоматологический кабинет ИП Крысина, ГБУЗ ПК «Оханская ЦРБ», ГБУЗ ПК «Пермская краевая клиническая больница», ГБУЗ ПК «ПЦРБ» (пос. Ферма), ГБУЗ ПК «ПККПБ», ГБУЗ ПК ПГССМП, ГБУЗ ПК «ССМП г. Соликамска», ООО СК «Юнит», ФГБУ «ФЦССХ им. С. Г. Суханова» Минздрава России (г. Пермь), ГБУЗ ПК «Чайковская ДГБ», ГБУЗ ПК «Юсьвинская РБ», БУЗ УР «Балезинская районная больница МЗ УР», ГБУЗ РБ Бирская ЦРБ, ГБУЗ РБ ГБ г. Нефтекамск).

Цель анкетирования заключалась в выяснении отношения медицинского персонала к применению магических ритуалов, заговоров и примет в профессиональной деятельности. В качестве респондентов выступили 147 человек (Таблица 1).

Таблица 1. Характеристика респондентов (кол-во чел.)

Стаж работы		Квалификационная категория		Должность		Пол	
Менее 3 лет	Более 3 лет	Есть	Нет	Высший	Средний и младший медицинский персонал	Женский	Мужской
21	126	53	94	78	69	111	36

Основными каналом распространения «сверхъестественной» информации являются коллеги-медики (61%), гораздо реже — родственники-медики (6%) или учебные заведения (9%). Немаловажное значение для респондентов имеет личный опыт.

Каждый второй респондент уверен, что многое в мире, в том числе и причины болезней, нельзя объяснить исключительно с помощью науки (55%). К такому выводу чаще всего приходят молодые специалисты со стажем работы менее 3 лет (67%).

Каждый восьмой респондент верит в эффективность таких фраз, как «Икота, икота, перейди на Федота, с Федота на Якова, с Якова на всякого». Каждый пятый респондент имеет или особые вещи (талисманы), или особые действия (ритуалы), или особые фразы (заклинания), которые, как ему кажется, помогают в его профессиональной деятельности. Талисманы чаще встречаются у представителей высшего медицинского персонала (23%), среди мужчин (31%) и хирургов (40%). Приметы и особые фразы — у представителей среднего и младшего медицинского персонала (32% и 26%), среди женщин (23% и 23%), терапевтов (35% и 26%) и хирургов (20% и 27%). Наименее суеверными являются стоматологи и терапевты (см. примечание).

Талисманы обычно выступают в качестве элемента медицинской одежды (37%) или, гораздо реже, — в качестве медицинского инструмента (10%), как то: «халат, выданный на работе», «хирургическая маска», «счастливый медицинский костюм» и даже «фанендоскоп». Встречаются среди ответов и вещи, мало связанные

с медицинской тематикой: кольца, в том числе обручальные; нитки, зеркала, булавки от сглаза, браслеты, рубли, очки и серьги. Однако в общей массе их не так уж и много.

Особые слова или фразы (заклинания), используемые респондентами, чаще всего связаны с рабочей сменой или дежурством. Во избежание сглаза они предлагают запретить использовать «на здоровье» и «до свидания», заменить «легкое» дежурство на «ужасное», «последний» вызов на «крайний», использовать «ни пуха, ни пера» или «без запинок».

Ритуалы, применяемые респондентами, можно разделить на несколько категорий. К первой, — манипуляторной, — относятся различные действия с уже указанными талисманами: «кольцо в кармане хирургического костюма — все нормально пройдет»; «мое маленькое карманное зеркало, в которое я «кривляюсь» при каждом уходе на операцию, тем самым отпугивая неудачу» и т. д. Эта категория включает в себя манипуляции и с медицинскими инструментами: «упал инструмент — операция пройдет не гладко»; «если в операционной упал пинцет или скальпель, то будет операция и не одна»; «если на пол упал хирургический инструмент, нужно наступить на него» и т. д.

Ко второй категории, — религиозной, — можно отнести традиционные молитвы перед сменой или операцией: «перед медицинской манипуляцией прошу Господа Бога о помощи» и т. д.

К третьей категории, — психологической, — действия, которые настраивают респондентов на позитивный лад: «говорю, что у меня все получится»; «слушаю

любимую музыку»; «чашечка кофе и смена проходит незаметно» и т. д.

Четвертая категория, — общебытовая, — включает в себя действия и приметы, распространенные во всех сферах, независимо от обстоятельств. Как правило, это запрет на подстрижку ногтей перед дежурством или операцией, во время работы, а также требование соблюдения гигиенических процедур.

Некоторые респонденты демонстрируют приверженность гендерному стереотипу: «если первым будет пациент мужского пола, то смена пройдет хорошо»; «если смена началась с «женщины» (пациентки), что смена будет тяжелой».

К этой категории также относятся приметы: «не переходить дорогу, если ее перешла кошка черного цвета»; «не надеваю новые вещи на дежурство»; «если на пол упал какой-то предмет из посуды, обязательно обратится пациент или будет вызов на «03»»; «ставим чистый веник около дверей на приеме (чтоб никто не поступал)»; «на операцию и после операции больного везут вперед головой»; «выполнять все по обычной схеме, чтобы «судьба» не поняла, что происходит что-то важное» и т. д.

Пятая категория, — собственно медицинская, — является самой обширной. Здесь можно выделить две, наиболее часто повторяющиеся приметы. Во-первых, респонденты боятся пожеланий «хорошего», «удачного» или «спокойного дежурства». Такие пожелания, с их точки зрения, всегда приводят к обратным результатам, то есть «сглазу»: «не ходить на прием без надобности, чтоб никто не поступал»; «никогда не говорю, что больного возможно скоро выпишут, были такие случаи, когда после этого попадали в реанимацию». Во-вторых, респонденты стараются не сидеть на пустой кровати, коляске или каталке, так как это, по их мнению, приводит к поступлению новых пациентов.

Следует отметить приметы, связанные с медицинскими перчатками: «одевать перчатки с правой руки», «одеть перчатки перед серьезным вызовом», «надеть перчатки заранее до приезда на вызов по поводу: «лежит на улице», тогда пациент уйдет до приезда бригады» и т. д.

Также среди ответов респондентов встречались: «если на смене «было» два трупа (смерти), то будет и третья»; «когда забирают новорожденного

в машину реанимации, минут 30 нельзя делать уборку в палате, убирать все инструменты»; «если первый ребенок, пришедший на прививку, сильно плачет, то до конца смены все будут плакать» и т. д.

На закрытый вопрос о приметах (с заданными вариантами ответов, которые были сформулированы в соответствии с перечнем, указанным в статье Е. А. Якуниной и Д. А. Ивлиевой [2]) были получены следующие результаты: «нельзя покупать одежду будущему ребенку заранее» (39%); «нельзя поднимать упавшие во время операции инструменты» (32%); «нельзя сидеть на столе — к беде» (16%); «благодарность врачу (даже в виде элементарного «спасибо») поможет пациенту не попасть в больницу повторно с тем же диагнозом» (12%); «нельзя сидеть в реанимации на пустой койке» (12%); «порванная хирургическая перчатка во время операции — не к добру» (10%); «нельзя стричь ногти перед дежурством» (9%); «журнал поступления больных на посту дежурного должен быть закрыт — чтобы поступало меньше больных» (8%); «нельзя лечить пациента, если он является тезкой врача» (3%).

Как показал сравнительный анализ (см. примечание), между специальностью врача и его верой в ту или иную примету не существует сильной и четкой корреляции. Например, гинекологи не чаще других специалистов выбирают вариант, связанный с покупкой одежды будущему ребенку (29%), а хирурги — вариант, связанный с упавшими во время операции инструментами (7%).

Большое влияние на мировоззрение респондентов оказывают их родственники-медики. Респонденты, родственники которых придерживаются строго научных взглядов на причины болезней и методы их лечения, в отличие от тех, чьи родственники используют в своей профессиональной деятельности как научные, так и традиционные методы лечения, намного реже верят в талисманы (20% против 42%), ритуалы и приметы (10% против 33%), заклинания (20% против 42%).

Подводя итоги статьи, необходимо отметить, что суеверия занимают устойчивую позицию в мировоззрении современного российского врача и говорить об этих суевериях, как о пережитке прошлого, преждевременно.

Примечание.

Сравнительный анализ суеверий проводился среди гинекологов и акушеров, педиатров, работников скорой медицинской помощи, стоматологов, терапевтов и хирургов.

Литература:

1. Сорокина Т. С. История медицины: учебник. М., 2004.
2. Якунина Е. А., Ивлиева Д. А. Роль примет и суеверий во врачебной практике // Медицинские интернет-конференции. URL: <https://medconfer.com/node/11496> (дата обращения: 27.06.2017).

Предпосылки вторжения войск США во Вьетнам

Лёзин Александр Иванович, студент

Самарский государственный социально-педагогический университет

Вьетнам — страна с очень многолетней историей, чтобы попытаться рассказать её хотя бы вкратце, понадобится немало времени. Целью же этой статьи является показать, почему Вьетнам стал одним из центров политической игры во второй половине XX века. А именно, показать отношение руководства США и предпосылки конфликта вплоть до начала столкновения в Тонкинском заливе.

Общие сведения. Вьетнам — страна в Азии на полуострове Индокитай. Граничит на севере с Китаем, на западе — с Лаосом и Камбоджей, с востока омывается Южно-Китайским морем [10, с. 262].

Вьетнам был французской колонией, но Вторая мировая война послужила импульсом к активизации национально-освободительных движений и распаду империи Франции. Стремясь сохранить свою империю, она приняла дорогостоящие и безуспешные колониальные войны. Выражение «деколонизация по-французски» стало означать многотрудный вариант распада империи, когда для метрополии любые методы хороши, в том числе и вооруженное насилие, чтобы сохранить свои позиции в колониях [7, с. 64].

Во время Второй мировой войны японцы оккупировали Индокитай, при них был совершен переворот 9 марта 1945 г., в результате чего был ликвидирован французский протекторат и сам Индокитайский союз. Дарованная Вьетнаму, Камбодже и Лаосу независимость была теоретическим нежели практическим делом, поскольку контроль осуществляли японцы. 15 августа патриотическое движение Вьетминь под лозунгами «Долой японцев и французов!» вынудило императора Бао Дай — «прояпонскую марионетку» отречься от престола, а 2 сентября 1945 года в Ханое лидер Вьетминя Хо Ши Мин провозгласил независимое государство — Демократическая республика Вьетнам [7, с. 67].

В 1946-м во Вьетнам вернулись колониальные власти Французской империи и армия. 19 декабря 1946 года со стычек между вьетнамскими и французскими силами в Ханое для Вьетнама началась Первая Индокитайская война. Её итогом стала Женевская конференция 1954 года, Вьетнам разделили на две части по 17-й параллели (где создавалась демилитаризованная зона), с Вьетнамской народной армией на севере и сил Французского Союза на юге. Позже уже США возьмет под опеку Южный Вьетнам [9].

Если касаться политики США еще периода Второй мировой войны, то лично сам президент Рузвельт был настроен устранить французов из Индокитая любой ценой и оказывал давление на союзников. Это упрямый антиколониализм привел к отказу от американской помощи французам, и к политике поощрения Хо Ши Мина и Вьетмина.

Но после смерти Рузвельта принцип был утрачен, антиколониализм ушел [5, Papers № 2].

На самом деле политика США во время Второй мировой была двойственной, с одной стороны США неоднократно заверяли французов, что ее колониальные владения вернутся к ней после войны. С другой стороны, США приняли атлантическую хартию для поддержки национального самоопределения колоний. Рузвельт рассматривал Индокитай как вопиющий пример обременительного колониализма, по его мнению, Индокитай должен был быть передан на попечительство, но ни как ни в прямой состав Франции. Президент обсуждал это предложение с союзниками на конференциях в Каире, Тегеране и Ялте и получил одобрение Чан Кай-ши и Сталина, Премьер-министр Черчилль возражал. В конечном счете, политика США стала зиждиться не на принципах Атлантической хартии, не антиколониализмом президента, а диктатом военной стратегии, а также британской непримиримости в отношении колониального вопроса [5, Papers № 2].

Вскоре следовало вступление в должность президента Гарри Трумэна, он заверил Францию в том, что они никогда не ставили под сомнение «даже косвенно Французский суверенитет над Индокитаем. Из обращения Г. Трумэна к конгрессу с годовым бюджетом на 1953 год. Дата 21 января 1952 года: «в Азии, взаимная программа безопасности на 1953 финансовый год будет предусматривать продолжение потока военной техники, чтобы помочь войскам Франции и ассоциированных государств Вьетнама, Лаоса и Камбоджи в их доблестной борьбе против коммунистических повстанцев в Индокитае. Мы предоставляем, и будем продолжать предоставлять в рамках этого бюджета, военную технику и другие материалы» [1], Annual Budget Message to the Congress: Fiscal Year 1953», January 21, 1952.].

Одной из главных причин полномасштабного вторжения войск США во Вьетнам являлось нераспространение коммунистической идеи в юго-восточной Азии вслед за Китаем, эта теория получила название «эффект домино». Впервые публично эта теория прозвучала на пресс-конференции Дуайта Эйзенхауэра 7 апреля 1954 года. Он сравнивал так: «У вас есть ряд домино, вы опрокинули первую костяшку, и что произойдет с последней является уже фактом, того что она упадет. Таким образом, вы видите начало распада, который будет иметь самые глубокие последствия». Еще в своем ответе он описал примерную хронологию распространения коммунистической идеи, описывая так: «мы приходим к мнению о возможной последовательной потере Индокитая, Бирмы, Таиланда, теперь мы начинаем говорить о тех районах, которые не только умножали недостатки потери материалов, их источников, но теперь мы

говорим на самом деле о миллионах, миллионах и миллионах людей». Еще стоит отметить один не менее важный аспект, а именно, контроль ресурсов Вьетнама. Эйзенхауэр совершенно не скрывал того, что этот регион важен для США из-за своих ресурсов, на пресс-конференции 7 апреля 1954 года он заявлял: «прежде всего, у нас есть конкретное значение в материалах, в чем мир нуждается». «Два из них это конкретно то, что мир использует — олово и вольфрам. Они очень важны» [1], *The President's News Conference*, April 7, 1954].

Когда Кеннеди вступил в должность, перспектива возможного кризиса во Вьетнаме получила широкое признание в правительстве. Кеннеди и его советники были полны решимости спасти Вьетнам от коммунизма [5, *Papers* № 12]. Посол США в Сайгоне еще до президентства Кеннеди отправлял тревожные телеграммы в течение года, где в сентябре 1960 года, а затем в декабре дал оценку ситуации, где с осторожностью поднимал вопрос о том, будет ли США менять Нго Динь Зьема [5, *Papers* № 10].

В октябре 1963 года Кеннеди и министр обороны США Роберт Макнамара решили о постепенном выводе войск из Вьетнама, по словам бывшего министра: «второго октября я вернулся из Вьетнама, в то время там находилось 16 000 наших военных советников. Я рекомендовал президенту Кеннеди и совету безопасности разработать план полного вывода наших специалистов в течение двух лет. Кеннеди объявил о нашем решении вывести всех военных советников до конца 1965 года, и в 1963 мы действительно вывели оттуда 1000 человек, но затем в южном Вьетнаме произошел переворот. Президента Дьема свергли, он и его брат были убиты. Я был у президента, когда ему сообщили о перевороте, никогда не видел его таким расстроенным, он ужасно побледнел. У президента Кеннеди и у меня всегда были проблемы с Дьемом, и все же у Дьема был авторитет, он был главой государства, свергли его военные. Кеннеди, как и я, прекрасно понимал, что американское правительство в какой-то степени несет за это ответственность» [11].

Переворот был организован администрацией Кеннеди чтобы избавиться от Нго Динь Дьема и его режима, дискредитировавшего внешнюю политику США и бестолковую борьбу с коммунистами. Его правление закончилось 1 ноября 1963 года, после того, группа генералов-заговорщиков, поощряемые правительством США, окружили дворец с подразделениями, которые они привезли в Сайгон из Бьенхоа и дельты реки Меконг [6, с. 1].

Истинные намерения Кеннеди по Вьетнаму остаются спорными и непонятными. Дело в том, что как было ранее сказано, Кеннеди поддерживал мнение Макнамары о выводе военных советников из Вьетнама, но выступая на пресс-конференции 17 июля 1963 года, он заявлял обратное: «Мы твердо убеждены в том, что мы не собираемся отказаться от этих усилий. На мой взгляд, для нас, отказ от этих усилий будет означать крах не только Южного Вьетнама, но и всей Юго-Восточной Азии. Таким образом, мы будем оставаться там» [1, «*The President's News*

Conference», July 17, 1963.]. Вероятно, Кеннеди испытывал давление военных и правых в США, касаясь отношении внешней политики. Кеннеди приходилось действовать из-за политической расчетливости, в 1964 году должны были состояться выборы президента США [2]. В условиях антикоммунистической истерии, устроенной высшими кругами американского общества, претендовать на второй срок, выводя военных советников из-за Вьетнама, равно было проигрышу коммунистам, а значит в целом проигрыш во всей внешней политике.

После гибели Кеннеди к власти в США пришел вице-президент Линдон Джонсон, позже он будет успешно избран президентом в ноябре 1964 года. 26 ноября 1963 года вышел меморандум 273, в котором утверждалось о намерении США всерьез взяться за Вьетнам [3].

Если согласиться с тем мнением, что Кеннеди действительно думал и даже хотел, после выборов 64 года, вывести военных советников, то политика Джонсона явно отличается, об этом свидетельствует его телефонный разговор с министром обороны Макнамарой от 25 февраля 1964 года, где Джонсон заявляет: «я всегда думал, что было глупо заявлять о выводе наших советников. Мне казалось, что это психологически неверно, но у тебя [Макнамара] и президента [Кеннеди] было другое мнение» [4, с. 725–728].

По воспоминаниям советского посла в США А. Ф. Добрынина: «уже в день похорон Кеннеди новый президент в беседе с послом США в Южном Вьетнаме Доджем твердо заявил, что он «не намерен терять Вьетнам». Это стало затем навязчивой идеей Джонсона» [8, с. 109].

Происходящие в это время события во Вьетнаме оценивались по-разному. Командование по оказанию военной помощи Вьетнаму давало оценку, что военные усилия не смогли добиться успеха в отсутствии эффективного политического руководства. Специальный доклад ЦРУ, направленный министру Макнамаре, сделанный в это же время, дал противоположную оценку ранее упомянутому докладу. По их мнению, нужны были военные победы для политической стабильности [5, *Papers* № 15].

Силы северного Вьетнама возрастали, в то время как руководство Южного Вьетнама находилось в лихорадочном состоянии. 20 января 1964 года правительство Минья, сменившее администрацию убитого Дьема, было опять свергнуто возглавляемым генералом Нгу-ен Канем. Это был очередной удар по планам США в помощи Южному Вьетнаму [9].

С 1 февраля 1964 года США вступили на новый курс в давней политики поддержания безопасности Юго-Восточной Азии. В тот день американская военная элита продумала программу тайных военных операций против Северного Вьетнама. Тайные американские программы организовывало ЦРУ, агенты пополнялись по воздуху для организации сопротивлений и саботажа, так же они вербовались и внутри страны. Программа не была новой, но довольно отличалась. Она была разделена на три этапа: первый этап с февраля по май, сбор разведывательной

информации через самолеты У-2, а также были и пропагандистические операции, в том числе поставки комплектов самой пропаганды и радиопередачи. Во втором и третьем этапе действия были одинаковы, но различались темпом и размахом. Целью была экономика Северного Вьетнама. Программа должна была нанести сильный удар за так называемую «агрессивную политику» Северного Вьетнама [5, Papers № 16].

В августе 1964 года произошел инцидент в Тонкинском заливе. В 16.30 второго числа три северовьетнамских торпедных катера в китайском море атаковали эсминец «Мэддокс». В момент начала нападения «Мэддокс» находился в сорока пяти километрах от побережья Северного Вьетнама. Катера выпустили по эсминцу торпеды и обстреляли его из 12,7-мм пулеметов. «Мэддокс» открыл огонь из 5-дюймовых орудий и накрыл прямым попаданием один из катеров. Приблизительно в 17.30 в события вмешались четыре истребителя F-8E с американского авианосца «Тикондерога». Они дали по противнику несколько залпов ракетами, обстреляли катера из пушек и нанесли им повреждения. К 18.00, когда истребителям пришлось покинуть район боя, один северовьетнамский катер был уничтожен, а два других, «подраненные», спасались бегством на север. Сразу же после ухода самолетов «Мэддокс» направился на юго-восток.

В помощь «Мэддоксу» выделили еще один эсминец, «Тернер Джой». 4 августа оба судна возобновили патрулирование. В 19.15 по каналам Управления национальной безопасности (УНБ) к командиру тактических сил капитану Джону Геррику поступило сообщение о возможном нападении на эсминцы торпедных катеров. В 20.35 корабельные радары засекли на расстоянии примерно пятидесяти километров три быстро приближавшихся объекта, и на обоих кораблях была объявлена боевая тревога. Примерно в половине десятого вечера, в темноте, из-за густой облачности обстановка стала накаляться. Операторы радаров сообщили о приближении объектов с разных точек, а гидроакустики доложили о том, что слышат шумы двигателей двенадцати торпедных катеров противника. Американцы открыли огонь. По сей день никто (кроме северных вьетнамцев) не может сказать, осуществлялась ли в ночь с 4 на 5 августа 1964 года попытка атаковать американские эсминцы силами торпедных катеров Северного Вьетнама [9].

Мнение бывшего министра обороны США Роберта Макнамары: «второго августа с эсминца «Меддокс» сообщили, что их обстрелял северовьетнамский патрульный катер. Это было явной агрессией, Эсминец находился в нейтральных водах. Я направил туда экспертов министерства обороны, которые обнаружили на палубе «Меддокса» осколки северовьетнамских снарядов, на этот счет не было никаких сомнений. Но мы никак не отреагировали, это был трудный момент, особенно для президента. Многие высокопоставленные особы, с погонами и без, если открыто и не называли президента трусом,

то говорили, что он не защищает национальные интересы. Через два дня вновь были атакованы эсминцы «Меддокс» и «Тернер Джой». Гидроакустические системы зафиксировали торпедную атаку со стороны патрульных катеров. В тот день мы десять часов пытались выяснить, что же там произошло. Командир одного корабля говорил, что не уверен была ли атака, другие напротив были абсолютно в этом уверены. Вечером адмирал Шарп заявил: «нет никаких сомнений, что нас атаковали». Я доложил обо всем Джонсону, и в результате мы нанесли бомбовый удар по территории северного Вьетнама. Джонсон сказал, что возможно придется перейти к активным боевым действиям, но он должен заручиться согласием конгресса, и он предложил принять резолюцию, наделявшую президента правом от имени страны объявлять войну — «Тонкинскую резолюцию» [11]. Ханой квалифицировал этот инцидент как американскую провокацию. Джонсон срочно провел через конгресс «Тонкинскую резолюцию», дававшую ему право предпринимать необходимые военные шаги [8, с. 119]. Бывший министр обороны США Макнамара признает: «произошло явное недоразумение, и дальнейшие события показали то, что мы сделали неправильные выводы. Никакой торпедной атаки не было, но был еще обстрел второго августа. На этот счет мы не заблуждались, хотя тогда этот факт вызывал сомнения, в первом случае мы были правы, а во втором нет. В конечном счете, президент санкционировал бомбардировки в отместку за так называемую вторую атаку, которой на самом деле не было. Он приказал начать боевые действия, поскольку был в этом уверен. Он расценил как сознательный шаг части северовьетнамских политиков и военного командования, направленной на эскалацию конфликта и как признак того, что они не остановятся ни перед чем. Мы были не правы, но действовали так, потому что находились в плену у неверных представлений и впоследствии дорого за это заплатили» [11]. Мнение Макнамары несет, конечно, субъективный характер, но он признает, что второй инцидент мог быть простым недоразумением.

Тонкинский инцидент станет началом прямого вмешательства США. Начнутся бомбардировки Северного Вьетнама, а в марте 1965 года туда придут два батальона морской пехоты [9]. Главной ошибкой внешней политики США по отношению к Вьетнаму можно считать то, что американцы, начав бороться против распространения коммунизма, не смогли понять истинные цели самих вьетнамцев, а именно национально-освободительную борьбу вьетнамского народа. Для вьетнамцев американцы ничем не отличались от ушедших от них французов.

Стоит отметить главное, США были заинтересованы в контроле ресурсов Вьетнама, это открыто заявлял Дуайт Эйзенхауэр в своем ответе на конференции 7 апреля 1954 года, которая ранее упоминалась в статье. Так же США боролись с распространением коммунизма в Юго-Восточной Азии.

Литература:

1. The American Presidency Project <http://www.presidency.ucsb.edu/index.php>
2. Dave Leip's Atlas of U. S. Presidential Elections <http://uselectionatlas.org/>
3. Lyndon B. Johnson Presidential Library and Museum <http://www.lbjlibrary.org/>
4. Millercenter. The presidential recordings Lyndon B. Johnson. Toward the Great Society. Volume Four February 1, 1964 — March 8, 1964. <http://millercenter.org/>
5. Pentagon Papers. <http://www.archives.gov/research/pentagon-papers/>
6. Thomas L. Ahern, Jr., CIA and the Generals: Covert Support to Military Government in South Vietnam, Center for the Study of Intelligence, October 1998, 243 pp. SOURCE: FOIA.
7. Гончарова Т. Н. История французского колониализма: Актуальные проблемы изучения. Часть I: История колониальных империй Франции: Учебное пособие. — Санкт-Петербург, 2013. — С. 92.
8. Добрынин А. Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.) с. 688
9. Дэвидсон Ф. Б. Война во Вьетнаме. — М.: Изографус, Эксмо, 2002. <http://militera.lib.ru/h/davidson/index.html>
10. Прохоров, А. М.: Советский энциклопедический словарь. Москва. Советская Энциклопедия, 1986. С. 1600.
11. Д/ф «Туман войны: 11 уроков Роберта Макнамары» интервью Р. Макнамары.

Природоохранная политика СССР в 1960–1980-х гг.: успехи, провалы и противоречия

Макеева Екатерина Дмитриевна, кандидат исторических наук, доцент
Самарский государственный социально-педагогический университет

В статье рассматриваются основные тенденции экологической политики советского государства, достижения и неудачи в природоохранной сфере, а также характер взаимоотношений власти и общественности в области охраны природы в СССР в 1960–1980-е гг.

Ключевые слова: экологическая политика, охрана природы, общественное экологическое движение

Проблема взаимоотношений государства, общества и природы имеет глубокие исторические корни, ее истоки связаны с политической, экономической и культурной эволюцией человечества. В России эти взаимоотношения строились непросто на протяжении нескольких эпох: дореволюционной, советской и постсоветской. В советскую эпоху они носили неоднозначный, а иногда и драматичный характер, при этом их развитие происходило в два этапа: первый — с октября 1917 г. по конец 1960 г.; второй этап — с конца 1960 г. по декабрь 1991 г. Рубежом между этими двумя этапами мы считаем два важных события: 1) принятие в октябре 1960 г. Закона «Об охране природы в РСФСР», повлекшего за собой массу изменений в системе управления природопользованием и контроля за охраной природы, и 2) возникновение в декабре 1960 г. в Московском государственном университете первой студенческой Дружины охраны природы, положившей начало всему российскому экологическому движению. Деятельность дружин, которые вскоре стали появляться по всей стране, носила, в основном, практический характер, ее результаты были хорошо заметны, что способствовало значительному повышению интереса общественности к делу охраны природы в целом. И в том же, 1960 году произошло еще одно важное событие — зародилось по-настоящему масштабное движение «За ленинское

отношение к природе», постепенно охватившее предприятия, организации и учреждения по всей стране.

На первом этапе (1917–1960 гг.) происходило первоначальное формирование законодательной базы и механизмов природопользования, зарождение и становление первых государственных и общественных организаций, занимающихся охраной природы [4, с. 34–39]. Политика государства в сфере взаимодействия общества и природы носила жесткий эксплуатирующий характер, оправданием которому считалось стремление в короткие сроки создать в стране развитое социалистическое общество. На втором этапе (1960–1991 гг.), в связи с резким ухудшением состояния окружающей среды и осознанием в обществе угрозы разрушения природного равновесия, происходит постепенное формирование экологической политики советского государства, основные тенденции которой мы рассмотрим далее.

В 1960–1980-е гг. в СССР в регулировании вопросов природопользования и охраны природы значительно возросла роль государства, но в то же время большой скачок в развитии был сделан и общественным природоохранным движением, которое приобрело по-настоящему массовый характер. При этом можно назвать несколько основных показателей, подтверждающих данный тезис:

1. Было серьезно усовершенствовано природоохранное законодательство: так, в РСФСР принят первый закон об охране окружающей среды, отразивший все основные задачи государства в данной сфере [1], а также ряд законов и кодексов, направленных на сохранение природных ресурсов страны по отраслям (земельный, лесной, водный кодексы и т. д.).

2. В природоохранной сфере произошло повышение роли и расширение функций законодательной власти — Советов депутатов трудящихся. В Верховных Советах СССР, союзных и автономных республик, Советах областей, краев, городов и районов РСФСР были образованы депутатские комиссии по вопросам охраны природы и рационального природопользования.

3. В этой же сфере повысилась роль, и увеличились функции органов исполнительной власти, трансформировалась и расширилась система государственного управления охраной природы: так, были образованы комитеты и комиссии по вопросам охраны природы и рационального использования природных ресурсов при Советах Министров СССР, союзных и автономных республик, исполкомах областей, краев, городов и районов [5, с. 51–55]. В 1988 г. был, наконец, создан первый самостоятельный природоохранный орган общесоюзного значения — Государственный комитет по охране природы СССР, а также его республиканские и местные подразделения [6]. Кроме того, вся природоохранная деятельность в стране находилась под постоянным руководством и жестким контролем КПСС, как ее центрального комитета, так и структурных подразделений на местах.

4. Больше внимания стало уделяться финансированию природоохранной деятельности. В функции органов исполнительной власти, Госплана СССР и плановых комиссий союзных республик, краев, областей, городов и районов была включена разработка годовых и перспективных планов охраны природной среды и природоохранной деятельности отраслей народного хозяйства. А государственные финансовые органы, министерства и ведомства выделяли целевым назначением капиталовложения на реализацию государственных и отраслевых программ и планов в сфере охраны природы. Объем финансирования год от года увеличивался.

5. Значительную государственную поддержку и развитие получили научные исследования экологической направленности. Для их осуществления в системе хозяйственных министерств и ведомств были образованы специальные управления и отделы охраны природы, появилась масса научных учреждений, которые занимались научно-техническими разработками в сфере охраны окружающей среды и рационализации использования природных ресурсов, в массовом порядке стали проводиться научно-практические конференции и совещания по вопросам охраны природы.

6. По-настоящему массовый характер приобретает общественное природоохранное движение, опорой которого являлось Всероссийское общество охраны природы

(ВООП). Отделения и первичные ячейки ВООП появились в подавляющем большинстве населенных пунктов, предприятий, организаций, учреждений и учебных заведений РСФСР. В то же время, возникли и новые формы общественных организаций и движений, действующие весьма активно: Дружины охраны природы, Байкальское движение, общественные комитеты охраны природы на предприятиях, инспекции и патрули по борьбе с браконьерством. Определенную помощь и поддержку государству в деле охраны природы оказывали также научные общества, профсоюзы, общества охотников и рыболовов, туристские и спортивные общества, Союзы писателей, художников, архитекторов, изобретателей и рационализаторов и т. д., а также комсомол и пионерия. Появилась такая форма природоохранной работы, как общественный контроль, ставший серьезным препятствием для осуществления антиэкологичной деятельности предприятиями и организациями. Общественное природоохранное движение осуществляло огромный объем работы, в том числе, в сфере экологического просвещения населения, но при этом до середины 1980-х гг. оно оставалось своеобразным «придатком» государственных и партийных органов, фактически руководивших его деятельностью и контролировавших ее. Власть и общество, чаще всего, были единодушны в экологических вопросах и действовали в единой «связке», успешно дополняя друг друга, поэтому, порой, бывает даже трудно провести четкую грань между деятельностью государственных и общественных природоохранных организаций в 1960-е — первой половине 1980-х гг.

7. Во второй половине 1980-х гг., вместе с началом процессов демократизации в стране, происходит перелом во взаимоотношениях власти и природоохранной общественности — возникает конфликт интересов, ставший причиной стойкого антагонизма, наблюдавшегося на протяжении нескольких лет Перестройки, закончившейся распадом СССР. Начался процесс формирования экологического или «зеленого» движения нового типа, отправной точкой которого можно считать массовую кампанию против поворота северных и сибирских рек на юг, закончившуюся победой общественности. Очень часто представители экологического движения осуществляли свою деятельность вопреки органам власти, поддерживающим хищнические действия хозяйственных министерств и ведомств, и поэтому видели в них своих «врагов». Становление российского экологического движения во второй половине 1980-х гг. имело политический подтекст, так как его деятельность во многом носила политический характер, а его участники, в первую, очередь выступали против советской системы. Поэтому возникновение новых экологических объединений и «зеленых» партий в стране, а также массовая активность населения, борющегося за сохранение природы и улучшение качества окружающей среды, можно рассматривать как признаки зарождения в СССР гражданского общества на рубеже 1980–1990-х гг.

Однако, наряду с перечисленными выше достижениями экологической политики советского государства, необходимо констатировать ряд ее существенных недостатков, ставших, в конечном итоге, причиной возникновения и обострения комплекса экологических проблем:

1. В законодательных актах экологической направленности основной акцент делался на вопросы регулирования использования земель, лесов, вод, недр и других природных ресурсов, то есть сохранялся сугубо утилитарный подход к решению проблем охраны природы. В связи с резким ухудшением экологической обстановки в стране, в 1960–1980-е гг. был принят также ряд законов и постановлений, направленных на предотвращение загрязнения окружающей среды [8, с. 211–225; 7, с. 317–321]. При этом ответственность за претворение в жизнь принятых документов возлагалась на региональные и местные органы власти, а также — хозяйственные министерства и ведомства, которые как раз и являлись основными разрушителями и загрязнителями природной среды. Таким образом, за процесс эксплуатации природы и за ее охрану часто отвечали одни и те же должностные лица (руководители министерств и ведомств, директора предприятий и т. п.), и поэтому многие требования природоохранного законодательства просто не выполнялись, так как они существенно тормозили или вовсе делали невозможным выполнение производственных «планов». В итоге риторика партийных и правительственных постановлений со временем становилась все жестче, а экологическая обстановка в стране — все хуже. Противоречие между содержанием государственных решений и практикой их реализации стало одной из главных причин обострения экологического кризиса и торможения природоохранной деятельности в Советском Союзе. Улучшение ситуации было возможно только при условии перестройки всего комплекса общественных отношений в СССР;

2. Присутствовала непоследовательность и нерешительность со стороны государства в решении проблемы оптимизации дела охраны природы в стране. Начиная с 1970-х гг., в постановлениях центральных и местных органов власти постоянно звучал призыв к разработке новых, природосберегающих научных технологий, поиску способов рационализации использования природных ресурсов, научно-обоснованных принципов и методов регулирования отношений человека и природы и т. п., однако прогрессивные предложения ученых и некоторых представителей партийно-хозяйственного актива, рекомендации научно-практических конференций и совещаний по вопросам охраны природы часто игнорировались и не находили практического воплощения в жизнь, так как они подразумевали качественные изменения всего экономического базиса советского общества и его политической надстройки.

3. Существенным препятствием для создания и эффективного функционирования целостной системы управления охраной природы в стране являлось господство

административно-командной системы (АКС), являющейся опорой экстенсивного, нерационального природопользования, гарантом обеспечения приоритета ведомственных интересов перед интересами человека и природы. Поскольку АКС, в силу своих особенностей, была очень неповоротлива, и способность к быстрому реагированию на возникновение внешних и внутренних рисков у нее практически отсутствовала, развитие системы государственного управления охраной природы в Советском Союзе шло очень медленными темпами. Кроме того, экономика СССР базировалась на ложной, по своей сути, концепции неисчерпаемости природных богатств и продолжала успешно решать задачи «преобразования», «покорения» и «завоевания» природы. Актуальность этих задач во многом обуславливалась огромными затратами на гонку ракетно-ядерных вооружений. Результаты такой экологической политики не замедлили проявиться: начиная с середины 1980-х гг. во многих регионах страны, особенно промышленных городах, состояние окружающей среды вызывало большую тревогу и недовольство населения, что стало одной из причин резкой активизации общественного экологического движения.

Все больше внимания общественности к нарастающему экологическому кризису стали привлекать средства массовой информации. В прессе публиковались материалы, описывающие реальное состояние дел. Общество «Знание», например, с середины 1970-х гг. выпускало экологический журнал «Человек и природа». В таких изданиях, как «Литературная газета» и журнал «Наука и жизнь» постоянно поднимались и обсуждались важнейшие проблемы охраны природы. Во многих СМИ были введены регулярные рубрики «Природа и люди», «Родная природа», «Природа — наш дом» и т. д. Несомненно, средства массовой информации сыграли очень большую роль не только в природоохранном просвещении населения, но и в нарастании активности общественного экологического движения во второй половине 1980-х гг.

Показательна в этом смысле история борьбы общественности против запуска проекта переброски части стока северных и сибирских рек на юг, который лоббировали министерства мелиорации и водного хозяйства СССР и РСФСР. Возможные катастрофические последствия реализации данного проекта стали открыто обсуждаться на страницах газет и журналов практически сразу после начала Перестройки и объявления в стране Гласности в 1985 г. А на восьмом съезде Союза писателей РСФСР, который состоялся в июне 1986 года, вместо обсуждения проблем развития литературы, писатели начали говорить об угрозе, нависшей над природой страны. Съезд единогласно проголосовал за обращение к М. С. Горбачеву с просьбой немедленно остановить работы по переброске рек [2, с. 5–31]. Именно благодаря давлению общественности запуск проекта был остановлен, несмотря на сопротивление очень влиятельных людей и организаций. Здравый смысл победил, власть начала прислушиваться к мнению общественности,

и это стимулировало резкий скачок в развитии экологического движения.

Еще одним событием, оказавшим значительное влияние на активизацию экодвижения и характер его взаимоотношений с властью, стала техногенная катастрофа на Чернобыльской АЭС, произошедшая в апреле 1986 г. Она нанесла сильнейший удар как по экологической обстановке в западных регионах СССР и странах Восточной Европы, так и по советской политической и экономической системе. Радиационному загрязнению подверглось более 200 тыс. км², примерно 70 % из них — это территории Белоруссии, России и Украины. Руководство страны тщательно скрывало реальные масштабы и последствия трагедии и от своих граждан, и от мировой общественности. Мало того, вплоть до конца 1980-х гг. государство вообще не придавало существенного значения чернобыльской проблеме. В этой ситуации особенно ярко проявилась тенденция, характерная для деятельности всей советской системы управления охраной природы — сокрытие информации и замалчивание серьезных проблем в экологической сфере. Разработка программы ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС началась только в 1989 г., причем вновь под влиянием общественности. Людей уже не удовлетворяло бездействие властей,

и они начали протестовать против их инертности, халатности и равнодушия к жизни и здоровью населения.

Чернобыльская катастрофа стала важным переломным моментом в жизни отечественного экологического движения. Именно после этого события за короткий срок оно вступает в новую фазу своего развития, приобретает протестный характер и политизируется. Вот как об эпохе Перестройки писал председатель правления Российского экологического союза М.Л. Борозин: «Накатился информационный вал, особенно высокий в области экологии. Это явление получило название «зеленая волна», когда экологические требования выдвигались вместо политических... И все те, кто хотел бы выйти под лозунгами «Долой КПСС! Долой КГБ!» вышли на улицы с экологическими протестами» [3, с. 61]. Несомненно, важнейшей причиной активизации российского экологического движения во второй половине 1980-х гг. стало также стремление людей к переменам в стране, причем переменам, в основном, политического характера. Попытки перестроить систему управления страной, а затем распад СССР в 1991 г. и, как следствие, изменение экономической и политической моделей государства, сделали экологическую ситуацию в стране на рубеже 1980—1990-х гг. практически неуправляемой. Решать эту проблему предстояло уже в абсолютно новых условиях и, фактически, в новом государстве — Российской Федерации.

Литература:

1. Закон об охране природы в РСФСР // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 586.
2. Залыгин С. П. Поворот: Уроки одной дискуссии (Поворот. Интеллект и литература. Зачем нам отречения? Проект: научная обоснованность и ответственность. Разумный союз с природой) // Поворот. М.: Мысль, 1987. С. 5—31.
3. Ларин В., Мнацаканян Р., Честин И., Шварц Е. Охрана природы России: от Горбачева до Путина. М.: КМК, 2003.
4. Макеева Е. Д. Становление системы государственного управления охраной природы в России в 1917—1920-х гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2016. Т. 22. № 1. С. 34—39.
5. Макеева Е. Д. Характерные особенности управления охраной природы в регионах РСФСР в 1960—1980-е гг. (исторический аспект) // Вестник Костромского государственного университета. 2016. Т. 22. № 4. С. 51—55.
6. О коренной перестройке дела охраны природы в стране. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР. 7 января 1988 г. // СП СССР. 1988. № 6. Ст. 14.
7. О дополнительных мерах по усилению охраны природы и улучшению использования природных ресурсов // Об охране окружающей среды: Сборник документов партии и правительства, 1917—1981 гг. М., 1981. С. 317—321.
8. Об усилении охраны природы и улучшении использования природных ресурсов. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР. 29 декабря 1972 г. // Об охране окружающей среды: Сборник документов партии и правительства, 1917—1981 гг. С. 211—225.

Исторические методы корректировки чертежей в современной реконструкции одежды

Сурженко Евгений Яковлевич, доктор технических наук, профессор;
Москвин Алексей Юрьевич, кандидат технических наук, ассистент;
Москвина Мария Александровна, кандидат технических наук, ассистент
Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Статья посвящена изучению возможностей применения исторических схем корректировки лекал в реконструкции одежды. Исследованы способы учета особенностей строения индивидуальных фигур в исторических системах кроя. Показаны возможности применения исторических методов в обеспечении качества посадки реконструируемых изделий.

Ключевые слова: исторический костюм, реконструкция одежды, конструктивные решения одежды, дефекты посадки одежды, методы проектирования

Application of historical patterns adaptation methods to fit individual figures in clothes reconstruction

A.Yu. Moskvina, PhD, assistant professor
M.A. Moskvina, PhD, assistant professor
Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

The article demonstrates findings in analysis of historical patterns adaptation methods, which allows achieving good fit using personal measurements taking into account special figure faults. The authors have showed the possibility of their application in modern practice of clothes reconstruction.

Keywords: historical costume; clothes reconstruction; clothes patterns; clothes poor fit; design methods

Реконструкция исторического костюма — актуальное направление инженерной деятельности, широко востребованное кинопроцессом, театром, военно-исторической реконструкцией, музейным делом. Одно из основных направлений научных исследований в области реконструкции одежды — разработка современных методов проектирования и технологий изготовления, обеспечивающих высокий уровень соответствия современных изделий прототипам. Такое соответствие достигается за счет адаптивного применения аутентичных способов, приемов, техник построения чертежей и обработки деталей исторического костюма. Для выполнения научно-обоснованной последовательности операций проектирования и изготовления изделий в рамках высокоточной реконструкции требуется разносторонний анализ профессионального исторического наследия.

Отличительной особенностью проектирования исторического костюма является использование аутентичных лекал, представленных в специализированной литературе или разработанных на основе анализа сохранившихся прототипов, например, музейных экспонатов. Такой подход приводит к высокоточному воспроизведению формы исторического костюма. В качестве источников конструктивных решений исторического костюма применяются классические работы N. Waugh [1], J. Arnold [2] и современные труды S. Thursfield [3], N. Mikhaïla [4] и др.

Однако, использование готовых лекал без точного учета размеров и формы фигуры, во взаимосвязи с которыми находятся величины конструктивных отрезков чертежей одежды, обуславливает низкий уровень антропометрического соответствия реконструированного изделия фигуре [см. подробнее: 5]. Корректная посадка исторических моделей одежды может быть достигнута за счет применения схем корректировки чертежей. Современные схемы корректировки чертежей, позволяющие изменять лекала с учетом морфологического строения фигуры, разработаны на основе конструктивных параметров чертежей современных изделий, что затрудняет их применение в высокоточной реконструкции. В связи с этим, перспективным направлением разработок является применение исторических схем корректировки чертежей одежды в аналитической и виртуальной реконструкции костюма. Следует отметить, что данный подход к обеспечению высокого качества посадки исторических изделий актуален для костюма XIX в., поскольку в этот период получили распространение инженерные методы проектирования одежды.

Целью исследования является определение возможностей обеспечения антропометрического соответствия исторических изделий современным фигурам на основе применения аутентичных схем корректировки чертежей. Исследование выполнено на основе анализа 117 систем кроя: 83 женской одежды и 34 мужской. Рассмотрены

работы, изданные в государствах Европы, Российской империи, Соединенных Штатах Америки с 1800 по 1918 гг.

Первые системы кроя появились во второй половине XVIII в. [см. подробнее: 6, с. 6—56] и представляли собой упрощенные последовательности построения чертежей различных видов одежды на основе небольшого количества мерок без применения расчетных формул и коэффициентов. Развитие инженерных методов конструирования ряд авторов обуславливают появлением и расширением масштабов массового производства одежды во второй половине XIX в. В этот период появляется значительное количество систем, основанных на использовании пропорциональных отношений длин конструктивных отрезков к величинам измерений фигуры, широко используется «клеточный» метод, развиваются тригонометрические системы кроя. На протяжении XIX века происходит качественное изменение процесса конструирования в целом,

расширяется диапазон размерных признаков, накапливаются знания о форме поверхности тела человека, расширяются размерные типологии, разрабатываются схемы градации лучевым методом и, в отдельных работах, методом приращений. [см. подробнее: 7]

Представления об антропометрическом соответствии одежды фигуре значительно расширились в начале 20 в., о чем свидетельствует появление ряда работ, содержание которых раскрывает различные аспекты конструирования одежды с учетом взаимосвязей между формой фигуры и конфигурацией конструктивных отрезков чертежа изделия [8; 9 и др.]. Например, в работе «Общества Санкт-Петербургских закройщиков» в процессе построения выполняется учет особенностей морфологического строения (рис 1). Показана взаимосвязь между проекционными измерениями фигуры в профильной проекции и чертежом конструкции изделия.

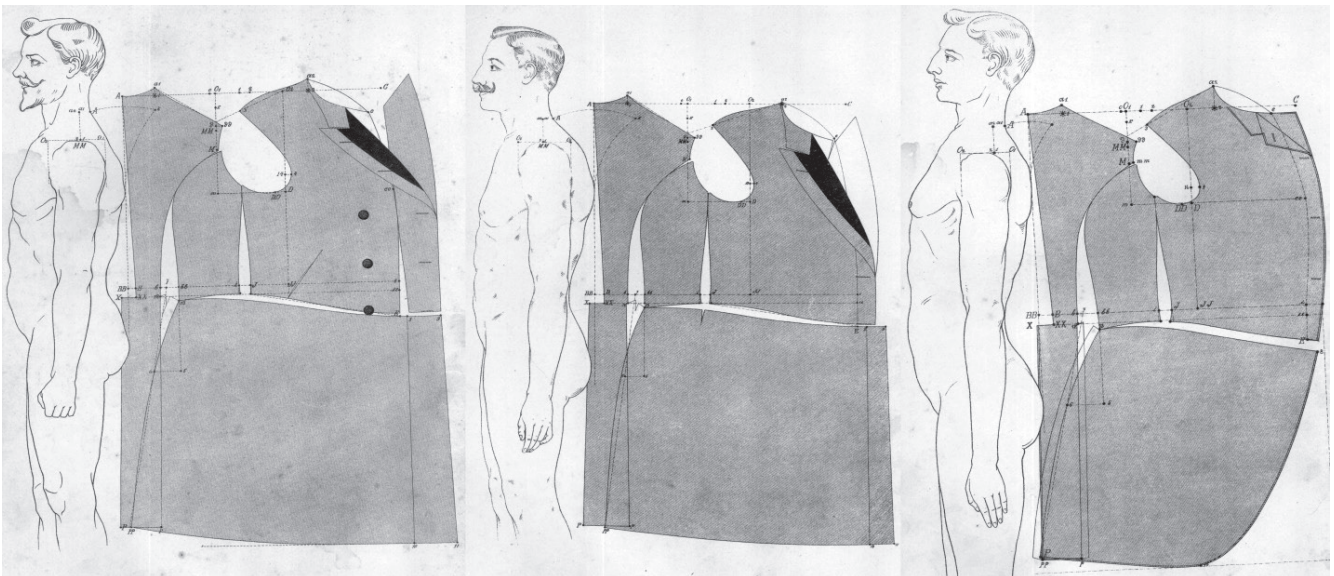


Рис. 1. Чертежи плечевых изделий для фигур с нормальной, сутулой и перегибистой осанкой, «Полный Академический курс кройки мужского платья Первого Вспомогательного Общества С. Петербургских Закройщиков» [9, с. 8, 10, 12]

Несмотря на развитие методов проектирования одежды, в начале 20 века широкое распространение имели системы кроя, основанные на клеточном или пропорциональном методе построения чертежей с применением градационных линеек. Тригонометрические системы конструирования предполагали выполнение большей части расчетов на основе эмпирически выявленных закономерностей, значительно различающихся в работах разных авторов. Такие системы кроя не могли обеспечить уровень антропометрического соответствия одежды фигуре, сопоставимый с современными расчетно-графическими методиками, что актуализировало разработки схем корректировки чертежей и лекал с учетом строения индивидуальных фигур (рис. 2).

В результате анализа специальной литературы выделены особенности морфологического строения фигур,

для учета которых в исторических системах кроя предложены схемы корректировки чертежей. Для женской одежды представлены следующие позиции:

- перегибистая (прямая) / сутулая (наклонная) осанка;
- высокие/низкие плечи;
- разные по высоте плечи;
- разные по выступу (асимметричные) лопатки;
- высокая/низкая грудь;
- большая/плоская грудь;
- горбатая/плоская спина;
- длинный/короткий стан;
- плоские/выраженные бедра.

Из выделенных особенностей строения только одна позиция посвящена нижней — подкорпусной части. Такое обособление стана изделия объясняется тем, что женская

одежда того времени характеризуется различными формами верхней — корпусной и нижней — подкорпусной частей. Исторические схемы корректировки предполагают разнообразие учитываемых особенностей

телосложения фигуры. Например, в таблице представлены различные варианты осанки и высоты плеч исходной и целевой фигур в исправлении дефектов посадки согласно К. Глодзинскому [10].

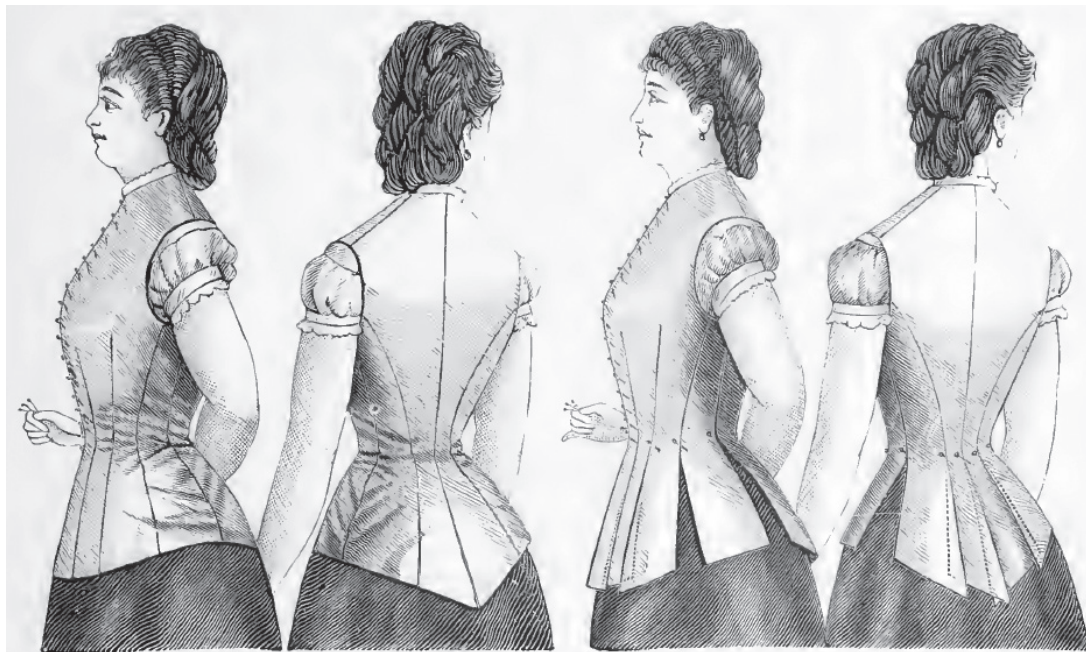


Рис. 2. Исправление дефектов посадки согласно «Instruction book for the French and English systems of cutting, fitting and basting», 1881 г. [8]

Таблица 1. Корректировка чертежей для фигур с различным положением корпуса и высотой плеч

Получаемый тип фигуры \ Исходный тип фигуры	Нормальная осанка	Перегибистая осанка	Сутулая осанка	Низкие плечи	Высокие плечи
Нормальная осанка	-	+	+	+	+
Перегибистая осанка	-	-	-	+	+
Сутулая осанка	+	-	-	-	-
Низкие плечи	-	+	+	-	-
Высокие плечи	-	-	-	-	+

Для мужской плечевой одежды в исторических методиках выделяются особенности строения фигур, аналогичные женским с незначительными вариациями. Для поясной одежды предложены схемы корректировки чертежей для фигур с О-образным и Х-образным искривлением ног, плоскими и выпуклыми ягодицами. Кроме того, на протяжении второй половины XIX в. в большинстве методик приводятся отдельные алгоритмы построения мужских плечевых и поясных изделий для корпулентных фигур, включающие альтернативные способы или формулы расчета величин и местоположений формообразующих растворов. Например, в методике «The American coat, west and trousers system» 1895 г. представлены алгоритмы построения и способы преобразования чертежей фрака, сюртука, визитки, брюк для фигур, склонных к полноте [11, с. 40, 42, 84].

Анализ систем кроя позволил выделить три основных способа корректировки лекал с учетом особенностей строения индивидуальных фигур:

- приращения к размерам лекал по координатам, как правило вертикальные или горизонтальные, на основе фиксированных величин без учета изменений фигуры (рис. 3. а);
- приращения по координатам, характеризующиеся применением параллельного и конического разведения деталей на фиксированные величины без учета измерений фигуры (рис. 3. б);
- приращения по координатам и углам с учетом различий в величинах мерок условно-типовой и индивидуальной фигур (рис. 3. в).

Первые два (рис. 3. а, б) из перечисленных способов корректировки лекал используют фиксированные

наборы значений для изменения длин и форм конструктивных отрезков, что не позволяет выполнить точные корректировки в соответствии с выраженностью особенностей телосложения, описываемых величинами мерок. Кроме того, первый способ трудно применим

в исправлении дефектов посадки опорной и условно-опорной поверхностей, т. к. в нем используется только параллельное разведение деталей и линейное смещение конструктивных отрезков в определенных направлениях.

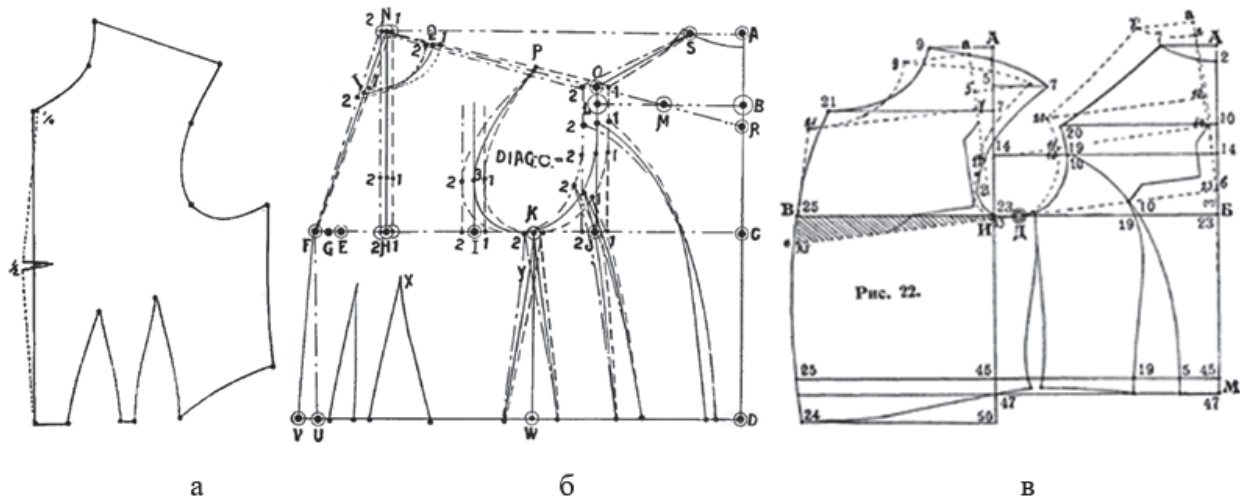


Рис. 3. Схемы корректировки чертежей, представленные в исторических системах кроя: 3. а. «Instruction book for the French and English systems of cutting, fitting and basting» [12, с. 20]; 3. б. «Superlative system of cutting ladies' garments based upon a scientific, sure and simple method» [13, с. 91]; 3. в. «Школа кройки мужского и дамского платья» [14, с. 44]

Третий выделенный способ (рис. 3. в) корректировки лекал соответствует современным подходам к исправлению дефектов посадки [см. подробнее: 15, 16 и др.], в связи с чем соответствующие схемы могут применяться в обеспечении антропометрического соответствия исторических изделий индивидуальным фигурам. Применение аутентичных схем корректировки целесообразно в связи с тем, что изменения чертежей взаимосвязаны с конфигурациями срезов деталей, местоположениями и величинами формообразующих растворов. Например, корректировка чертежа визитки конца XIX в. для фигуры с прямой (перегибистой) осанкой в соответствии с современными схемами затруднительна, так как конструкция изделия отличается от современной: плечевой шов смещен на деталь спинки, в нем открыта часть формообразующего раствора для огибания лопаток, распределенного между посадкой и вытачкой, направленной в пройму, величина формообразующего раствора груди полностью направлена в срез борта, величины прибавок на свободу проймы и к длине проймы минимальны и т. д.

Аутентичные схемы корректировки чертежей адаптированы к конструктивным особенностям исторических изделий, местоположению конструктивных членений и формообразующих растворов. Их точность может быть обеспечена за счет использования размерных признаков

современных фигур в расчете величин приращений. Применение исторических схем актуально в среде 2d систем автоматизированного проектирования и 3d программных продуктов с прогнозированием результатов работ в решении широкого спектра проектных задач.

Результаты исследования показывают возможности применения определенных исторических методов и приемов в обеспечении высокого уровня антропометрического соответствия одежды фигуре, способствуют оптимизации процесса реконструкции и повышению качества его результатов.

Выводы:

1. Выполнен анализ методов корректировки чертежей мужской и женской одежды XIX и начала XX в., представленных в аутентичных системах кроя.

2. Определены исторические способы изменения конфигураций срезов лекал изделий с учетом особенностей телосложения фигур. Установлены принципы применения дополнительных измерений индивидуальных фигур в корректировке лекал.

3. Показаны возможности применения ряда исторических схем корректировки чертежей в обеспечении высокого качества посадки исторических изделий с учетом параметров индивидуальных фигур.

Литература:

1. Waugh, N. The cut of mens clothes 1600–1900 / Norah Waugh. — New York: Theatre arts books, 1964. — 188 p.

2. Arnold, J. Patterns of Fashion: the cut and construction of clothes for men and women. 1560—1620 / Janet Arnold. — LA.: Drama publishers, 1985. — 128 p.
3. Thursfield, S. The medieval tailors assistant: making common garments 1200—1500 / Sarah Thursfield. — Bedford: Ruth bean Publishers, 2001. — 244 p.
4. Mikhaila, N. The Tudor Tailor: reconstructing 16th-century dress / Ninya Mikhaila, Jane Malcolm-Davies. — London: Batsford, 2006. — 160 p.
5. Дмитриева В. С., Кравченко Д. А., Марычева А. А., Новикова К. С., Пальцева Е. А., Сахарова Н. А., Кузьмичев В. Е. Конструктивная адаптация исторических чертежей конструкций женской одежды под антропометрические данные современных фигур / Молодые ученые — развитию текстильно-промышленного кластера» («ПОИСК»). — Иваново: ИГПУ, 1016. — С. 138—140.
6. Sizing in clothing: Developing effective sizing systems for ready-to-wear clothing / edited by S. P. Ashdown. — Cambridge: Woodhead Publishing Limited, 2007. — 384 p.
7. Москвин, А. Ю. эволюция расчетно-графических методов конструирования одежды в 19 веке / А. Ю. Москвин // Мир науки, культуры, образования. — 2013. — № 6. — С.437—441.
8. Vincent, W.D. F. The cutter's practical guide to cutting and making all kinds of clerical dress / W.D. F. Vincent, A.J. Tonkin. — London: The J. Williamson company limited, 1899. — 136 p.
9. Полный Академический курс кройки мужского платья Первого Вспомогательного Общества С. Петербургскихъ Закройщиковъ. — СПб.: Типо-литография Р. Голике, 1906. — 76 с.
10. Глодзинский К. Новейшая практическая метода кройки платьев и других нарядов дамских и детских. — Варшава: издано автором, 1900. — 46 с.
11. Gordon, S. S. The American coat, vest and trousers system / S. S. Gordon. — New York: J.J. Mitchell, 1895. — 114 p.
12. McCall J. Instruction book for the french and english systems of cutting, fitting and basting. — New York: published by the author, 1881. — 96 p.
13. Stone, C. J. Superlative system of cutting ladies' garments based upon a scientific, sure and simple method. — Chicago: The C. J. Stone co. cutting school, 1897. — 106 p.
14. Беррисъ, К. Школа кройки мужского и дамского платья. — Митава: издано автором, 1906. — 128 с.
15. Исправление дефектов посадки. Система М. Мюллер и сын. Библиотека журнала «Ателье»; под ред. С. Костенко. — М.: ЗАО ЭДИПРЕСС — КОНЛИГА, 2011. — 128 с.
16. Унифрел Алдрич Английский метод конструирования и моделирования. Женская одежда/ Унифред Алдрич; под ред. В. Е. Кузьмичева. — М.: «ЭДИПРЕСС — КОНЛИГА», 2008. — 208 с.

Основание Русской Православной Миссией духовных школ в Японии во второй половине XIX — начале XX в.

Федорова Татьяна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент;
Степанов Александр Викторович, магистрант
ФГБОУ ВО Иркутский государственный университет

В данной статье рассматривается образовательная деятельность Русской Православной Миссии в Японии во второй половине XIX — начале XX в. Анализируются проблемы, с которыми сталкивается руководитель Миссии Святитель Николай во взаимодействии с коренным народом Японии в процессе распространения православия. Раскрываются вопросы создания в Японии православных образовательных учреждений, духовных семинарий, катехизаторских училищ.

Ключевые слова: Русская Православная Миссия, Святитель Николай, Япония, образование, семинария, подготовка переводчиков

Начало процесса формирования русской православной миссии в Японии связано с деятельностью молодого миссионера-священника-монаха Николая (в миру Иван Дмитриевич Касаткин) [1], который прибыл в Хокодате во II половине XIX в. в период правления императора Комэя в эпоху бункю 文久 (1861—1864 гг.). Первоначально назначенный капелланом в русском консульстве в Хокодате,

он скоро обратил свое внимание на миссионерскую работу среди японцев, крестя здесь первых новообращенных. В период правления династии Токугава, православная евангелизация в стране была немыслима, и молодой священник начал свое знакомство с Японией, с изучения языка, японской литературы, культуры, японских обычаев. Эта напряженная работа продолжалась 8 лет в некоторой изоляции

от дипломатического корпуса. Он завоевал уважение, любовь, признание и в консульстве, и среди японцев. За эти годы он стал одним из лучших знатоков японской литературы, культуры и языка. Он писал: «Один Господь знает, сколько мне пришлось пережить мучений в эти первые годы. Все три врага — мир, плоть и дьявол — со всей силой восстали на меня и по пятам преследовали за мной, чтобы повергнуть меня в первом же узком месте» [2, с. 55]. Святитель Николай провозгласил православное христианство по всей стране и был назначен первым епископом Японской Православной Церкви. Он переместил свою штаб-квартиру из Хакодате в Токио около 1863 г. [3].

Запрет «нечестивой христианской веры» стал ослабевать лишь после буржуазной революции 1868 г., когда правительство Мэйдзи обратилось «лицом к Западу» и император Мутсухито, годом раньше вступивший на японский престол, проявил дружелюбное отношение к европейцам. Впрочем, и после 1868 г. вооруженные нападения на христиан в Токио, Йокогаме, Киото были частым явлением [4, с. 10].

В 1868 г. Русский Православный Священный Синод одобрил его работу и способствовал официальному созданию православной миссии в Японии в 1871 г, которая быстро завоевала популярность. Святитель Николай начал крещение коренного населения Японии, которые в последствии и стали первыми священнослужителями. В 1880 г. Николай Касаткин был рукоположен в епископы, в этот же период начинается и деятельность мисси по созданию в Японии православных образовательных учреждений. Стоит отметить, что в 1886 г. в Японской Православной Церкви было более 10 000 верующих [3], которые так нуждались в священнослужителях.

Поэтому работа Миссии была связана не только с духовным образованием, но и открытием специальных учебных заведений, а также предусматривала также и светское образование. При этом многие японцы по направлению Миссии в дальнейшем получали образование в России.

Образовательная программа Миссии была исключительно обширна. Глава Миссии считал необходимым пополнять количество катехизаторов путем привлечения православных людей из местного населения. Вести проповедь, учить основам веры, опираясь только на силы членов Миссии, не принесло бы ощутимых результатов. Было необходимо основать ряд духовных педагогических заведений, ориентированных на подготовку низшего духовенства.

Первым учебным заведением, основанным отцом Николаем было катехизаторское училище (1873 г.), нацеленное на подготовку проповедников из местного населения. Главным учебным заведением Миссии явилась Духовная семинария, которая была открыта в 1875 г. Первый выпуск семинарии состоялся в 1882 г. Здесь обучались по программам средних учебных заведений. Важное место отводилось преподаванию языков, истории России и Японии. Преподавателями в младших классах были лучшие воспитанники семинарии, в старших классах — лица

с академическим образованием. Во главе педагогического персонала стоял сам отец Николай, часто дававший уроки в старших классах. Поступали в семинарию малолетние японцы, по большей части не из христиан. «Если кому понравится христианство — принимает крещение и остается оканчивать курс» [5, с. 348]. Преподавание в Духовной семинарии велось на японском языке, хотя учебники попадались русские. В классах сидели по-японски — прямо на полу, причем вместо парт служили низкие скамейки. Начиная с пятого класса, семинаристы учились произносить проповеди.

«Учащиеся, начиная с самых старших и кончая самыми младшими, крепко сознают, что они учатся для того, чтобы быть проповедниками учения Христова в своей стране, покрытой мраком язычества, и что они сами должны быть достойны будущего звания. Здесь нет и тени той мертвечины и рутинности, которая так пышно процветает в наших российских семинариях. Напротив, в токийской семинарии от всего дышит жизнью, энергией и сознанием важности и величия предстоящей, по выходу из учебного заведения, деятельности» [6, с. 87–91].

Вскоре была основана семинария для девушек, где в программу обучения, кроме Закона Божьего, были включены рисование, пение, навыки домоводства и шитья. Популярность женской семинарии росла год от года, и она по праву была признана одной из лучших школ в Японии. Вначале женская семинария располагалась в ветхом доме и существовала в значительной степени только на пожертвования. Первая директриса семинарии М. А. Черкасова постоянно обращалась к меценатам с просьбами о пожертвованиях, обращая их внимание на сложное положение учебного заведения для девушек. «Отец Николай не имеет средств для женской половины японского христианского общества. Ему едва хватает на мужское отделение миссии. Я со своей стороны бесконечно благодарна за то, что им сделано: им положен прочный духовный фундамент, возбуждено в детях желание слышать слово Божие и ревностное искание сообразовать свою жизнь с духом христианского учения. Что касается удовлетворения материальных нужд, то много и того, что им все-таки уделено, хотя временное и какое ни есть помещение, и бедным детям дается пища и одежда» [7, с. 80].

Кроме Духовной семинарии и Семинарии для девушек были открыты и другие учебные заведения: катехизаторское училище, женское училище, училище причетников, училище для детей в Хакодате. Благодаря стараниям отца Николая образовательные успехи Духовной Миссии были очевидны. Так к 1904 г. число обращенных христиан составило 28597 человек, число общин возросло до 260. Священников было 28, диаконов — 7, катехизаторов — 151, причетников — 12 [5, с. 347].

Несмотря на постоянные финансовые проблемы, Духовная Миссия достигла очевидных успехов в области образования. За первые сорок лет учебные заведения Миссии закончили около тысячи человек, которые успешно

использовали знание, полученные в родных школах. Многие продолжали заниматься богословскими науками, изучением русской литературы и общественной мысли.

Одним из первых выпускников семинарии был Мии Митиро (1859—1940). После пятилетнего обучения в Киевской Духовной Академии он приступил к преподаванию в Токийской семинарии и активно помогал отцу Николаю и его преемнику митрополиту Сергию (1871—1945), вначале в сане иерея, а затем и как протоиерей.

Точное количество учеников, прошедших обучение в православных семинариях установить трудно. Число поступавших колебалось год от года, не всем удавалось своевременно окончить эти учебные заведения. Разные исследователи называют число порядка тысячи человек. Многие из учеников были направлены после окончания семинарии в Россию — в четыре Духовные Академии — в Петербург, Киев, Москву и Казань. К сожалению, о них сохранились только отрывочные сведения.

Кроме обучения духовным и светским наукам большое значение в педагогической деятельности Миссии придавалось певческому мастерству, хоровому пению. Святитель Николай писал: «... Вообразите душевный процесс японца. Много значит хорошее мелодичное пение; как необходимо оно в церкви вообще и особенно там, где на внутреннее убеждение человека нужно действовать через его внешние чувства» [8, с. 73]. Первый церковный хор был создан в Хакодате под началом псаломщика В. Сартова в 1873 г. После его кончины певчих обучал Яков Дмитриевич Тихай.

Рассмотрение педагогической деятельности Миссии останется не полным, без такого важного аспекта, как подготовка при Духовной Семинарии переводчиков из числа молодых россиян. Россия нуждалась в таких специалистах еще до открытия Духовной Миссии. Идея обучения сотрудников российского консульства японскому языку принадлежала вице-адмиралу Е. В. Путятину и первому консулу И. А. Гошкевичу. Они неоднократно обращали внимание на языковые проблемы, которые мешали установлению повседневных контактов с местным населением, также и дипломатическим отношениям [9, с. 64].

В известной степени решить эту проблему позволила помощь Миссии, что подтверждают следующие примеры. Первые ученики из России — Федор Легасов и Андрей Романовский, были прикомандированы к Миссии в 1902 г. Оба провели в Японии более четырех лет. Удачный опыт подготовки в Семинарии переводчиков-японистов побудил управление Заамурским округом обратиться к главе Российской Духовной Миссии в Токио с просьбой принять для обучения в Семинарии 26 подростков. Св. Николай разрешил прислать не более 10 человек. К началу 1910/11 учебного года при Миссии учились 13 учеников, приехавших из России.

Об успехах учеников-переводчиков можно судить по замечаниям Заместителя председателя правления КВЖД А. Венцеля, который обратил внимание на помощь Св. Николая, его продуманную систему обучения русских

учеников японскому языку (русские юноши жили вместе с японскими учениками, что способствовало быстрому усвоению языка) и важность данной работы для службы на Дальнем Востоке [9, с. 65]. Стоит отметить, что кроме воспитанников, посланных на обучение администрацией Дальнего Востока, в Семинарии в других учебных заведениях Миссии проходили подготовку также ученики, принятые по ходатайству частных лиц.

Усвоению изучаемого языка русскими учениками способствовали поездки по стране для знакомства с достопримечательностями Японии. В программу входил посещение Токийского университета, встречи с соотечественниками, совместные праздники, спортивные занятия, спектакли. Подготовка специалистов-переводчиков в целом проходила достаточно успешно, о чем вспоминал российский посол в Японии Н. А. Малевский-Малевиц, ученые Д. М. Позднеев, С. Г. Елисеев [9, с. 66]. Следует отметить, что практика подготовки переводчиков не прекратилась и со смертью св. Николая. Газета «Россия» в 1912 г. сообщала об очередном выпуске переводчиков и направлении их на воинскую службу.

Бесспорно, педагогическая деятельность Миссии имела большое практическое значение и способствовала решению многих политических, дипломатических задач, упрочению культурных связей между двумя странами в начале XX в. Но, стоит отметить и тот факт, что Миссия обязана своими образовательными успехами непосредственно и св. Николаю, который следил за учебными планами образовательных учреждений, заботился об их педагогическом составе, по-настоящему болел за своих учеников, близко к сердцу принимал их заботы. Св. Николай корректировал учебные планы, действовавшие в школах Миссии, посещал Катехизаторскую школу, Семинарию в дни экзаменов. «На экзамене по Литургике в обоих классах Катехизаторской школы, — записал в дневнике св. Николай, — к удовольствию моему нашел, что все довольно исправно выучили краткий учебник; прилежание показали». С удовлетворением св. Николай отмечал и успехи слушателей Семинарии: «На экзамене в Семинарии: в третьем классе, где одиннадцать учеников, и в четвертом, где десять учеников, по Церковной истории и отчасти по Русской гражданской истории отвечали порядочно» [10, с. 39].

Таким образом, можно сделать вывод, что образовательная деятельность Русской Православной миссии в Японии внесла большой вклад не только в дело развития православия, но и просвещения и культуры японского народа. Основание в 1875 г. Духовная семинарии, а позднее и Семинарии для девушек говорят об успехах Духовной Миссии в деле просвещения. Не вызывает сомнений и многогранный характер просвятительской деятельности. Создание круга учебных заведений с глубоко продуманной широкой программой, предусматривающих преемственность средней и высшей школы, позволило очень многим японцам получить основательное образование, которое многие из них завершили в России.

Литература:

1. Nicholas of Japan. https://www.revolvy.com/topic/Nicholas%20of%20Japan&item_type=topic (Дата обращения 19.06.2017).
2. Железняк С. Е. История православных миссий. — Набережные Челны, 2011—88 с.
3. 日本の正教会の歴史と現代 История Японской Православной Церкви и теперь (на японском языке). Православная Церковь в Японии. <http://www.orthodoxjapan.jp/daisshukyou.html> (Дата обращения 20.06.2017).
4. Иванова Г. Д. Жизнь и деятельность святителя Николая Японского // Православие на Дальнем Востоке. Памяти святителя Николая, Апостола Японии. — СПб., 1996. Вып. 2. — 56 с.
5. Прохоренко Ф. Русская Духовная Миссия в Японии // Вера и Разум. — 1907. — № 7. — С. 347—348.
6. Архимандрит Сергей. Письма русского миссионера // Богословский вестник. — 1896. — С. 87—91.
7. Архимандрит Андроник. В Японии // Русский вестник. — 1904. — С. 80—91.
8. Иванова Г. Д. Русские в Японии XIX — начала XX века. — М., 1993. — 170 с.
9. Хохлов А. Н. Подготовка русских переводчиков-японистов в Японии и деятельность И. Д. Касаткина // Восток. — 1994. — № 5. — С. 64—66.
10. Северо-Западная Библиейская комиссия. // Духовное просвещение. — 13/26 июня 1903. — С. 39.

Производство материальной части артиллерии на механическом заводе «Красный Арсенал» — заводе № 7 в 1920-х годах

Черенцова Ксения Владимировна, начальник группы отдела организации и сопровождения научной деятельности АО «КБ «Арсенал» (г. Санкт-Петербург)

Статья посвящена описанию деятельности Ленинградского государственного механического завода «Красный Арсенал» по серийному и опытному производству материальной части артиллерии в 1920-е гг. Основу материала составили ранее не публиковавшиеся данные из фондов научного архива Военно-исторического артиллерийского инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС, г. Санкт-Петербург) и архива ОАО «Машиностроительный завод «Арсенал» (ОАО «МЗ «Арсенал», г. Санкт-Петербург).

В статье приводятся сведения о номенклатуре изделий военного назначения, изготавливаемых на заводе «Красный Арсенал» в 1920-х гг. по заказу Артиллерийского Управления РККА, дается описание внутренних организационно-структурных преобразований, нацеленных на усовершенствование системы управления военным производством, что позволяло обеспечивать выполнение серийных и опытных заказов военного ведомства.

Ключевые слова: завод «Красный Арсенал», материальная часть артиллерии, артиллерийская приемка, Косартон, Артиллерийский комитет, ГАУ, АУ РККА, НИАП, А. А. Соколов

Период 1920-х гг. является ярким и одновременно сложным временем начала становления советской оборонной промышленности. Военная промышленность Петрограда — Ленинграда в 1923—1926 гг. (до начала первой пятилетки) находилась в поиске новых форм организации и направлений производства, позволявших обеспечивать выполнение заказов военного ведомства. Несмотря на активное освоение конверсионной продукции, что являлось следствием новой экономической политики и позволяло улучшить или хотя бы поддерживать на постоянном уровне общее финансово-экономическое положение предприятия, крупные военные заводы по возможности сохраняли свою специализацию.

Одним из основных предприятий Петрограда — Ленинграда, выполнявших заказы по изготовлению материальной части артиллерии, был Петроградский арсенал Петра Великого, с начала 1920-х г. — государственный

механический артиллерийский завод (мехартзавод) «Красный Арсенал». Исторически сложившая специфика производства — изготовление, ремонт и модернизация лафетов, колес, зарядных ящиков, передков, средств транспортировки орудий (повозки, платформы), седел и амуниции, принадлежности и инструмента — в постреволюционное время в целом была сохранена руководством предприятия. Значительную роль в этом сыграл производственный задел, сделанный в 1900—1914 гг., когда была проведена крупномасштабная модернизация Петроградского арсенала, превратившая его в современный механический артиллерийский завод артиллерийского ведомства, по своему оснащению полностью отвечающий требованиям времени и имевший все возможности для того, чтобы обеспечивать выполнение заказов Главного Артиллерийского Управления (ГАУ) в условиях нарастающей конкуренции с частными заводами [3, с. 152—153]. Максимум своих производственных

мощностей по изготовлению материальной части артиллерии и ее ремонту в годы Первой Мировой войны Петроградский (до 1914 г. — Санкт-Петербургский) арсенал продемонстрировал в 1915—1916 гг. [4, с. 189, 193—195; 6, с. 554—571].

В первой половине 1920-гг. объем выпуска заводом изделий военного назначения значительно уступал объемам непрофильной продукции [8, с. 37—38], однако основное, профилирующее направление оставалось прежним.

Ведомственная принадлежность мехартзавода «Красный Арсенал» в течение 1920-х гг. изменялась в соответствии с этапами организационного становления советской и, в частности, Петроградской — Ленинградской промышленности [8, с. 32, 34, 63, 64, 67]. При этом единственным заказчиком военной продукции «Красного Арсенала» продолжало оставаться ГАУ (с 28 марта 1924 г. — Артиллерийское Управление Рабоче-Крестьянской Красной Армии (АУ РККА)).

Структура заказов, выполнявшихся на «Красном Арсенале» в 1920-х гг. в интересах военного ведомства, была аналогична дореволюционной, и включала в себя серийное (валовое) изготовление, ремонт и модернизацию артиллерийских систем и материальной части, а также изготовление опытных образцов материальной части артиллерийского вооружения.

Конструкторское сопровождение серийных и опытных работ, выполняемых мехартзаводом по нарядам от ГАУ и других ведомств РККА, осуществлялось военными инженерами-технологами образованной в Петрограде в 1918 г. Комиссии особых артиллерийских опытов (Косартоп), организационно входящей в состав Артиллерийского комитета (Арткома) ГАУ — Р. А. Дурляхова, Н. В. Каратеева, М. Ф. Розенберга, А. А. Соколова и др. [1, Ф. 8р. Оп. 1. Д. 80. Л. 1—1 (об.)].

Система внутри- и межведомственной коммуникации, сопровождающая производственный цикл изготовления или ремонта изделия военного назначения, в описываемый период также сохранила прежнюю структуру. Производственная деятельность на предприятии осуществлялась при непосредственном участии и под контролем со стороны представителей артиллерийской приемки РККА. Продукция военного назначения, выпускаемая заводом, проходила все необходимые этапы контроля и испытаний, которые проводились на Главном Артиллерийском Полигоне (ГАП, затем — Научно-исследовательский артиллерийский полигон (НИАП)).

Так, согласно Журналу Артиллерийского Комитета (ЖАК) № 361 от 30 марта 1925 г., в рапорте районного инспектора артиллерийских приемок сообщалось о конструктивной ошибке, обнаруженной в чертежах лафетов к 3-дм (76-мм) горным пушкам обр. 1909 г., принадлежности и инструмента, направленных для изготовления на «Красный Арсенал», и утвержденных ранее изданным ЖАК № 184/с. После обсуждения в присутствии представителя завода и помощника инспектора артиллерийских приемок, Артком постановил допустить изменения

в чертежах для дальнейшего руководства при изготовлении лафетов и принадлежности, заводу — изготовить по ним требуемые изделия и провести их испытания на ГАПе и составить новый чертеж с внесением необходимых изменений. После успешного проведения испытаний помощником управляющего завода по технической части и районным инспектором артиллерийских приемок в Артком было направлено ходатайство о внесении изменений в чертежи лафетов 76-мм горных пушек обр. 1909 г., для валового производства. ЖАК № 390 от 6 апреля 1925 г. было предписано разрешить заводу внесение изменений при производстве всех лафетов горных пушек, изготавливаемых по программе текущего года, районному инспектору представить чертежи вводимых изменений, но прежде провести еще один цикл испытаний на ГАПе с увеличенным объемом стрельбы, при разных углах возвышения, на разных грунтах и возкой по дорогам различных видов (мостовой, шоссе и грунтовой) [5, с. 23].

Помимо проведения испытаний образцов вооружения и материальной части, изготавливаемых на заводе, напротив, с ГАПа на предприятие направлялись орудия, не прошедшие испытаний и требующие ремонта. Например, 26 сентября 1925 г. во время стрельбы при опробовании лафета 152-мм полевой гаубицы обр. 1910 г. кожуха тела, изготовленный Пермским оружейным заводом, дал продольную трещину во всю толщину, после чего поврежденная гаубица была направлена в артиллерийскую мастерскую «Красного Арсенала». 3 октября 1925 г., при поступлении на завод, были проведены обмеры лопнувшего кожуха, 14 декабря их результаты были направлены в Косартоп с запросом заключения о возможных причинах разрыва [1, Ф. 7р. Оп. 7. Д. 337. Л. 299, 300, 305—307]. 11 января 1926 г. председателем Комиссии В. М. Трофимовым был направлен ответ, в котором сообщалось, что «причины этого повреждения ввиду его исключительного характера подлежат еще выяснению путем подробных всесторонних исследований по указаниям Косартопа при участии артприемщика (А. П. Скорodinского, представителя технической приемки АУ РККА на «Красном Арсенале» — К. Ч.) и соответственном содействии к тому со стороны Арсенала». Также к выяснению причин разрыва кожуха тела лафета по распоряжению В. М. Трофимова был привлечен постоянный член Косартопа инженер М. Ф. Розенберг [1, Ф. 7р. Оп. 7. Д. 337. Л. 315—316].

Рассмотрим, что представляла собой производственная база для изготовления материальной части артиллерии на заводе «Красный Арсенал» и какова была организационная структура для проведения этих работ в описываемый период.

Производственную базу для проведения работ по ремонту, серийному и опытному изготовлению материальной части артиллерии в первой половине 1920-х г. составляли литейный, медно-литейный, кузнечный, прессовый, инструментальный, токарный, деревообрабатывающий, шорный, станочный, слесарно-сборочный цеха, а также химическая

и механическая лаборатории. В середине августа 1925 г. артиллерийское отделение слесарно-сборочного цеха было выделено в отдельный цех [2, Д. 1. Л. 2–2 (об.), 48, 61, Д. 8. Л. 34, 68].

После реорганизации технической части «Красного Арсенала» в мае 1926 г. в ее составе был образован военный отдел, в состав которого вошли бюро по проектированию самоходов, общее военно-конструкторское, монтажное бюро, а также артиллерийско-ремонтный цех [2, Д. 9. Л. 156]. В функции военного отдела входило общее наблюдение за ходом выполнения военных заказов, ремонт артиллерии, организация и проведение опытных работ, обеспечение производственной части чертежами и техническими условиями, ведение переписки с Орудийно-арсенальным трестом (ОАТ) и АУ по вопросам выпускаемой военной продукции [2, Д. 15. Л. 1, 6–6 (об.)].

Для выполнения опытных заказов на предприятии в составе станочного цеха действовала мастерская по опытным работам. С середины февраля 1927 г. она была переподчинена военному отделу [2, Д. 15. Д. 11. Л. 145].

В октябре 1927 г. артиллерийский цех и опытная мастерская были переданы в ведение главного инженера завода, однако в ноябре 1927 г. опытная мастерская была обратно передана в ведение военного отдела. 15 октября 1928 г. военный отдел был расформирован, а его функции переданы другим профильным подразделениям, однако спустя год было принято решение вернуться к уже проверенной схеме управления военным производством, и в октябре 1929 г. на заводе № 7 был образован военно-опытный отдел с собственной производственной базой — военно-опытной мастерской [2, Д. 15. Л. 45; Д. 18. Л. 36; Д. 23. Л. 18, 19].

Ремонт материальной части артиллерии в организационном отношении осуществлялся следующим образом. Поступившее артиллерийское имущество записывалось в заводную книгу и передавалось для освидетельствования по внешнему виду, которое производили арттехники завода. Одновременно с этим материально-заготовительный отдел выписывал в технический отдел извещение о прибывшем артимуществе для оформления заказа с указанием необходимых работ, после чего оно поступало в слесарно-сборочную мастерскую. До выписки требования от слесарно-сборочной мастерской артимущество состояло на учете склада готовых изделий или склада полуфабрикатов. По окончании ремонта оно поступало на склад готовых изделий, где проходило освидетельствование приемщиками АУ РККА и после этого отправлялось по месту назначения [2, Д. 15. Д. 11. Л. 145].

Одной из основных проблем производства в данный период был высокий процент брака выпускаемых изделий. Конечный контроль над качеством выпускаемой продукции и прием военных изделий осуществляла, как было указано выше, артиллерийская приемка АУ, деятельность которой была построена на реализации комплексного подхода

к приему изготовленной и отремонтированной материальной части артиллерии, включавшего в себя разработку необходимых технических условий на всю номенклатуру сдаваемой продукции и полигонные испытания. Как сообщалось в информационном письме АУ

РККА от 25 февраля 1926 г., направленном за подписью начальника АУ РККА П. Е. Дыбенко всем заинтересованным ведомствам и предприятиям, «аппаратом приемки систематически повышаются требования, предъявляемые к качеству принимаемой от заводов продукции; при этом АУ обращает внимание на все заявления артскладов и строевых частей, сделанных по поводу качества артиллерийских изделий. В настоящее время особое внимание обращено на заводской ремонт материальной части артиллерии, который еще не вполне удовлетворителен. Издаваемая в январе с. г. Инструкция на прием ремонта материальной части артиллерии облегчает работу приемки, которая не имела указаний о ремонте артиллерии... По мнению АУ качество изделий, принятых с заводов в 1924–1925 гг. почти возвращается к довоенному...» [1, Ф. 7р. Оп. 7. Д. 338. Л. 374]. Следует отметить, что такое оптимистичное заявление несколько опережало действительное состояние дел с качеством военной продукции.

В дополнение к работе артприемщиков, которые являлись конечными ответственными за качество принятой продукции, в августе 1924 г. в развитие действующей системы контроля качества изделий, изготавливаемых на заводе, была введена должность браковщика, в обязанности которого входил контроль над производством военной продукции в соответствии с чертежным образцом. Его права и обязанности регулировались инструкцией, утвержденной управляющим заводом.

Браковщик прикреплялся к каждому производственному подразделению, все необходимые указания он получал от контрольного мастера или заведующего контрольным отделом. Проверка продукции браковщиком осуществлялась полностью либо выборочно. Обнаруженный брак и количество принятых годных изделий документировались, причем брак разделялся на брак по работе и брак по металлу. Браковщик должен был разбираться в чертежах и технических указаниях к каждому изготавливаемому в мастерской изделию, контролировать своевременное выполнение мастерской полученного заказа. При исполнении новых заказов, особенно валовых, браковщик должен был отслеживать качество первоначально изготовленных двух образцов, чтобы до получения удовлетворительных результатов их обработки мастерская к валовому производству данного изделия не приступала.

Наблюдение за изготовлением изделий предполагало контроль над всеми этапами производства. При этом браковщик не имел права отдать рабочему распоряжение о прекращении работ (если их выполнение шло в ущерб качеству) — он должен был сообщить об этом заведующему цехом и контрольному мастеру или заведующему

контрольным отделом [2, Д. 2. Л. 81–83]. Таким образом, посредством усиления производственного контроля качества на цеховом уровне, на «Красном Арсенале» предполагалось уменьшить объемы брака военной продукции, что в конечном итоге позволяло минимизировать производственные и финансовые расходы. В условиях новой экономической политики хозяйствование с проведением мероприятий по минимизации подобных трат было одним из факторов финансовой устойчивости предприятия. К концу 1920-х гг., с переходом к плановой экономике, мероприятиям по повышению качества придавалось первостепенное значение как имеющим непосредственное отношение к укреплению обороноспособности СССР.

В продолжение работы по стандартизации и упорядочению правил приема материальной части артиллерии в 1927 г. приказом заместителя Народного комиссара по военным и морским делам и заместителя Председателя РВС СССР С. С. Каменева было утверждено «Положение о технической приемке предметов артиллерийского довольствия», где были указаны технические характеристики, которых необходимо было придерживаться при производстве артиллерийской техники [7, с. 107].

Номенклатура материальной части, изготавливаемой на мехартзаводе в описываемый период, включала в себя широкий перечень изделий. Согласно производственным программам 1923–1927 гг., в мастерских «Красного Арсенала» изготавливалась материальная часть для 42-лин. пушки обр. 1910 г., 76-мм горной пушки обр. 1909 г., 48-лин. гаубицы обр. 1909 г., 48-лин. гаубицы обр. 1910 г., 152-мм гаубицы обр. 1909 г., 152-мм гаубицы обр. 1910 г. [2, Д. 11. Л. 112–112 (об.), 113].

Что касается объемов выпуска, то, например, по состоянию на конец декабря 1926 г., шорная мастерская завода выполняла наряды на следующие наименования:

- шнуры для 42-лин. пушки обр. 1910 г. — 11 шт.;
- шнуры для 76-мм горной пушки обр. 1909 г. — 26 шт.;
- шнуры спусковые для 48-лин. гаубицы обр. 1910 г. — 50 шт.;
- шнуры для 48-лин. гаубицы обр. 1909 г. — 30 шт.;
- шнуры для 152-мм крепостной гаубицы обр. 1909 г. — 70 шт.;
- шнуры для 152-мм полевой гаубицы обр. 1910 г. — 30 шт.;
- чехлы на казенную часть люльки и под станину лафета 42-лин. пушки обр. 1910 г. — 11 шт. для каждой;
- принадлежность для 48-лин. гаубицы обр. 1910 г.: чехлов на дульную часть — 2 шт., чехлов на казенную часть — 2 шт., чехлов на прицел — 2 шт., чехлов на лафет — 25 шт.;
- принадлежность для 152-мм крепостной гаубицы обр. 1909 г.: чехлов на дульную часть — 45 шт., чехлов на казенную часть — 45 шт., чехлов на переднюю часть люльки — 45 шт., чехлов на прицел — 45 шт., чехлов на лафет — 45 шт.;

- принадлежность для 152-мм полевой гаубицы обр. 1910 г.: чехлов на дульную часть — 34 шт., чехлов на казенную часть — 34 шт., чехлов на переднюю часть люльки — 34 шт., чехлов на прицел — 34 шт., чехлов под станины лафета — 34 шт.;
- чехлы кожаные для стволов к 3-лин. пулемету Максима (для Тульского оружейного завода) — 2000 шт. [2, Д. 11. Л. 110 (об.)].

Неотъемлемой частью производственной деятельности мехартзавода «Красный Арсенал» было выполнение нарядов на изготовление опытных образцов материальной части артиллерии по указаниям членов Косартопа. Согласно справке Управления снабжения (УС) РККА номенклатура опытных заказов, внесенных в производственную программу Ленинградского мехартзавода 1924/1925 гг., включала в себя следующие работы: изготовление лафета большого обстрела, деталей облегченного пулеметного станка, поворотных механизмов 76-мм пушки обр. 1902 г., прибора и модели зенитного командирского прибора, удерживающего приспособления для стрельбы под большим углом, образца прибора для управления огнем зенитной артиллерии А. А. Соколова, изготовление прицела (вариант 1) и квадранта И. П. Платонова, приспособления для разрыва цепей Галля; переделка пулеметной двуколки обр. 1914 г. для стрельбы во время движения, лафета короткой пушки обр. 1913 г., лафета большого обстрела, а также выработка укладки имущества 76-мм пушки и др. наименования [1, Ф. 7р. Оп. 7. Д. 337. Л. 68–68 (об.); Д. 338. Л. 93].

По состоянию на конец апреля 1925 г. список конструкций, разрабатываемых и подлежащих изготовлению на «Красном Арсенале» по указаниям Косартопа, включал в себя 19 наименований. Среди них — изготовление прицельных приспособлений к 76-мм пушкам обр. 1900 г. для зенитной стрельбы (три варианта), приспособление лафета 48-лин гаубиц обр. 1909 г под ствол 76-мм пушки обр. 1902 г., изготовление лафета из специальной стали для 76-мм пушки обр. 1902 г. с новыми системами подъемного и поворотного механизмов и с откидным сошником, а также изготовление полных систем 45-мм стрелковой пушки малой мощности системы В. Ф. Лендера, 45-мм стрелковой пушки системы А. А. Соколова, 85-мм пушки системы Р. А. Дурляхова, двух стационарных зенитных установок системы М. Ф. Розенберга для 76-мм пушек обр. 1900 г. Кроме этого на мехартзаводе осуществлялось изготовление тела орудия 60-мм стрелковой гаубицы и комплекта бронебойных и осколочных снарядов, картечи и мины, укупорки для патронов, повозки для боеприпасов и двух универсальных приборов для обжимки гильз и изготовления патронов к опытным образцам 45-мм пушки, 60-мм гаубицы и 65-мм мортиры [1, Ф. 7р. Оп. 7. Д. 239. Л. 20–20 (об.)].

Под руководством представителей Косартопа, помимо контроля над выполнением опытных работ на «Красном Арсенале», выполнялись и валовые заказы.

Например, в 1925 г. в условиях дефицита деревянных материалов, в частности, недостатка деревянных ступиц для колес, по заданию начальника АУ РККА В. К. Садлуцкого военными инженерами — технологами А. А. Соколовым и Б. Марковым были разработаны образцовые колеса с металлической ступицей для 152-мм пушек обр. 1904 г. весом в 200 пуд. и 190 пуд., и 152-мм пушек обр. 1877 г. весом 120 пуд. «Красным Арсеналом» были изготовлены 4 колеса по проекту А. А. Соколова и шесть колес по проекту Б. Маркова. Изготовление конструкций опытных образцов и серийный заказ на утвержденные варианты были поручены «Красному Арсеналу» [1, Ф. 7р. Оп. 7. Д. 337. Л. 342, 348–348 (об.), 378–378 (об.), 379, 380].

В 1928 г., после расформирования Косартопа (с февраля 1926 г. — Конартопа — Комиссии научных артиллерийских опытов) в Ленинграде было образовано Конструкторское бюро Артиллерийского комитета (КБ АК), в состав которого вошли ученые и конструкторы, ранее работавшие в Комиссии. Заводом «Красный Арсенал», который к этому времени уже именовался механическим заводом № 7, по-прежнему осуществлялся значительный объем опытных работ в части изготовления материальной части артиллерии в тесном сотрудничестве с теми же специалистами (А. А. Соколов, М. Ф. Розенберг и др.) [1, Ф. 7р. Оп. 12. Д. 9. Л. 114].

Следует отметить, что продолжительность выполнения опытных работ зачастую превышала предварительно установленные сроки. Так, работы по модернизации вращающейся платформы (конструктор В. Г. Шухов), принятой на вооружение артиллерийских частей во время Первой Мировой войны, в общей сложности заняли 4 года.

В октябре 1926 г. согласно распоряжению УС АУ РККА, из артиллерийского дивизиона Украинского военного округа на завод была доставлена одна платформа Шухова под 152-мм осадное орудие весом 200 пудов обр. 1904 г. для устранения конструктивных недостатков, указанных Комиссией по улучшению материальной части Артиллерии Резерва Главного Командования и представителей школы Артиллерии Особого Назначения. Разработка чертежей модернизированной платформы должна была проводиться специалистами Косартопа. Одновременно с этим, по указанию Арткома на НИИАПе должна была проводиться проверка стрельбой, для чего на Полигон должна была быть направлена еще одна платформа [1, Ф. 7р. Оп. 1. Д. 48. Л. 1, 16–16 (об.)].

На завод означенная платформа поступила в разобранном виде в конце ноября 1926 г., к ее сборке приступили в декабре 1926 г. Однако на НИИАПе означенной платформы не оказалось, и, учитывая срочность работ (к 1 февраля 1927 г. чертежи модернизированной платформы должны были быть переданы предприятиям промышленности для выполнения серийного заказа), на Полигон была направлена платформа, уже собранная к этому времени на «Красном Арсенале». На НИИАПе она оказалась

только в январе 1927 г., ввиду чего конструктивные предложения были выработаны инженерами Конартопа — КБ АК в отсутствие полигонных испытаний. Представленные КБ АК чертежи изменений в целом были утверждены (ЖАК по III секции № 81с от 3 февраля 1927 г.), однако после поступления платформы на НИИАП потребовалось внесение в них ряда изменений по указанию А. А. Соколова. Окончательный вариант чертежей платформы Шухова был направлен в Артком только в марте 1927 г. [1, Ф. 7р. Оп. 1. Д. 48. Л. 3–5, 7, 10, 12–12 (об.), 17 (об.), 25, 27] /

В апреле 1927 г. КБ АК получило задание на составление с натуры чертежей приспособлений для перевозки платформы (передка, подкладок, ключа, тормозного башмака, стяжек и ящика для укладки мелких частей), а также разработку к передку платформы тяги для перевозки на тракторе типа «Хольт» в 75 сил [1, Ф. 7, 10, 12–12 (об.), 17 (об.), 25, 27].

Изготовление валовой партии платформы Шухова к 152-мм осадному орудю весом 200 пудов обр. 1904 г. также было поручено «Красному Арсеналу» (заказ ОАТ от 2 апреля 1927 г за № АТ-3304), однако первые два комплекта чертежей изделия были доставлены на завод из КБ АК только в августе 1927 г., досылка дополнительных экземпляров на платформу и принадлежности продолжалась по ноябрь 1927 г. включительно.

Одновременно с этим КБ АК была поручена разработка способа укладки платформы Шухова на 3-тонные прицепы повозки, для чего потребовалась доставка на завод чертежей такой повозки и собственно повозки. Переписка о представлении всего необходимого между заводом, КБ АК с одной стороны, и Арткомом с другой стороны продолжалась до марта 1928 г. [1, Ф. 7р. Оп. 1. Д. 48. Л. 29, 32, 35–37, 40–44, 52].

К октябрю 1928 г. заводом были собраны две платформы Шухова, также конструкторами военно-конструкторского бюро завода для усиления платформы были внесены предложения по изменению и дополнению разработанной КБ АК походной укладки, для чего один экземпляр платформы в декабре 1928 г. был направлен на НИИАП для испытания возкой и стрельбой. Окончание выполнения валового заказа (ремонт 12 и изготовление 38 платформ) было запланировано к 1 октября 1929 г. [1, Ф. 7р. Оп. 1. Д. 48. Л. 56–56 (об.)]

Выполнение наряда по укладке платформы на снарядную прицепную повозку механической тяги, несмотря на успешно проведенные полигонные испытания, было начато с задержкой, ввиду оттягивания ОАТ оформления наряда. В итоге, в августе 1929 г. начальником КБ АК В. В. Ивановым было принято решение о выполнении этой работы по указаниям А. А. Соколова за счет КБ АК. Заказ по разработке укладки платформы Шухова на повозку был выполнен к 1 января 1930 г. (протоколом заводского совещания от 15 февраля 1929 г. окончание разработки укладки было запланировано к 15 февраля 1930 г.) [1, Ф. 7р. Оп. 1. Д. 48. Л. 62, 63, 65].

В числе опытных работ, запланированных на 1929—1930 гг. и выполненных в мастерской ВОО завода № 7, были изготовление нового зарядного ящика для полковой артиллерии (в двух вариантах), изготовление пулеметной двуколки и выючного приспособления к ней системы А. А. Соколова, опытных металлических лотков для 115-мм английской гаубицы, прибора для автоматического заряжания 76-мм пушки обр. 1902 г. системы Самойлова, приспособления для постановки нормализованного прицела и постановка приспособления на 122-мм гаубицы. обр. 1909 г., 115-мм и 203-мм английские гаубицы, походного двухстороннего крепления 48-лин. гаубицы обр. 1910 г., металлических колес для передка 152-мм гаубицы Веккерса 150, 190 и 200 пуд. и 150-мм французской пушки на существующей оси, а также переделка зарядного ящика обр. 1900 г. под удлиненный патрон, модернизация лафета 76-мм пушки обр. 1902 г. (в трех вариантах). Были и заказы, выполнение которых откладывалось в связи со значительной нагрузкой отдела — заказ на изготовление опытных образцов 76-мм батарейной мортиры (вар. 1), лафета 76-мм пушки в 22 калибра, зенитной установки под французскую пушку системы М. Ф. Розенберга [1, Ф. 7р. Оп. 12. Д. 9. Л. 556 (об.), 557—557 (об.), 558—558 (об.)].

В марте 1929 г. по итогам заседания по вопросам модернизации вооружения под председательством начальника АУ Г. И. Кулика были взяты под особый контроль ОАТ, Мобилизационно-планового управления и Главного военно-промышленного управления Высшего Совета Народного Хозяйства СССР по срокам исполнения порученные заводу № 7 разработка способа возки снарядов дальней стрельбы и изготовление опытного образца 76-мм батарейной мортиры разработки КБ Научно-технического комитета (НТК) АУ (вар. 3). Данный заказ осуществлялся заводом № 7 в кооперации с заводом «Большевик», который отвечал за поставку ствола орудия [1, Ф. 7р. Оп. 12. Д. 9. Л. 329, 332, 556].

Такой объем номенклатуры опытных изделий материальной части артиллерии зачастую превышал производственные мощности военно-опытной мастерской завода

№ 7, в связи с чем выполнение нарядов в срок выполнялось при значительных усилиях со стороны инженеров и рабочих завода. Так, 6 декабря 1929 г. в КБ НТК АУ состоялось заседание с участием начальника КБ НТК В. В. Иванова, районного инспектора приемок АУ Г. Д. Гродского, помощника директора завода № 7 по технической части Н. К. Перфилютова, заведующего опытной мастерской И. П. Платонова, на котором обсуждалось состояние опытного производства на заводе. Участниками было отмечено недостаточное планирование поступления заказов в мастерскую, сбои в поставках от смежников, что вызывало смещение сроков выполнения нарядов уже заводом № 7. В результате было принято решение о необходимости дооснащения военно-опытной мастерской необходимым оборудованием и увеличения в ее штате квалифицированных инженерных кадров. Кроме этого, насущной необходимостью было упорядочение организационной составляющей производства, в связи с чем было высказано предложение снять с военно-опытного отдела обязанность ведения серийных заказов, чтобы иметь возможность сосредоточиться на опытных и выработать конкретный и посильный для завода план выполнения заданий с четкой последовательностью, установленной АУ совместно с ОАТ [1, Ф. 7р. Оп. 12. Д. 9. Л. 329, 332].

Таким образом, к концу 1920-х гг. Ленинградский государственный механический завод «Красный Арсенал» — механический завод № 7 сохранил исторически сложившуюся специализацию по производству материальной части артиллерии в сложных условиях восстановления советского оборонно-промышленного комплекса после Гражданской войны. Имея многолетний опыт выполнения заказов военного ведомства и на протяжении всего времени своего существования оставаясь государственным (казенным) заводом, предприятие сохранило производственную инфраструктуру и внутриведомственные связи, необходимые для реализации профильных серийных и опытных работ, что послужило основой для последующей деятельности завода по освоению производства новых видов артиллерийского вооружения в предвоенные 1930-е гг.

Литература:

1. Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (АВИМАИВиВС).
2. Архив ОАО «Машиностроительный завод «Арсенал».
3. Барсуков Е. З. Артиллерия русской армии (1900—1917 гг.). М.: Военное издательство, 1949. Ч. 2. — 343 с.
4. Генерал В. С. Михайлов. 1875—1929. Документы к биографии. Очерки по истории военной промышленности. М.: РОССПЭН, 2007. — 424 с.
5. Краткие извлечения из журналов и надписей Артиллерийского комитета за март, апрель и май 1925 года. М., 1926. — 66 с.
6. Родзевич В. М. Историческое описание Санкт-Петербургского арсенала за 200 лет его существования: 1712—1912 гг.: в 3 частях. — СПб., 1914. — 626 с.
7. Щерба А. Н. Военная индустрия Санкт-Петербурга — Ленинграда в 1900—1940 гг. (научно-исторический труд). М.; СПб.: «Политехника-сервис», 2012. — 448 с.
8. Щерба А. Н. Военная промышленность Ленинграда в 20—30 годы. СПб.: «Нестор», 1999. — 162 с.

ЭТНОГРАФИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Туркменская этнография в 20-е годы XX века

Диванкулиева Бике Худайбердыевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель
Туркменский государственный университет имени Махтумкули (г. Ашхабад)

20-е годы XX столетия были годами становления этнографии в Туркменистане. В 1925 году открылся Туркменский научно-исследовательский институт, где было создано этнографическое бюро [1]. Здесь трудились Г. И. Карпов, И. Н. Иомудская-Бурунова, А. А. Карелин, Н. В. Брюллова-Шаскольская и другие этнографы. В плане работ бюро на 1926 год предусматривалось проведение первой этнографической экспедиции в населенные пункты Туркменистана, в задачи которой входило исследование быта, обычаев и обрядов, народного творчества туркмен. Этнографическое изучение охватывало следующие направления, отраженные в плане: «1) костюм; 2) украшения; 3) утварь; 4) орудия; 5) оружие; 6) формы дворов, домов, дверей, печей; 7) техника обработки земли; 8) домашние работы: пряжа, ткань, плетение, стряпня: съемка и зарисовка. Отличия орнамента: дверные украшения, ковры, одеяла и т. д. Детские куклы и другие игрушки (сбор). Игры детей и взрослых (запись и съемка). Народная медицина, приметы, культ предков, обряды с огнем и т. д. Обряды свадьбы, родов, похорон, сельскохозяйственных праздников. Записи поговорок, загадок, исторических преданий, локальных и этнологических легенд и сказок» [ЦГАТ. Ф. 67. Оп. 1. Д. 70].

Научная экспедиция была призвана охватить практически все стороны быта туркмен. В дни подготовки к ней руководство института направило письмо известному востоковеду, академику В. В. Бартольду с просьбой взять на себя общее руководство этнографическими исследованиями. Учёный находился в то время в научной командировке в Константинополе, откуда и написал ответное письмо, где, в частности говорится: «Не имея возможности отправиться в Туркмению для личного участия в намеченных этнографических работах, я готов быть полезен участникам этих работ, чем могу... Для изучения быта было бы важно проследить изменение бытовых условий во все времена года. Этот вопрос не включен ясно в программу работ... Конечно, все это имеется в виду» [ЦГАТ. Ф. 67. Оп. 1. Д. 52. Из письма В. В. Бартольда от 7 июля 1926 года].

Первая туркменская научная этнолого-антропологическая экспедиция состоялась весной-летом 1926 г., с 19 апреля по 19 июня и была направлена на исследование быта населения восточного Туркменистана. Она получила

впоследствии название Амударьинской, так как ее маршруты пролегли, в частности, в прибрежных районах Амударьи, в округах Керки и Гызылаяк. Экспедиция включала в себя этнографов, студентов-антропологов, художника, переводчика. Руководила исследованиями Амударьинской экспедиции этнограф, профессор Н. В. Брюллова-Шаскольская. Экспедиция объединилась с санитарно-обследовательским отрядом народного комиссариата здравоохранения Туркмении и общества Красного Полумесяца республики, что оказалось полезным. Обследование быта населения: жилищ, пищи, брачного уклада, традиций народной медицины производилось совместными силами, а лечебная работа помогала доверительному отношению населения к этнографам [ЦГАТ. Ф. 67. Оп. 1. Д. 166].

Экспедиция побывала в 13-ти селах Керкинского и Гызылаякского округов, в каждом из которых останавливалась 3–4 дня. В полевом дневнике Н. В. Брюлловой-Шаскольской есть описания жилых домов тех лет, одежды и украшений населения: «Постройки 2-х этажные, обнесенные высокой оградой, внутри кибитка. Домотканые материи — *мата* идут только на мужские халаты, женщины одеты в халаты из пестрых фабричных ситцев и только высокие головные уборы — *хатабы*, нередко ярко и красиво вышиты от руки. Туркменка носит много украшений из бисера и серебра.» [ЦГАТ. Ф. 67. Оп. 1. Д. 70].

Амударьинская экспедиция была успешной. Этнографы записали родословные — шеджере, народные сказки и песни, описали обычаи и обряды, сделали множество рисунков жилых домов, домашней утвари, одежды и украшений, деревянных резных дверей, столбов, сундуков. Несколько серебряных нагрудных женских украшений — *тумар* и детских игрушек ручной работы были сданы по приезду в фонд института. Первая туркменская этнографическая экспедиция способствовала становлению в Туркменистане науки о народах, накоплению научного материала, ознакомлению и применению методов сбора сведений в полевых условиях и их систематизации.

В 1927 году туркменский научно-исследовательский институт был преобразован в Туркменский государственный институт культуры (Туркменкульт). Перед зданием института в Ашхабаде были установлены скульптуры «Туркмен» и «Туркменка» работы Е. Р. Трипольской,

как бы символизирующие направления исследований Туркменкульта [2]. Е. Р. Трипольской принадлежат строки о самобытности туркменской национальной вышивки, написанные в 1928 году: «Меня приводит в восторг проявление такого смелого самостоятельного подхода к машине (швейной. — Д. Б.), указывающего на неустанное творческое начало в народе, сумевшего использовать удобства машины и не исказить своего стиля. Интересно умение приспособить ручную нитку (шелк) для машины. Все это говорит о больших художественных дарованиях народа и большой его любви к своему национальному декоративному искусству. Вещи, сделанные машиной, являются частично машинными, дополненными ручной вышивкой. Причем увязка так хороша, что совершенно не режет глаз и заметна только при тщательном изучении» [ЦГАТ. Ф. 67. Оп. 1. Д. 70. Из блокнота Е. Р. Трипольской]. Эти слова не потеряли своей актуальности и сегодня. Повседневные и праздничные наряды туркменок в наши дни украшают прекрасные ручные вышивки.

Туркменкульт состоял из 8 секций, в том числе секции этнографии и искусства. Сотрудники секции вели исследования в области культурного наследия туркменского народа, собирали этнографические предметы для краеведческого музея, организовывали курсы краеведения для учителей. Институт с 1927 по 1931 год издавал научно-популярный журнал «Туркменоведение» на туркменском и русском языках, где регулярно печатались этнографические статьи.

В зимние дни 1928 года состоялась этнолого-лингвистическая экспедиция, в которой приняли участие научные сотрудники института. Были проведены исследования среди населения Юго-Западного Туркменистана — в Кара-Кала и Кызыл-Арвате (ныне г. Сердар), собран обширный материал по духовному наследию туркмен. Научные результаты

этой экспедиции были напечатаны в то время в нескольких номерах журнала «Туркменоведение».

Научными сотрудниками секции этнографии разрабатывалась и методика полевых исследований. В частности, в рабочей записке 1929 года, где отражены задачи по сбору этнографического материала, говорится: «1. Провести запись родовых названий. 2. Выяснить, какие родовые деления считаются старшими. 3. Записать сохранившиеся предания. 4. Весь собранный материал должен иметь сведения о том, кем сообщен» [ЦГАТ. Ф. 67. Оп. 1. Д. 210].

Осенью 1930 года этнографическая секция приняла участие в этнолого-лингвистической экспедиции Туркменкульта в Мерв и Иолотань. Были собраны сведения по материальной культуре населения, изучены основные типы жилища, хозяйственные сооружения, средства передвижения, орудия производства, использовавшиеся в сельском хозяйстве, в кустарных промыслах и ремеслах. Также произведена фотосъемка жилищ, сельскохозяйственного орудия — *кунде*, мыловаренных и кожевенных мастерских, туркменской национальной обуви — *ковуш*, средств передвижения — *ховут* и других предметов. Собрано до 1500 слов-терминов, наименований предметов материальной культуры, а также народных песен и детских поэтических считалок, составивших 24 листа машинописного текста [ЦГАТ. Ф. 67. Оп. 1. Д. 210]. Этнолого-лингвистическая экспедиция Туркменкульта 1930 года способствовала сбору обширных полевых сведений по материальной и духовной культуре туркмен. Научный опыт, приобретенный в этнографических экспедициях тех лет, был значимым для дальнейших исследовательских работ.

Список сокращений

ЦГАТ — Центральный государственный архив Туркменистана

Литература:

1. Васильева Г. П. История этнографического изучения туркменского народа в отечественной науке. М., 2003. — с. 10.
2. Саурова Г. Монументальное искусство Ашхабада // Памятники Туркменистана. Ашхабад, 1981, № 2. — с. 39.
3. ЦГА Туркменистана, фонд 67, опись 1, дело 70.
4. В. В. Бартольд посетил Туркменистан в 1904 г.
5. ЦГАТ, ф. 67, оп. 1, д. 52. Из письма В. В. Бартольда от 7 июля 1926 г.
6. ЦГАТ, ф. 67, оп. 1, д. 166.
7. ЦГАТ, ф. 67, оп. 1, д. 70.
8. ЦГАТ, ф. 67, оп. 1, д. 190. Из рукописи Е. Р. Трипольской.
9. ЦГАТ, ф. Р 67, оп. 1, д. 210.

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Происхождение названий древних городов Брянской области

Федченко Олег Дмитриевич (г. Брянск)

Статья посвящена лингвистическому анализу топонимов Брянской области. Предложен метод систематизации топонимов по их географическому местоположению и особенностям. Новый подход позволяет выявить расселение и миграцию древних племен на территории Брянской области. Предложенная статья дает возможность уточнить археологические и исторические аспекты жизни древних людей в центральной России.

Ключевые слова: топонимика, этимология, центральная Россия, Брянская область

В известном летописном «Списке русских городов дальних и ближних» упомянуты 6 городов, ныне относящихся к Брянской области: Брянск, Трубечск, Попова гора, Стародубь, Меглинъ, Карачевъ [1, с. 623–624].

Кроме перечисленных в регионе имеется еще несколько городов, уходящих корнями в древность. К таковым можно отнести Вщиж, Погар (Радогощ), Почеп, Жирятино, Сураж, Рогнедино, Севск.

Брянские города можно разделить на три группы. Первые — вышеупомянутые (за исключением Севска и Трубчевска) имеют самобытные топонимы. Вторые — получили свое имя от реки, на берегах которой расположены (Навля, Унеча, Севск, Трубчевск, Злынка). Третья группа — это, своего рода, «новоделы», сравнительно

молодые Новозыбков, Клинцы, Климово, Жуковка, Дятьково и другие.

Посмотрим на первую группу брянских топонимов.

Как уже было отмечено, основной пласт гидронимов центральной России имеет балтское происхождение [2, с. 62]. Стоит предположить, что аналогичная ситуация наблюдается и с древними топонимами Брянской области, которая до славянизации находилась в ареале распространения балтских племен.

В конце III — начале II тыс. до н. э. в бассейне Днепра появились племена шнуровой керамики или боевых топоров. По мнению большинства археологов, они стали предками германцев, балтов и славян, отмечает П. Н. Третьяков [3, с. 69]:

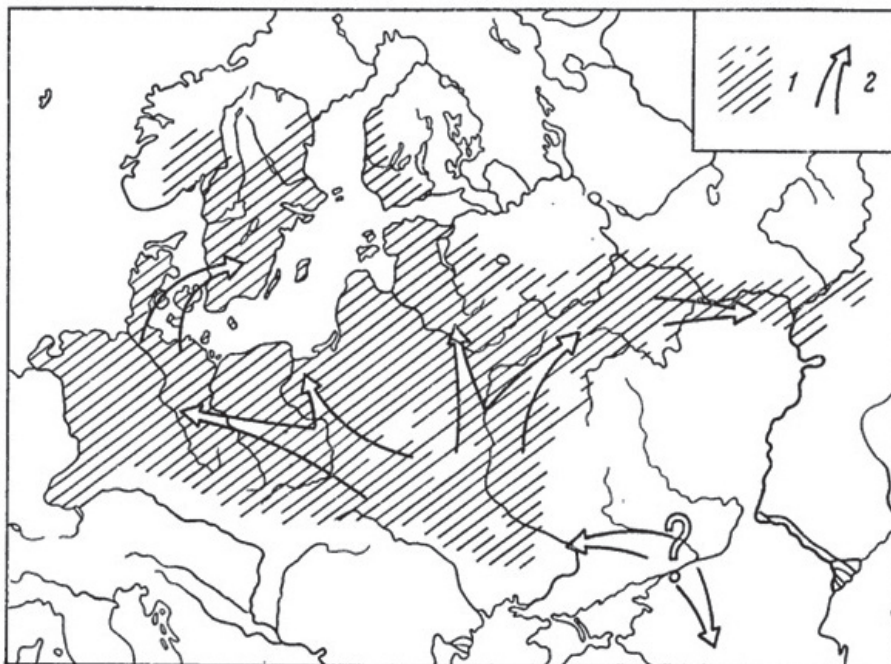
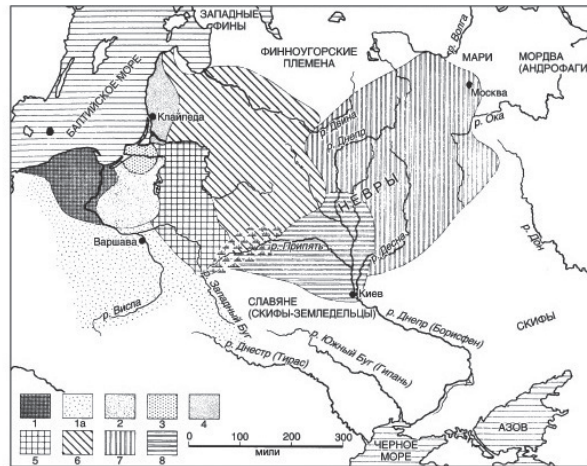


Схема расселения племен шнуровой керамики в конце III—начале II тыс. до н. э.

1 — области расселения; 2 — предполагаемые направления передвижения.

При этом, в дальнейшем делается вывод, что Среднее Поднепровье является территорией, на которой сложились основы балтской группы племен [3, с. 111–112].

С другой стороны, подтверждение, что Брянская область была «родиной» балтских племен можно увидеть и у М. Гимбутас в работе «Балты. Люди янтарного моря» [4, с. 88]:



Группы балтов раннего железного века: 1 – культура лицевых урн, Померания и низовья Вислы; 1а – зона проникновения культуры колоколовидных могил, IV и V вв. до н. э.; 2 – западномазурская группа (возможно, грусские галиндяне); 3 – зембско-нотангская группа; 4 – нижненемецкая и западно-латвийская группа (древние курши); 5 – восточномазурская группа судовян (ятвягов); 6 – группа носителей культуры гребенчатой керамики, замесившей литовцев, селя, латгалов и земгалов; 7 – культура гладкой керамики восточных балтов; 8 – милорадская группа (VII–VI вв. до н. э.)

Кроме того, автор отмечает, что «брянцы» тех далеких времен устраивали укрепленные холмовые поселения на высоких берегах рек и протоках между озерами, у мест впадения небольших ручьев в крупные реки [4, с. 105].

Теперь возвратимся к нашим топонимам. И начнем изучение с областного центра.

Первое летописное упоминание **Брянска** датировано 1146 годом: «...и Двдвича идоста к Добрянскоу... Двдвича пришедша. стага Дьбрянскѣ ... В то же верема выбѣгоша посадничи Володимери. Изаслави. из Ватици. изъ Брѣнска. и изъ Мьченска. и изъ Блеве. и ѿтуда иде Девѣгорьскоу. иде заемъ вси Ватици и Добрянскѣ и до Воробинѣ Подеснье Домагощѣ. и Мценескѣ». [5, с. 28–30] Здесь стоит обратить внимание на примечания в отношении выражения «к Добрянскоу» — «Начальное д соскоблено и по нему позже написано о: ко; слѣдующая затѣмъ буква о передѣлана въ д, а подъ дугой надъ строкой надписано ъ: ко дьбрянскоу».

Очевидно, что первоначальное название города — Брянск. Данное утверждение убедительно доказано исследователями Н. Е. Ющенко [6, с. 295–298] и Б. М. Поповым [7, с. 328–347]. Сомнение в первоначальном *дь* — высказана и В. А. Никоновым в «Кратком топонимическом словаре» [14, с. 68]. Впрочем, пока официальной версией по-прежнему остается происхождение названия «Брянск» от древнерусского слова «Дьбрянскѣ», образованного от слова *дебри*. Однако, все-таки, следует признать, что это лишь созвучное сопоставление.

Вряд ли древние давали название поселениям ради упражнения в красноречии. Главным признаком было ориентирование в пространстве и отражение местных особенностей. Поэтому посмотрим на Брянск именно в такой плоскости. Тогда можно выделить следующие характерные черты:

- крутой правый берег реки (историческими местами поселения являются Чашин курган и Покровская гора);
- излучина реки Десны;
- два левых притока (Болва и Снежить), расположенные напротив;
- возвышенности, изрезанные оврагами (Судки), заболоченность, влажность (грязь) местности (высыхающая в жаркую погоду).

И все перечисленные особенности, в той или иной мере, оказываются заключенными в балтском слове *branka* (сюда же *branksoti, brinkti*) — *набухать, вздыматься, торчать, громоздиться*. В основе лежит индо-европейский корень *bhren-*, что есть *круто выступающий, возвышающийся* [12, с. 167]. При заимствовании *-k-* было воспринято славянами как уменьшительный аффикс [например, 15, с. 14].

Так же стоит отметить, что в словообразовании могла быть задействована и частица *di*, указывающая на усиление корня (в нашем случае — *достаточно высокое место*) и порождающая звучание названия поселения как «де Брянск».

В историко-лингвистическом аспекте интересным представляется, что слово *branka* могло быть германизмом (древнескандинавским) [10, с. 98]. Впрочем, это тема для отдельного исследования историков, археологов и лингвистов.

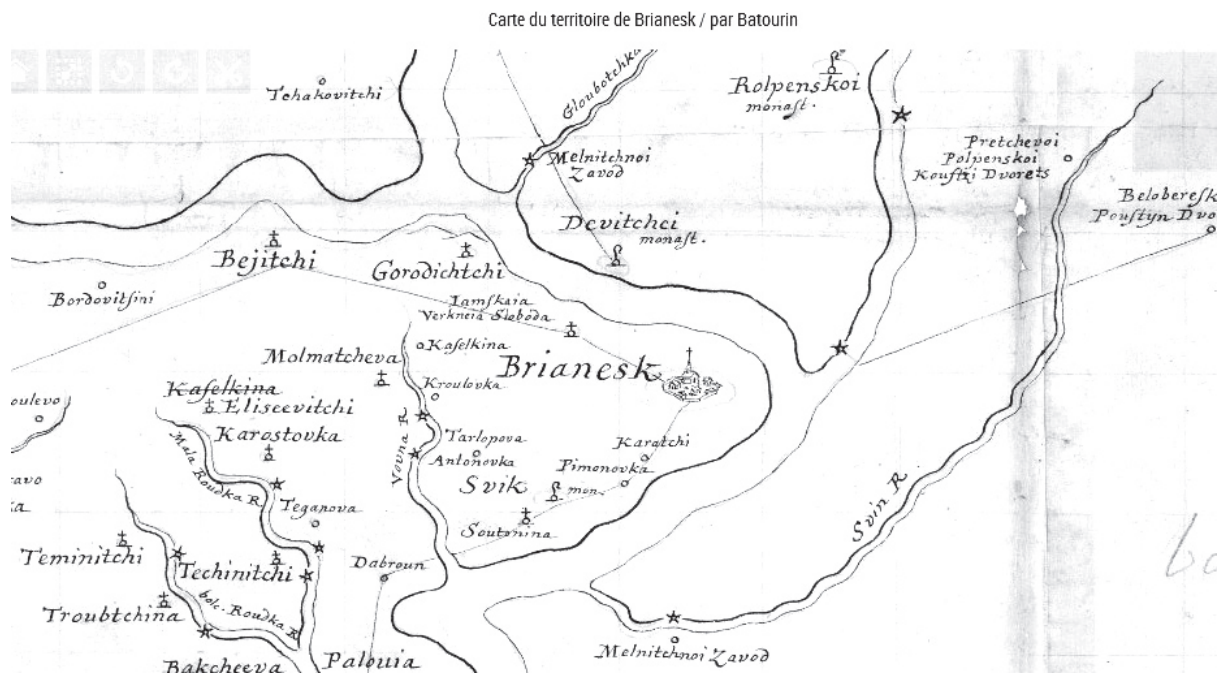
В похожем с Брянском географическом положении оказывается и **Рогнедино**.

Поселение раскинулось на берегах реки Туца, впадающей в Габью — правый приток Десны. Впервые упоминается в 1168 году, название населенного пункта связывают с именем княгини Рогнеды, сестры смоленского (позднее — киевского) князя Ростислава Мстиславича [8, с. 171].

Однако предпочтительнее выглядит объяснение топонима в привязке к местности. Очевидно, в название входит две части и формант *rog*+*neida*+*no*. Первая составляющая есть *ragas* — *мыс, стрелка, рог (излучина)*;

вторая — корень *neid-* (*nied-*), *nid-* в значении *поток, течение* [12, с. 761]. Таким образом получаем поселение на мысу, омываемому рекой.

Карта Брянска и окрестностей [9]



Другой вариант описания местоположения у реки можно встретить в названии **Сураж**.

Поселение Суражич (и) выросло на внешней стороне излучины реки Ипать, по мнению археологов, в V—VII веке. По официальной версии, название города восходит к черноморскому Судак. Тут поминают и Сурожское море, и сурожских купцов. Другие краеведы выводят название города из диалектов русского языка, в которых слово «сурожий» обозначает «видный», «пригожий», «кажистый» [8, с. 196].

Как обычно, путаница возникает из-за того, что название города изучается оторвано от других топонимов. Прежде всего, стоит отметить, что имеется несколько

населенных пунктов с названием Сураж — в Брянской, Витебской (Белоруссия) областях, Белостокском повяте (Польша). И что поразительно, все населенные пункты расположены на излучине рек.

В. А. Никонов в своем «Кратком топонимическом словаре» отмечал, что инициальное *су-*, возможно, связано с балтскими языками, но проблема эта не исследована [14, с. 399].

Действительно, топоним Сураж происходит из конструкции *su*+*ragas*, в котором приставка указывает на «*соединение*», а корень — на местоположение — *рог (излучина)*, *мыс, стрелка*. Получаем поселение на мысу у излучины реки.



Географическая взаимосвязь возвышенности у реки прослеживается и в названии брянского города **Стародуб**. Стародуб, пожалуй, один из самых древних городов области. Основан был на левом берегу реки Бабинец (приток Вабли) на мысе (ныне — урочище Солдатская гора).

Археологические раскопки указывают, что поселение возникло до появления в его окрестностях славян [11, с.156]. Связь названия города с дубовыми лесами или старым дубом — это не более, чем народная этимология. Однако никаких иных версий лингвистами предложено не было.



Топоним состоит из двух компонентов — старо+дуб. Первая часть имеет в основе балтское слово *storas* (в русском звучании *staro*) — *толстый, крупный, большой*. В этом контексте мы можем упомянуть однокоренной глагол *stoti* — *стоять* [10, с. 430]. Вторая часть представлена значением *dauba* (*dubus, dauburys*) — *впадина, дупло, пруд, ложе*. Таким образом, получаем поселение, стоящее на возвышенности у широкой части реки.

На мысу правобережной террасы реки Судынка раскинулся древний город **Мглин**. Поселение расположено на высоких — до 15 метров над уровнем реки — изрезанных оврагами берегах. Этимология «Мглин» сводится к двум основным версиям. Официально признается, что название города происходит от слова «мгла». В древние времена здесь вроде дремучие леса, в которых даже днем было сумрачно, мглисто. Вторая версия принадлежит известному краеведу

З. Е. Протченко, который многие годы занимался историей Мглина и пришел к выводу, что имя города произошло от украинского слова «млын» — мельница. Имеются предположения, что Мглин получил название от личного имени, прозвища (В. А. Никонов) или от балтского «сля-коть, грязь» (Л. Г. Невская) [8, с. 148–149].

Стоит согласиться с мнением Л. Г. Невской, что название Мглин имеет балтскую основу. Однако происхождение топонима можно связать с *tuigline* — *поросшая возвышенность, холм, бугор. В славянском звучании близким по значению становятся *моги (ы) ла, гомила*, которые встречаются во многих топонимах (Могилев, Гомель, Могила и другие). С другой стороны, можно упомянуть и немецкий Möglingen.

С кургана мглинского переходим к соседним буграм, на которых расположился город **Почеп**. В документах Почеп упоминается с XV века. Между тем, и на территории современного города, и в округе по высоким берегам рек Коста и Судость имеются несколько археологических памятников. А материалы изучения Почепского селища позволили выделить почепскую археологическую культуру (I век).

Название города связывают с пограничьем (чеп — замок, кран, затычка), фамилией-прозвищем воеводы-князя, со словом чеплять (колодезный журавель) [8, 163–165]. Однако мы возьмем за основу балтское *karas* (PIE — * (s) kor-) — *возвышенность, холм, курган, могила, копна*. В данном случае, можно предположить, что изменение в названии города были вызваны процессами первой палатизации, когда славяне пришли на Верхнее Поднепровье. Переход [k] в шипящий [č] создал *Pa-čar* — поселение по возвышенностям, холмам. Исторически это

указывает, что населенный пункт существовал уже в начале первой половины I тысячелетия. В этот же период, вероятно, появилось и нынешнее название села **Жирятино**, которое так же расположено на правом берегу реки Судость.

Впервые Жирятин упоминается в одной из грамот, датированных 1494 годом. Название села связано то ли с именем основателя, то ли с именем одного из первых владельцев (Жирославль, Жирята — древнерусские имена) [8, с. 111]. Между тем, значение топонима происходит от *giraitè (giriatè), giria* (в славянских языках слово имеет звучание *gora) — *лесок, роца на пригорке, возвышенности, холме*.

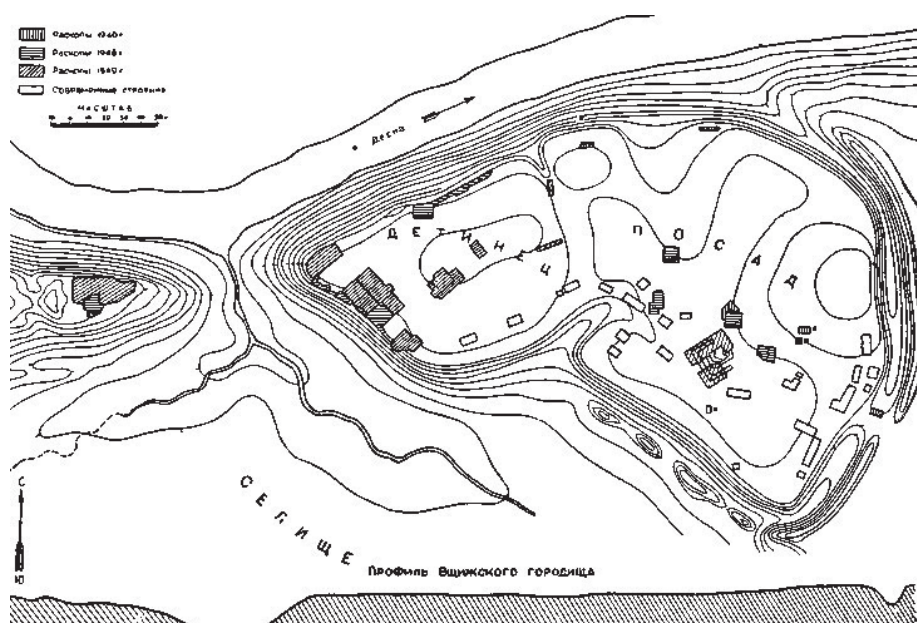
В таком же контексте выступает и название другого города, раскинувшегося на правом высоком берегу реки Судость — **Погар** — *pa-gora* — поселение по горам, буграм, холмам. Хотя официальная версия гласит, что в XVI веке в результате военных действий между поляками и русскими город был четырежды сожжен и после этого получил имя Погар [8, с. 159].

Впрочем, первоначально населённый пункт носил имя Радощ (позднее **Радогощ**) и упоминался в летописях с середины XII века. Пожалуй, единственным объяснением названия древнего поселения было то, что «здесь чтили Редегоста» [8, с. 159].

Радогощ имеет в основе своего названия *reda (redo)* — *складки, морщины, изрезанная холмистая местность*. При этом вторая часть могла возникать, как уточнение, из *goža* — *прибой, волны, пена (góžti, — è — много лить, бить, колотить)*.

Волны бьются и о крутой берег, на котором расположено поселение **Вщиж**.

План Вщижского городища [13, с. 98]



Сегодня в небольшой деревушке уже нельзя узнать величественный град, стоявший на высоком правом берегу Десны. А в те далекие времена это был удельный центр

в составе Черниговского княжества. Город был разрушен до основания в 1238 году.

Впервые Вщиж упоминается в Ипатьевской летописи под 1142 годом: «...Всеволодъ же радъ бивъ разлуочѣню ихъ. и оуладивъсѧ. в волость. и да Берестии. Дорогичинъ. и Вѣщижь...» В дальнейшем встречаются и другие вариации — Вщиж, Щиж, Вѣщижь, Вѣсчиж, Ущиж. Научного объяснения названия Вщижа пока нет, отмечал Я. Д. Соколов в своей книге «Седая брянская старина». Некоторые краеведы склонны считать, что его имя связано с возникновением крепости-защиты — от слова «ущищать». Также с защитными функциями связывают название и другие историки, которые указывают, что местность (высокое плато, ограниченное с трех сторон рекой и обрывами) надежно защищает поселение. Заслуживает внимание пермячко-вотяцкий вариант П. И. Якоби — застроенная гора, дозорный пункт. Оригинальную версию излагают А. Шкроб и В. Соколов: «город в древности назывался «Устиж» от слова Усть-Чижа (в устье Чижа)» [8, с. 519–522].

Мы же вновь отдадим предпочтение географическому положению изучаемого объекта. И вновь увидим две составляющие: *viěšě* (*viěš-*, *veš-*) в значении *башня, высокое, господствующее положение*, кроме того — *родовая община, деревня* (древне-русское — *вьсь*) и, надо полагать, *čiežti*, — *ě* — *омывать, лить воду*.

Именно формант *-чиж* подсказывает нам про балтское происхождение одного из древнейших городов Брянщины — Карачева. Кроме старинного поселения Карачиж (ныне окраина Брянска), на территории области можно встретить такие названия, как Голяж, Болдыж, Чемлыж и другие похожие топонимы.

Карачев расположен на правом высоком берегу реки Снежеть, притоке Десны, в 40 км от Брянска. Впервые упоминается в Ипатьевской летописи по 1146 году: «...и тако побѣже Ст ославъ из Новагорода Корачеву». На тот момент город уже был одним из крупных центров Новгород-Северского княжества.

Официальной версией происхождения слова «Карачев» называется тюркское «черный лес» (кара-чев). Некоторые связывают название города с именем

хазарских представителей Ка(о)рач и Карачей. Как вариант, — некое подобное прозвище отца-основателя Карачева. «Экзотическими» выглядят версии с корочуном — зимним солнцеворотом и корачками (четвереньки) [8, с. 118–119].

Однако основа топонима скрыта в слове *kerè*, который имеет родственные значения в виде *keras*, *kirna*, *kerècia*. Здесь мы находим и *кочки, возвышенность, и буеломный лес, и выкорчеванные пеньки, и заросли кустов, опоясывающие поляну*. Относительно названия Ка(о)рачев это будет указывать на расчищенное место среди леса (деревьев, кустарников) на берегу реки.

На гористом живописном берегу реки Беседь находится еще один населенный пункт из «Списка русских городов дальних и ближних» — **Попова гора** (ныне — Красная гора). Впервые поселение упоминается в 1387 году.

Происхождение топонима, наряду с вышеупомянутым Погаром, можно отнести уже к славянскому периоду — *gora*.

Города **Севск** и **Трубчевск**, как было отмечено в начале статьи, получили название от гидронимов Сев и Трубеж, поэтому об их значении будет рассказано в другой публикации. Пока лишь обратим внимание на поселение Кветунь, которое считают «предком» Трубчевска.

Городище **Кветунь** раскинулось на крутом мысу у Десны. Краеведы считают, что название поселения произошло от славянского «кветень» — апрель, цветок («квет»). Однако значение топонима может быть связано с *kvyti* — *лежать [торчать] притаившись*, т. е. отмечена именно географическая особенность расположения городища на возвышенности в безмятежном месте. В процессе славянизации постепенно центр сместился к новой точке на близлежащую возвышенность, получившей название от гидронима Трубеж.

В целом, можно увидеть, что все изученные топонимы укладываются в единую систему восприятия окружающего мира древними людьми и отражают характерные географические особенности поселений, расположенных, как отмечают и археологи, на всхолмлениях у рек.

Литература:

1. Новгородская четвертая летопись. (Полное собрание русских летописей. Том IV. Часть 1). — М., 2000. — с. 623–624
2. Федченко О. Д. Новый подход к лингвистическому анализу гидронимов Центральной России // Филология и лингвистика. — 2017. — № 2, с. 62–63
3. Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. Москва-Ленинград. «Наука», 1966
4. Гимбутас М. Балты. Люди янтарного моря. М.: Центрполиграф, 2004
5. Т. 2. III. Ипатьевская летопись. — СПб: Типография Эдуарда Праца, 1843.
6. Ющенко Н. Е. О псевдотопониме «Дьбрянськ»/Деснинские древности. Брянск, 2004, в. 3, с. 295–298.
7. Попов Б. М. Ещё раз о происхождении ойконима «Брянск»/Деснинские древности. Брянск, 2008, в. 5, с. 328–347.
8. Соколов Я. Д. Седаевская старина. Издательство «Дебрянск», 2000.
9. Carte du territoire de Brianesk / par Batourin. Baturin, Boris. Cartographie. 1724–1729. Bibliothèque nationale de France <http://catalogue.bnf.fr/ark:/12148/cb423749752>
10. Derksen R. Etymological dictionary of the Baltic inherited lexicon. Brill. Leiden · Boston, 2015

11. Ющенко Н. Е. Стародуб. История изучения и история основания города / Деснинские древности. Брянск, 2012, в. 7, С. 155–162.
12. Pokorny J. Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch, Bern & München, 1959.
13. Рыбаков Б. А. Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж / По следам древних культур. Древняя Русь. Москва: Государственное издательство культурно-просветительной литературы, 1953, С. 75–121.
14. Краткий топонимический словарь / В. А. Никонов. — М.: Мысль, 1966.
15. Трубачев О. Н. Языкознание и этногенез славян. Древние славяне по данным этимологии и ономастики (окончание) // Вопросы языкознания. — М., 1982. — № 5, С. 3–17.
16. Lietuvių kalbos žodynas (t. I–XX, 1941–2002). Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2005.
17. Lietuvių-rusų kalbų žodynas. М.: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 2005.

Научное издание

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

IV Международная научная конференция
г. Санкт-Петербург, июль 2017 г.

Сборник статей

Материалы печатаются в авторской редакции

Дизайн обложки: *Е. А. Шишков*

Верстка: *О. В. Майер*

Издательский дом «Свое издательство», г. Санкт-Петербург

Подписано в печать 24.07.2017. Формат 60x90 1/8.

Гарнитура «Литературная». Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 7,5. Уч.-изд. л. 7,7. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый»

420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.